ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора
Мальцева Геннадия Васильевича

Белгород, 2025

ББК 67+66.02
УДК 342
П 68

Рецензенты:
Аристов Е.В., доктор юридических наук, профессор (Пермь)
Стус Н.В., доктор юридических наук, доцент (Краснодар)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (Белгород)

Ответственный редактор –
профессор *Мархгейм М.В.*

П 68 Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – XII Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 25 апреля 2025 г.). – Белгород, 2025. 315 с.

ISBN 978-3-98939-058-4

В данном издании систематизированы статьи участников XII Международной научно-теоретической конференции («Мальцевские чтения» – 2025), ежегодно проводимой в апреле в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, иным обучающимся, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами юриспруденции.

ISBN 978-3-98939-058-4

© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	**НОРМАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: БАЛАНС ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ**	**8**
Носов С.И.	**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**	**14**
Мархгейм М.В.	**ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ИМПЕРАТИВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНСОНАНСА**	**23**
Беляев В.П.	**РОЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕГУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**	**33**
Беляева Г.С.	**СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА**	**36**
Газиева И.А.	**КАК НАУЧИТЬСЯ МАСШТАБНО И ФУНДАМЕНТАЛЬНО МЫСЛИТЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК И.В. ПОНКИНА И А.И. ЛАПТЕВОЙ «МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИТИКИ» В 4 ТОМАХ**	**39**
Куксин И.Н.	**ИНТЕРЕС В ПРАВЕ: ЮРИДИЧЕСКИ ЗАЩИЩЕННЫЙ ИЛИ ЗАКОННЫЙ?**	**47**
Нифанов А.Н.	**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИРАЩЕНИЕ СТАТУСОВ**	**53**
Новикова А.Е.	**МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ПРОГРАММЫ – АТРИБУТ ПУБЛИЧНОСТИ**	**59**
Позднышов А.Н.	**К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**	**63**
Понкин И.В.	**К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ МЕТОДА «АНОНИМНОГО СЛЕПОГО РЕЦЕНЗЕНТА» ДЛЯ ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ДИССЕРТАЦИИ ВО ВНЕВАКОВСКОЙ СИСТЕМЕ ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ**	**70**
Чепунов О.И.	**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**	**76**

Богатырев М.Р.	**КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**	**84**
Васильев С.А.	**СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ**	**87**
Меженская Г.В. **Ванин М.П.**	**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА**	**93**
Мирошников Е.В. **Самофалова Н.С.**	**ОБЛИК ЮРИСТА БУДУЩЕГО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ**	**97**
Непранов Р.Г. **Волошков В.В.**	**МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА**	**104**
Никонова Л.И.	**ВИДЫ И ФОРМЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛЬНОГО КАТЕГОРИРОВАНИЯ**	**108**
Орлова Н.Е. **Кациев И.Х.**	**СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**	**115**
Федоренко С.П. **Папушин Д.С.**	**НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**	**119**
Баматкириева С.Х.	**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**	**124**
Гелуненко В.В.	**СВОБОДА МЫСЛИ: НОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ФЕНОМЕНА**	**128**
Лукьянова И.Ю.	**КОНСТИТУЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ**	**132**
Нгатейо А.Ш. П.	**К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВА ПРИНИМАТЬ МЕРЫ ПРОТИВ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**	**138**

Тураева Д.С.	**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО XVIII ВЕКА**	**142**
Агарков Д.Е.	**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ РАКУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**	**146**
Аль Талабани М.А.	**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ СНГ**	**150**
Бархатов Е.Д.	**ИНСТИТУТ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ МУЖЧИН: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ**	**154**
Билык К.В.	**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ**	**158**
Бойченко Е.М.	**ПОДХОДЫ К СТРУКТУРИРОВАНИЮ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ**	**166**
Бутов А.Ю.	**ПОНЯТИЙНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ «НАРОД»**	**171**
Гаврилина Т.А.	**ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА ДОСТУПА К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ**	**176**
Гафуров Д.В.	**ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ГАРАНТИЙ ПРАВ НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ**	**181**
Гетьман К.А.	**ГЕНЕЗИС НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ВОЗЗРЕНИЯХ Л.А. КАМАРОВСКОГО**	**186**
Дружинина Ю.А.	**ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В ОБЛАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ И КОСМЕТИЧЕСКИХ УСЛУГ**	**191**
Елизаров Е.Д.	**СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**	**197**
Карпенко Т.Н.	**ПРАВОЗАЩИТНАЯ МИССИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК**	**200**
Киреев К.П.	**К ВОПРОСУ О РАЗНОВИДНОСТИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА НАБЛЮДЕНИЯ**	**206**

Коваленко А.С.	**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ ОБ АРБИТРАЖНОЙ ФУНКЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА**	**211**
Коротовских А.А.	**К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**	**215**
Ласкавая М.А.	**РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ**	**219**
Мельников П.А.	**ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЗАЩИТЕ ПАССИВНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ**	**226**
Намитоков Ю.А.	**ДИАГНОСТИКО-ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАННЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**	**229**
Трапезников А.И.	**ВОПРОСЫ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**	**240**
Цеплина Т.Д.	**ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ**	**244**
Шеломенцев А.	**ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ И ФАКТИЧЕСКИ СУЩЕСТВУЮЩИХ «КРИПТОАКТИВОВ» И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ**	**247**
Юраков Е.А.	**КОНСТИТУЦИОННЫЙ АБРИС ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**	**252**
	СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ПЕРО	
Алексеева Ж.Д.	**ЖИЛИЩНЫЕ ГАРАНТИИ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В РОССИИ**	**255**
Алексеева Ж.Д. Бершадская А.	**АДВОКАТ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**	**260**

Выходцева А.В.	**КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ**	**265**
Кашицина Е.Г.	**ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕХНОПАРКОВ**	**269**
Коськова А.И.	**ОТ УСТАВНЫХ СУДОВ К УСТАВНЫМ СОВЕТАМ**	**277**
Кочергина Е.Д. **Литвиненко С.А.**	**ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ**	**282**
Моисеева А. Э.	**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА**	**286**
Мокшина А.Ю.	**ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2024 ГОД**	**292**
Рядинская М.Н.	**ИНСТИТУТ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ**	**297**
Севастьянова Л.Ю.	**ЗНАЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ**	**301**
Фоминцев О.Г.	**К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРАВОВЫХ МЕР В СФЕРЕ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ОСВОБОЖДЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ УКРАИНЫ**	**306**
Берент К.А.	**РУССКАЯ ИДЕЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И.И. ВОСТОРГОВА**	**311**

Тонков Евгений Евгеньевич
директор Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор педагогических наук, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

НОРМАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: БАЛАНС ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

Аннотация. В статье обосновывается авторская позиция о том, что специальная военная операция оказала влияние на содержательную характеристику всей правовой системы общества. Констатируется необходимость эффективной государственной нормативной стратегии, основанной на балансе традиционных подходов и необходимости изменений, обусловленных соответствующими обстоятельствами. Показано, что трансформация внешних и внутренних политических процессов неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования.

Ключевые слова: специальная военная операция, государство, политика, право, государственная власть, юридические формы

«Если общие черты морали и права указывают на их принадлежность к единой соционормативной сфере культуры, широкому миру нравственных явлений, то различия, в каком бы количестве они нам не представлялись, образуют тот необходимый материал, на котором можно возводить концептуальные построения относительно самостоятельности и специфики данных нормативно-регулятивных систем» (Г.В. Мальцев) [1, с. 182].

Специальная военная операция, которая, вопреки ожиданиям и первоначальным прогнозам, продолжается уже более трех лет, сопровождается очевидным усилением значимости государственной власти. Возрастание доли участия государства в социально-экономической сфере представляется как вынужденная мера и не означает свертывания демократических реформ. Расширение диапазона влияния государственной власти направлено на обеспечение макроэкономической и политической стабильности, поддержание сбалансированности запросов различных акторов общественной жизни с учетом устоявшихся традиций и необходимых новаций. В результате явного приоритета новой ценностной парадигмы, обнулившей видимость всеобщего благоденствия, культивировавшегося в начале века, возникает устойчивое ощущение, что институциональная система государственного механизма во многом является дефектной, а уроки

прошлого или не поняты, или забыты. Происходящие события во многом затрагивают практически все формы общественной жизни, что предполагает необходимость переосмысления сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе. Эта потребность объясняется тем, что созданная при социализме и успешно модернизированная теория правового регулирования не в состоянии объяснить перемены в политической и правовой системе.

Как показывает анализ даже доступной информации в настоящее время осуществляется очередное перераспределение прав собственности и государство активно участвует в этом процессе, даже организует его и руководит им. Трансформация юридической природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Нормотворческая и правоприменительная деятельность в новых условиях не могут осуществляться в тех же юридических формах и пределах как прежде. Вот почему главной задачей ближайшего будущего станет адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к формирующейся в известных обстоятельствах ситуации. На гражданское общество, которое является одним из определяющих факторов развития демократии в России и построения правового государства, самой цивилизацией возлагается миссия переосмысления фундаментальных правовых и нравственных подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы, которые пока еще превалируют в общественном правосознании, больше не работают, что не способствует пониманию государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня по понятным причинам практически нет, это дает нам основания на собственное представление о ней.

Жизнь гражданского общества не существует вне государства, при фактической диффузии которого в общественные структуры становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и общество. В результате этого облик мифа приобретает и само гражданское общество. Как бы ни пытались «телевизионные политологи» и «огосударствленные» средства массовой информации придать парламентским партиям образ демократических институтов гражданского общества, они все более обрастают рудиментами КПСС, отличавшейся редким единодушием.

Механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Нормативная стратегия государства должна осуществляться координиро-

ванно, на основе единой концепции, с учетом взаимозависимости всех составных элементов механизма правового регулирования, хотя они отличаются друг от друга содержанием выполняемых задач и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств их решения, направленностью юридических процедур и последовательностью их использования. Изменились экономические, политические и социокультурные условия, что повлекло за собой перенос акцентов с интересов личности на интересы государства. Это существенно влияет на саму парадигму управления обществом, инициирует трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы.

Сильное государство, соответствующее современному характеру целей и задач, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием, позволяющими осуществлять надежное противостояние возникающим угрозам.

Н.М. Коркунов определял государственную власть как «силу, обусловленную сознанием гражданами их зависимости от государства, в результате которой граждане подчиняются велениям отдельных лиц, признаваемых органами государственной власти» [2, с. 300].

Законодателю предстоит создание необходимых фундаментальных основ для реализации государственной деятельности в современных условиях с выходом на практические рекомендации правового регулирования соответствующего спектра проблем. Общество заинтересовано не только в объяснении учеными и политиками причинно-следственных связей или прогнозе дальнейшего развития событий, а в решительной деятельности государственной власти по выходу из создавшегося положения.

И.А. Ильин считал государственную власть волевой силой, однако подчеркивал при этом, что «меч» отнюдь не выражает сущность государственной власти; он есть лишь крайнее и болезненное ее средство; он составляет ее последнее слово и слабейшую из ее опор» [3, с. 288-289].

Новая ситуация требует поступательной трансформации отечественного права. Являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, нормы права составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления. Однако в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении государственной деятельности с учетом формирования нового нормативного содержания.

Проблема совершенствования государственной деятельности в условиях создавшейся ситуации является специальной в ряду с другими. Это вызов вре-

мени, с которым приходиться считаться, принимать его, осуществлять ускоренный поиск адекватных средств государственно-правового реагирования. Рассматриваемая проблема поставлена перед современным обществом как целостным образованием и речь идет если не о выживании, то, как минимум, о благополучии.

Как отмечал Г.В. Мальцев, на государстве «лежит ответственность за формирование у общества чувства уверенности в завтрашнем дне, понимания необходимости применяемых мер и формирования законодательных норм, которые порождают ценное чувство уверенности людей в будущем, многократном воспроизведении форм жизни, к которым они привыкли и которые высоко ценят» [1, с. 22].

Общество – саморегулирующаяся система, которая в случае возникновения угроз для его безопасности (военное противостояние, экономический кризис, терроризм, коррупция и др.) задействует весь арсенал возможностей локализации неблагоприятных факторов с помощью политических ресурсов государства, правовых средств, социальных институтов и др. Это относится и к плоскости научных исследований, поскольку политика, система управления, правовое регулирование нуждаются в научном обеспечении с точки зрения установления оптимального набора средств противостояния неблагоприятным тенденциям.

Цель нормативной стратегии государства опосредована множеством целей и интересов субъектов правоотношений, зависит от них. Вот почему государство должно стремиться не только консолидировать их и привести в соответствие с общественными потребностями, но и поддержать, обеспечив правовым инструментарием реализации. В значительной степени нас убеждает в этом и переживший века вывод М.М. Сперанского, который считал, что «мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции» [4, с. 21].

Познание сущности ценностей государства, помогает раскрыть их взаимосвязь с другими категориями реальности, причем важное место занимает процесс осознания того, какова при этом иерархия жизненных и профессиональных ценностей, каков механизм их влияния на процесс формирования гражданского общества. По выражению М.В. Мархгейм, ценности являются «Одним из универсальных мерил, активно функционирующих в общественных отношениях… Подбирая очевидные к ним характеристики, ценности предстают, например, вечными и преходящими, стабильными и вариативными, общими и специфическими, материальными и духовными» [5, с. 70]. Общественные ценности утверждаются в жизни не спонтанно, а зависят от социально-экономических и политических отношений в государстве. Совокупность ценностей государства носит целостный характер и представляет собой познавательно-действующую систе-

му. Кроме того, ценности объективны и формируются исторически в ходе развития общества, фиксируются в науке как в форме общественного сознания в виде специфических образов и представлений, находящих отражение в идеях и концепциях [6, с. 175-176].

Кризисные явления неизбежно влекут за собой трансформации процессов правовой регуляции. Государственная деятельность в различных юридических и неюридических формах выполняется всеми основными звеньями государственного механизма, всей системой государственных органов. Поэтому специфика их организации и структуры, занимаемое ими место в системе механизма государства, органически связаны с формами их деятельности. Как формы государственной власти, так и структура органов, осуществляющих эту деятельность, подчинены задачам наиболее успешного проведения основных функций государства и зависят от содержания последних. В связи с этим способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государственными органами.

Политика в отличие от формальной определенности права представляется нам сферой фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, создающей структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются нормативная стратегия и тактика государства. Сложившаяся ситуация, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права. Тем не менее, как справедливо отмечает Н.А. Власенко, «государственная власть мало интересуется результатами исследований правовой науки» [7, с. 321].

Без общего единства всех элементов правовой системы, интегрирующей и регулирующей роли государства невозможно целостное, логически стройное, целенаправленное конструирование нормативной стратегии государства. Сочетание в ней общего, особенного и единичного является необходимой основой ее функционирования, что становится возможным в результате всеобщей связи элементов системы как объективного факта действительной правовой жизни общества. Принципы сами по себе к делу не применимы, однако на них возлагается задача структурировать процесс аргументации, нацеливая тем самым на созидание нового рационального решения, формулировка которого не вытекает напрямую из существующих норм.

Противоречивые тенденции в различных сферах жизни общества не могут не найти своего отражения в формировании нормативной стратегии государства, которое является универсальной системой регулирования социальных процессов. В целях позитивного воздействия на происходящие события право

должно все более последовательно и решительно выполнять интерактивную роль, не только сопровождая меняющиеся условия общественной жизни, но и способствуя их преобразованию.

По актуальному и сейчас выражению Г.В. Мальцева, памяти которого посвящен настоящий сборник трудов, «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля» [8, с. 88].

Понимание принципов взаимодействия теории с практикой социального управления, основанное на возникшей необходимости отстаивания приоритета человеческих целей и ценностей, является одним из характерных признаков нормативной стратегии государства, базирующейся на балансе традиций и новаций. Ее объектом служит процесс деятельности государства по осуществлению функций, а задачи заключаются в разработке теоретических проблем и практических вопросов, в выработке научных рекомендаций по совершенствованию данного процесса.

Специальная военная операция на примере одного из государств убедительно подтвердила пророческие слова Б.С. Эбзеева, что распыляемые европейскими «мультикультуралистами» и их американскими консультантами по всему миру «права человека, особенно в их интерпретации наднациональными судами, в действительности играют роль «троянского коня», а их всходами являются «девальвация национальной государственности глобальное или региональное господство и подчинение, гарантирующее привилегированный статус лидеров глобализации и их беспрепятственный доступ к ресурсам стран, пребывающих на периферии экономического развития» [9, с. 13].

Вот почему так важно сегодня сохранить все лучшее российской правовой системы, в том числе наиболее эффективные, обоснованные и апробированные юридические формы государственной деятельности. Новая правовая перспектива не может основываться на простой совокупности юридических норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью внятной нормативной стратегии.

Понимая это, законодатель должен принимать во внимание специфические правовые ограничения, воспроизводимые в процессе конструирования нормативной стратегии. Стимулирующая роль баланса традиций и новаций при этом заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным нравственным качествам личности. Правопорядок в обществе, являющийся, в том числе, результатом нормативной стратегии, является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М. Норма: ИНФРА-М, 2011.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб., 2004.
3. Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2003.
4. Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии Уложения // Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. М., Л., 1961.
5. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
6. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.
7. Власенко Н.А. Избранное. – М.: НОРМА, 2015.
8. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2009.
9. Эбзеев Б.С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 5-15.

Носов Сергей Иванович
профессор кафедры конституционного права
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преемственности в праве, под которой понимается объективная связь между различными этапами развития права. Развитие права отдельного государства невозможно без учета его многовековой истории. В современный период все более востребованными становятся знания о правовых ценностях, закономерностях правового развития. Отрицание и пренебрежение преемственными связями между различными этапами развития права и государства могут создать серьезные проблемы в определении направлений их дальнейшего развития. В преемственности в праве отражается и национальный вектор, который выражается в правовом менталитете, правовом мышлении, исторической памяти. Правовые традиции формируются веками, несут в себе мощный ценностный заряд, связаны с поддержанием тех

или иных правовых ценностей. Как показывает исторический опыт, роль преемственности в правовом строительстве современной России относительно невысока. Аргументируется вывод о том, что историческая преемственность является важной методологической предпосылкой и основанием разработки современной правовой политики.

Ключевые слова: преемственность в праве, отечественные традиции, державность, патриотизм, правовые традиции, правовая система, государственно-правовое строительство, правовой менталитет, правовое мышление, историческая память

«… праву нужны новации, оно тоже переживает времена перестраивания, интенсивного процесса создания новых структур, реформирования. На субъектов юридического сознания в такие периоды ложится особенно тяжкий груз ответственности за состояние правовой системы, которую, несмотря на все перестройки и новации, необходимо уберечь от разрешения, сохранив преемственность в развитии правовых отношений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 102-103).

Категория преемственности является чрезвычайно широкой по своему содержанию. Вся жизнь отдельного человека, как и развитие социального общества в целом – это процесс преемственности. Развитие общества, о какой бы сфере не шла речь, опирается на предшествующий опыт и знания.

Одной из самобытных черт российского политического развития выступало понимание места, роли и значения государства в жизни общества. Для западной политической традиции всегда было характерно настороженное отношение к государству, стремление его ограничить и поставить его под действенный контроль со стороны тех или иных общественных сил. В России понимание государства всегда было совершенно иным. В российской традиции отсутствует противопоставление государства и общества, так как государство призвано выражать интересы общества. Понятие «государство» является ключевым для политической жизни на протяжении всей истории России. Его трактовка не оставалась неизменной, со временем претерпевала изменения, однако, понимание его уникальности для развития страны и общества всегда было определенным и ясным.

Многие исследователи отмечали особую роль государства в истории России. С самого начала она возникла как страна, где интересы государства были важнее интересов национальных групп, классов, сословий. Роль государства по отношению ко всем сферам общественной жизни в дореволюционной России была исключительно велика. Не уменьшилась эта роль и в советский период

развития России. Все наиболее значимые преобразования в истории нашей страны инициировались именно государством, а общество реализовывалось на их реализацию.

С древних времен в России складывались устойчивые отечественные традиции – общинность, соборность, державность (государственность), патриотизм, справедливость, духовность. Важным фактором стабильности и устойчивости на протяжении всей истории российской государственности являлось сильное централизованное государство, способное обеспечить необходимый порядок, целостность общества, защиту страны от иноземных нашествий.

Развитие права отдельного государства невозможно без учета его многовековой истории. Как отмечается в юридической литературе, направления совершенствование правовых систем связаны не только с анализом современных правовых проблем, но и должны быть осмыслены в историческом контексте. Без этого невозможно осознание закономерностей развития правовых систем, равно как и логическое осмысление объективного хода исторического развития права.

Преемственность в праве рассматривается как объективная связь между различными этапами развития права.

Отрицание и пренебрежение преемственными связями между различными этапами развития права и государства могут создать серьезные проблемы в определении ориентиров и направлений такого развития.

В современный период все более значимыми и востребованными становятся знания о правовых ценностях, закономерностях правового развития. Осмысление правовых явлений прошлого позволяют глубже понять правовую действительность, дает возможность извлечь уроки, обозначить актуальные вопросы для решения современных задач.

Нерсесянц В.С. отмечал, что познание логики преемственности и новизны в ходе государственно-правового строительства имеет важное идейно-теоретическое и методологическое значение [1, с. 10].

Исследование российской правовой системы с точки зрения ее преемственного развития позволяет сформировать целостный взгляд на российскую действительность, скорректировать дальнейший путь развития российской правовой системы и обозначить актуальные вопросы, требующие научной разработки [2, с. 2].

Проблема обновления правовых систем не только непосредственно связана со сложившейся на данный момент правовой ситуацией в стране, но и должна быть осмыслена в историческом контексте. Невозможно представить современное право в отрыве от многовековой истории. Без исторического воспроизведения правового развития исключается возможность логического осознания

его закономерностей, а без логического осмысления объективного хода исторического развития права невозможно вскрыть внутренние причины и механизмы его движения [3, с. 15].

Преемственность в праве аккумулирует, сохраняет результаты исторического развития системы права. С другой стороны, заключенные в этих результатах нереализованные возможности составляют основу для дальнейшего совершенствования права.

В преемственности в праве отражается и национальный вектор, который выражается в правовом менталитете, правовом мышлении, национальном языке, исторической памяти. По словам В.А. Рыбакова, «Правовой менталитет берет на себя функции сохранения приобретенных в прошлом правовых ценностей, их самобытности Правовое мышление аккумулирует весь предшествующий социально-юридический опыт. Историческая память выражает способность сохранять и передавать социальную информацию о праве посредством созданных правовых кодов Национальный язык служит своеобразной внутренней формой правовых актов, из него формируются все правовые категории» [4]. Преемственность предполагает преумножение технико-юридических правовых ценностей, сохранение развитие правовой культуры, наращивание правового инструментария.

Преемственность в праве – явление объективное, существующее в любом историческом типе права.

Как показывает исторический опыт, роль преемственности в правовом строительстве современной России относительно невысока.

Правовое развитие в истории России не было поступательным и линейным. Наша история знает примеры попыток отказа от преемственности в правовом развитии. Таким примером являются события, связанные с Октябрьской революцией, когда был взят курс на полный слом «буржуазной» государственной машины, и полной отмены предшествующего законодательства. В этот период нашей истории говорить о наличии преемственности в правовом развитии нет оснований, хотя даже и после революционных событий применялись отдельные акты дореволюционного периода. Это, к примеру, Декрет «О суде № 2», который был издан 15 февраля 1918 г., подтвердивший возможность сохранения и использования дореволюционных норм. Судопроизводство по гражданским и по уголовным делам предписывалось производить по правилам судебных уставов 1864 г., поскольку они не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов [5].

Другой пример отрицания преемственности в правового развития. В конце 80-х – начале 90-х гг., в период перехода (как тогда заявлялось) к «демократиче-

ским преобразованиям» в нашей стране, в теории и практике общественно-политической и государственно-правовой жизни ставилась задача избавления от всего прошлого. Активно приветствовалось заимствование у западных стран их правовых стандартов. Вместе с тем, возникло немало проблем, связанных с адаптацией государственно-правовой реальности, правового сознания, менталитета граждан к происходящим событиям (переменам), что нашло отражениях в серьезных противоречиях в самых разных сферах общественной жизни (политической, экономической, социальной) [6].

Между тем именно историческая преемственность является важной методологической предпосылкой и основанием разработки современной правовой политики. Кроме того, как справедливо отмечается в юридической литературе, в советском праве были весьма развиты его формы, содержание, принципы, юридическая техника. Они имеют потенциал, который необходим для строительства российского права [4].

В XXI столетии в условиях глобализации, возникающих новых угроз и вызовов общественному порядку, национальной безопасности, проявлениям разных форм экстремизма, угроз «цветных революций», последствий экономических и экологических кризисов был взят курс на «укрепление государственной целостности», обеспечение безопасности, усиление федерального центра.

В этой связи представляются актуальными и своевременными конституционные изменения, внесенные Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В Конституции России получили закрепление положения о преемственности государственно-правового развития России, защите суверенитета и государственной целостности, опоре на отечественные традиции: патриотизм, сохранение национально-культурной самобытности, традиционных семейных ценностей, исторической правды, памяти предков, заботы о детях и другие. По словам М.В. Мархгейм, «Поправки, внесенные в Конституцию России 2020 г. с широкого одобрения российских граждан в ходе общероссийского голосования, помимо прочего были предназначены для обеспечения разумной преемственности конституционного строительства России как державы и Отечества. Такие синонимы государства, примененные к России, подчеркивают тональность сегодняшнего дня. Разумная преемственность предполагает опору на воспринятые обществом и государством таковыми ценности и традиции» [7, с. 69].

Исключительно важная роль в защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти принадлежит также Указу Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об

утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Указанные акты свидетельствуют о выборе вектора российской государственно-правовой политики в направлении сохранения правовой преемственности и укрепления отечественных духовно-нравственных ценностей, что является особенно актуальным в современных условиях.

На протяжении последних лет мы являемся свидетелями того, как стремительно меняется мир, как быстро меняются общественные отношения.

Возникают новые угрозы, новые риски, новые вызовы для общества, государства, отдельного человека.

Тема суверенитета в последнее время приобрела особую остроту. В современный период глобализационных и интеграционных процессов, происходящих в мире, для суверенитета государства возникли новые угрозы и вызовы.

Суверенные государства столкнулись с проблемой реального обеспечения и сохранения своего суверенитета. Государство становится все более уязвимым в современном мире. Это своего рода плата, обратная сторона процессов глобализации.

Парадоксально, но факт: чем более глубоким становится международное разделение труда, чем больше рисков это создает для суверенитета государства.

Наша страна это почувствовала на себе на примере пассажирских самолетов, когда стало выгоднее брать в лизинг иностранные самолеты, чем строить собственные. В условиях санкций (которых как отмечал Президент РФ на съезде РСПП 18 марта 2025 г. – 28 595) оказалось, что мы не можем летать на самолетах иностранного производства и срочно возникла необходимость развития собственной авиационной промышленности. И такая ситуация характерна для многих других сфер нашей экономики.

Реальностью является то, что экономически более развитые страны все чаще пытаются навязать другим странам свои модели развития.

По-настоящему суверенных государств в современном мире очень немного, большинство политических режимов, считающих себя суверенными, являются зависимыми от более крупных стран. То, что действительно происходит с современным государством, можно назвать эрозией суверенитета.

Мальцев Г.В., В.Д. Зорькин и другие ученые-юристы неоднократно подчеркивали, что национальные государства, основанные на единстве культуры, истории, традиций, образа жизни имеют важнейшее значение для будущей структуры глобального мира.

Право в современный период времени, к сожалению, находится в состоянии глубокого кризиса. Мы наблюдаем разрушение сложившихся и казавшихся устойчивыми отношений между странами, хозяйственными структурами. Разру-

шаются, сформированные в течение многих десятилетий, казавшиеся незыблемыми и непререкаемыми многие международно-правовые институты, принципы свободы рыночных отношений, хозяйственной деятельности, незыблемости права частной собственности, прав и свобод человека.

Это ставит множество вопросов перед государственными и правовыми институтами, перед юридической наукой о перспективах и направлениях развития государственно-правовых институтов в современных геополитических условиях.

В этой связи представляется актуальным обращение к научному наследию, выработанному многими поколениями российских ученых юристов, сохранению преемственности в праве, приумножению наших правовых традиций.

В поисках решения возникающих правовых проблем наряду с новыми подходами представляется важным опираться на богатое научное наследие многих поколений выдающихся российских ученых, к числу которых, несомненно, относятся член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев, член-корреспондент РАН Д.А. Керимов, член-корреспондент РАН В.С. Нерсесянц.

Смысл и назначение права, по мнению профессора Г.В. Мальцева, состоит в юридическом обеспечении саморазвивающихся социальных процессов, и, в связи с этим, оно (как государственно-властный регулятор) должно быть чувствительным к природе регулируемых им объектов. Не подменять их саморазвитие, не ломать и не уродовать его, а усиливать, охранять, создавать необходимые условия, давать общие направления развития.

В основе всей методологии правового регулирования должен быть принцип: «меньше императивности, больше диспозитивности». Всемерное усложнении и ускорение общественных процессов может привести к фактической невозможности и нецелесообразности установления государственных нормативов в целом ряде сфер общественной жизни, в которых самоуправленческие начала, нормы саморегулируемых организаций будут более эффективными и рациональными по сравнению с государственными установлениями (правовыми нормами).

Государство сохраняется как организационная система, способная при помощи права и законодательства устанавливать механизмы координации и субординации социальных интересов, смягчать напряжение между ними, защищать ценности, разделяемые большинством членов общества.

Проблематика ценностных оснований права, правовых традиций красной нитью проходит через многие научные исследования.

Правовая традиция рассматривается в юридической литературе как совокупность исторически сложившихся, устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития в пределах отдельно взятой правовой системы, которая

обеспечивает преемственность и трансляцию правового опыта правовой культурой из одного времени в другое.

Правовые традиции формируются веками медленно и постепенно; несут в себе мощный ценностный заряд, связаны с поддержанием тех или иных правовых ценностей; неразрывно связаны с правосознанием.

К числу признаков правовой традиции относят: систему источников права и их иерархию; соотношение закона и юридической практики; роль и авторитет судебной власти; отношение населения к праву, которое в России оставляет желать лучшего; соотношение права и морали в правосознании населения; влияние религии.

Правовая традиция придает устойчивость правовой системе, определяет направления развития права.

Связь поколений в преломлении культурных и правовых традиций прекрасно показана в работе члена корреспондента РАН Г.В. Мальцева «Культурные традиции права». Это фундаментальный труд, в котором отражены страницы истории культуры разных народов, оказавшие влияние на их правовое развитие. События и факты выстраиваются автором в отдельные культурно-исторические линии, «проливающие свет» на определенные аспекты современного мира.

Обосновывается тезис о том, что сегодня невозможно судить о состоянии нашей цивилизации? не погружаясь в древнейшие пласты человеческой культуры, в которых видна нерасторжимая связь культурных форм с представлениями людей о порядке, праве, законах.

Рассматривается мифология древних греков, сакральные функции поддержания порядка и закона, утверждения права и справедливости. В реализации этих функций особое место отводится Фемиде – богине справедливости, правосудия и правового порядка. Многие греческие мифы являются свидетельством того, что влияние Фемиды на положение дел в универсуме вначале сильное затем постепенно убывает. Мифологические герои относительного позднего периода часто призывали Фемиду в свидетели несправедливости, однако, возмездие вершится не торопливо, либо вообще не наступает [8, с. 104-105].

Представляют большой научный интерес правовые традиции античной культуры, право в культурных традициях древних германцев, древнеславянские культурные традиции и право.

В работе глубоко исследовано право древних славян. Аргументируется вывод о том, что право древнее, чем ученые до сих пор себе представляли. Время возникновения права (не в виде законов, а виде писаного обычая), по мнению автора, необходимо отодвинуть вглубь истории. Оно возникло задолго до появления первичных форм восточнославянского государства (VII-IX в.в.).

Вся история русского права включает три взаимосвязанных процесса развития обычного (общинного и другого) народного права, наиболее древнего по своему происхождению; кодифицированного права, введенного государственной властью и церковно-каноническое право, которое регулировало широкую сферу брачно-семейных, имущественных и наследственных отношений.

Вместе с тем на протяжении всей русской истории именно обычное право представляло собой «столбовой» путь правового развития, активно воздействуя не только на государственное законодательство, но и на церковное правотворчество.

Формулируется вывод о том, что без предшествующего периода развития Руси во всех его сложностях и противоречиях, без эпохи Ивана IV, как и предшествующей эпохи Ивана III, история государства российского не смогла бы обрести те социально-политические масштабы и ту значимость, которыми она обладает в настоящее время. Известно, что при Иване Грозном Россия стала и с тех пор остается крупнейшей евразийской державой. Территория страны выросла с 2,8 до 5,4 млн. кв. км, население увеличилось на 30-50% [8, с. 584].

Г.В. Мальцев отмечал, что современная Россия «должна собраться духом в связи с теми потрясениями, которые выпали на ее долю». То, что для современной России крайне необходимо – это возрождение ее лучших культурных традиций, так как это богатая культура, возникшая на прочном фундаменте отечественного и мирового опыта.

Прогресс России может быть обеспечен усилиями самих граждан с твердой уверенностью в будущем, верой в перспективы российского правосознания и отечественной культуры. Эти качества существовали в нашей истории всегда. Они и должны стать ориентиром для новых концепций, необходимых для дальнейшего развития страны.

Это подчеркивает важность сохранения преемственности в государственно-правовом развитии России, укрепления отечественных правовых традиций. Правовое наследие, следование правовым традициям имеет непреходящее значение для определения направлений дальнейшего правового развития российского государства.

Список цитируемой литературы

1. Нерсесянц В.С. Советское государственно-правовое строительство проблемы взаимосвязи истории и теории // Сов. государство и право. 1988. №8.
2. Пугина О.А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11.

3. Керимов Д.А. Методологические функции философии права // Государство и право. 1995. № 9.
4. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: Автореферат диссертации на соискание доктора юридических наук. – Омск, 2009.
5. Декреты Советской власти. Т. I. – М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957.
6. Умнова-Конюхова И.А. Какой конституционный строй нужен России? Оценка и прогноз конституционного развития сквозь призму мировых конституционных трансформаций // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. (Система КонсультантПлюс: Юридическая пресса дата печати 03.04.2025)
7. Мархгейм М.В. Преемственность как логика конституционного строительства России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 67-72.
8. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. – М.: Норма: Инфра – М, 2013. 608 с.

Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ИМПЕРАТИВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНСОНАНСА

Аннотация. Основываясь на научных источниках и конституционных положениях автором представлены аргументы в пользу рассмотрения правовой безопасности как императива конституционного консонанса. Систематизированы конституционные нормы, характеризующие модель конституционно-правовой безопасности, а также конституционные инструменты гармонизации нормативных правовых актов и разрешения противоречий и разногласий между органами публичной власти в пользу правовой безопасности.

Ключевые слова: конституция, безопасность, ценность безопасности, конституционно-правовая безопасность

«Место юридической нормы в системе права определяется социальной значимостью долженствования, выраженного в этой норме. С нею прямо свя-

зана юридическая сила данной нормы. Более значимые (ценные) нормы, прежде всего конституционные, наделяются высшей юридической силой…Создавая норму, законодатель, безусловно, опирается на логику оценок и значений, так же как ею руководствуются и те, кто выстраивает иерархическую систему государственных органов, распределяет полномочия между ними, устанавливает порядок осуществления правотворческих функций. Нет ничего удивительного в том, что в компетенции государственных органов и юридической силе норм просматривается одна и та же логика – ценностная логика иерархий» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. С. 612).

Безопасность как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз не только воспринимается, но и реально является той базовой ценностью, потребность в которой не покидает человека на протяжении всей его жизни. Представляется, что запрос на безопасность заложен самой природой, проявляется на уровне инстинкта самосохранения, обостряется вызовами и угрозами. Поэтому, вопросы обеспечения безопасности находятся в топе актуальнейших задач. Безопасность одновременно выступает общим знаменателем в жизненно важных интересах личности, общества и государства.

В контексте рассмотрения права в свете классических научных парадигм Г.В. Мальцев мудро отмечал, что «В мир приходит все больше и больше человеческих существ, каждое из которых имеет такое же право жить на Земле, как и все те, кто уже живет… Право человека на жизнь – это, скорее, онтологическое, чем юридическое право, но оно в ярком свете представляет нам положение юриспруденции в обществе. Если общественные порядки заставляют кого-то всю жизнь изнурительно трудиться ради куска хлеба, быть средством удовлетворения потребностей других, постоянно служить чужим интересам в качестве работника, солдата, налогоплательщика, то это не право, а обязанность жить ради поддержания сомнительно организованного, плохо урегулированного, скверно управляемого общества. Как бы то ни было, но логика культурной эволюции человечества ведет людей к такой организации и порядкам жизни, которые отвечали бы смыслу существования не только самого человека и предметов, его окружающих. Чтобы обрести эти смыслы, человек будущего должен научиться вопрошать природу без интеллектуального высокомерия и ложного всезнайства, запастись изрядной долей критицизма по отношению к себе, своей способности обустраивать мир, которая, действительно, велика, но не безгранична» [1, с. 40-41]. Все эти идеи непосредственно относятся к вопросам понимания и достижения безопасности.

При этом установление и обеспечение безопасности есть дело государственное, поскольку оно, по словам И.А. Ильина, «.. начинается именно там, где

живет общее, т.е. такое, что всем важно и всех объединяет; … Таковы совместная и общая безопасность жизни; такова национальная армия; такова честная полиция, таков правый суд; таково верное и мудрое правительства; такова государственная дипломатия; таковы школы, дороги, флот, академии, музеи, больницы, санитарная служба, правопорядок, всякое внешнее благоустройство и ограждение личных прав» [2, с. 42]. Обратим внимание на исходную позицию в этом перечне «важного и всех объединяющего», а именно на «совместную и общую безопасность жизни». Это отнюдь не случайно, ведь жизнь «относится, пожалуй, к самым загадочным феноменам, раскрыть который пытаются представители и естественно-научного, и гуманитарного крыла науки <…> Юриспруденция исследует жизнь и как объект правовой защиты, и как самостоятельное право» [3, с. 135]. По версии философа Х. Ортега-и-Гассета, «Жизнь – это серия фактов, управляемых законом» [4, с. 9]. Как представляется, здесь закон подразумевается не только естественно-научный, но и юридический.

Безопасность является объектом исследования практически для всех отраслей науки и практики. С позиции юриспруденции безопасность разрабатывается в понятийно-категориальном ключе [5, 6], с точки зрения ее видового ряда [7, 8, 9] и субъектного сопряжения [10, 11]. Самостоятельно акцентируются юридическая безопасность [12] и правовая безопасность [13]. В контексте национальной безопасности исследуются конституционная [14] конституционно-правовая [15] и правовая [16, 17] безопасность.

Даже указанные грани исследования безопасности характеризуют содержательную ёмкость данного феномена, позволяя при этом найти собственный ракурс его познания Наш ракурс – рассмотреть правовую безопасность в качестве императива конституционного консонанса, иначе – гармонии.

Правовая безопасность может быть рассмотрена в качестве как желаемого с учетом ценностей и идеалов состояния российского общества и государства, так и юридического инструментария достижения этого востребованного и жизненно значимого состояния. Если первое – перспектива, учитывающая целенаправленную системную динамическую подстройку правовой сферы с учетом актуальных и прогнозируемых вызовов и угроз, то второе – совокупность адекватных правовых возможностей достижения этого. По словам Г.В. Мальцева, «Как система норм право действительно состоит из строгих, выверенных практикой формул, претендующих на истинность и достоверность, но оно вместе с тем есть запрограммированный в нормах порядок, который должен неукоснительно осуществляться (нормативный аспект), соответствовать идеалам добра, справедливости, человеческого достоинства (ценностный аспект)… полная и неискаженная картина правового регулирования в обществе может быть составлена на основе познавательного материала, добытого в результате научного, норма-

тивного и ценностного постижения юридической действительности. Одной формы познания, даже если она научная, недостаточно» [1, с. 76].

Императивы правовой безопасности в обоих смыслах сосредоточены в Конституции Российской Федерации. По отраженной в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400, официальной позиции «Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации».

Анализ конституционного текста под углом конкретной задачи всегда дает пищу для различного рода размышлений и суждений. Вот и анализ текста Конституции России, прежде всего, явил 21 упоминание о безопасности последовательно в 6 из 9 ее глав. Безопасность представлена в ряде принципиальных субъектных сопряжений, как то: безопасность государства (ч. 3 ст. 13, ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 82, п. «д[1]» ст. 83, п. «к» ч. 1 ст. 102,), безопасность граждан (ч. 1 ст. 56,), безопасность личности (п. «м» ст. 71, п. «ж» ст. 83), безопасность людей (ч. 1 ст. 98).

Конституированы виды безопасности: государственная безопасность (п. «д» ч. 1 ст. 114), общественная безопасность (п. «б» ч. 1 ст. 72, п. «д[1]» ст. 83, п. «к» ч. 1 ст. 102), экологическая безопасность (п. «д» ч. 1 ст. 72).

Безопасность нашла свое конституционное закрепление в качестве критерия соответствующего состояния условий труда (ч. 3 ст. 37), предмета ведения Российской Федерации (п. «м» ст. 71), объекта обеспечения (ч. 2 ст. 74), поддержки и укрепления (ст. 79[1]). Слово «безопасность» содержится также в названии конституционного публичного органа – Совета Безопасности Российской Федерации (п. «ж» ст. 83).

Уже из совокупности названных конституционных норм есть основания для вывода, что безопасность может именоваться конституционной и претендовать на статус конституционного института. Учитывая, что положения, касающиеся безопасности содержатся не только в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», но и в широком диапазоне иных правовых актов, где конкретизируются и развиваются конституционные положения, не будет ошибкой именовать данный институт конституционно-правовым.

Анализ содержания приведенных конституционных норм позволяет обобщить, что безопасность в их контексте предстает как искомое состояние, для достижения/обеспечения/поддержки/укрепления которого предусмотрены специальные меры запретительного, ограничительного, специально-режимного

и иного характера. Ценность безопасности для личности, общества и государства столь высока, что во имя нее допускаются ограничения в отношении замкнутого, но все же довольно пространного круга конституционных прав и свобод человека и гражданина, как известно, обладающих в силу ч. 2 Конституции России высшей ценностью. В этой связи есть основания для утверждения о наличии высшей, но не единственной высшей ценности. И эта равновеликая высшая ценность – ценность безопасности.

Наряду с конституционными положениями, содержащими слово «безопасность», есть и те, предназначение которых – служить достижению состояния безопасности всех конституционных субъектов. Совокупность таких норм можно более широко именовать правовой безопасностью. Одни из них непосредственно направлены на регулирование отношений в сфере безопасности, другие служат ей косвенно, но верно. Порассуждаем на этот предмет в ракурсе одной из отправных отраженных в Стратегии национальной безопасности точек – внутреннего единства, курс на укрепление которого последовательно проводится Российской Федерацией. Обратим внимание на конституционный инструментарий обеспечения внутреннего единства правового пространства как фактора правовой безопасности и гармонизации через правовое регулирование общественных отношений.

Правовой безопасности служит, прежде всего, установление базовых конституционных ценностей, изначально и концентрированно изложенных в 1993 г. в преамбуле Конституции Российской Федерации. Поскольку их юридическая сила не была определена, а с течением времени возникли угрозы их умаления, постольку важнейшие из этих ценностей были возведены в разряд высшей юридической силы путем внесения их в 2020 г. в «тело» Конституции России. Считаем этот юридический прием императивом конституционного консонанса и исключительно важным не только для сохранения и укрепления базовых ценностей, но и для обеспечения правовой безопасности. В этом отношении полагаем уместным привести следующее наблюдение Г.В. Мальцева: «…Четкие нормы, простые и непреложные понятия о том, что есть должное в праве, являются формальными вехами, без которых у человека не может возникнуть чувство уверенности и безопасности, ощущение твердой почвы под ногами [18, с. 161].

Применительно к нашему исследованию полагаем уместным привести вывод Е.Е. Тонкова, согласно которому «Ценностные ресурсы процесса правового регулирования, являясь компонентом государственной политики, определяющей алгоритм желаемого поведения граждан, не ограничиваются рациональным предпочтением или выбором той или иной требуемой модели. Ценность правовых предписаний приобретает значимость лишь после превращения

в убеждения личности, перехода в ее эмоциональный и деятельностный потенциал» [19, с. 8].

Для достижения правовой безопасности конституционно предусмотрены основополагающие начала, касающиеся как отношений между человеком, обществом и государством, так и построения и функционирования самого Российского государства. К ним можно причислить, с одной стороны, все конституционные нормы как относящиеся к акту высшей юридической силы, с другой – принципы, касающиеся различных конституционных институтов. Поскольку Конституцией России предусмотрена иерархия норм, в частности, принадлежащих к 1 (ст. 16), 2 (ст. 64) и 9 (ч. 1-2 ст. 135) ее главам, постольку можно говорить и об иерархии принципов, в них отраженных. В этой связи поддерживаем вывод Н.А. Духно о том, что «Положения, изложенные в первой и второй главах Конституции, следует признавать основными ориентирами развития законодательства и правовой системы, как основы правопорядка в России, и ее правовой безопасности» [20, с. 26].

Стремление к правовой безопасности выражается также в гармонизации юридических норм с учетом конституционных императивов по разрешению коллизий. Такого рода требования установлены через конкретизацию видов нормативных правовых актов и недопустимость противоречия между ними. Концентрированно эти правила, центральным из которых является недопустимость противоречия Конституции России, изложены в ст. 76 и касаются субъекта принятия, предметов ведения и соотношения федеральных конституционных и федеральных законов (ч.ч. 1-3), федеральных и субъектов Федерации законов и иных нормативных правовых актов (ч.ч. 4-6).

Применительно к правовым актам, принимаемым федеральными публичными органами, также предусмотрены конституционные императивы соответствия. Так, согласно ст. 90, Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Дополнительно подчеркнуто, что акты главы Российского государства обязательны для исполнения на всей его территории. В соответствии со ст. 115 Правительство Российской Федерации издает постановления и распоряжения «1. На основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов, распоряжений, поручений Президента Российской Федерации». Этим четко определено место постановлений федерального Правительства в конституционной иерархии правовых актов.

Конституцией установлены также виды правовых актов, принимаемых палатами Федерального Собрания Российской Федерации. Обеим палатам адресовано право по предметам их ведения принимать постановления (ч. 2 ст. 102, ч. 2 ст. 103). Этой же формой акта принимается регламент каждой из палат (ч. 4 ст.

101). Так, Регламент Государственной Думы принят Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД, а Регламент Совета Федерации – Постановлением Совета Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ. В исходные тексты регламентов были внесены многочисленные изменения также соответствующими постановлениями.

Отметим, что для постановления палаты парламента каких-либо требований о недопустимости противоречия иному акту конституционно не установлено. Единственное универсальное требование – это положение ч. 1 ст. 15 Конституции России, согласно которому «…Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Неопределенность по этому поводу может быть одним из вероятных препятствий принятия федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации, поскольку решить вопрос об основанной на конституционных императивах иерархии не представляется возможным. Значит, есть основания говорить об угрозе гармонии российского правового пространства.

Как балансировку юридической силы нормативных правовых актов в определенной мере можно признать ч. 2 ст. 125 Конституции России, где последовательно приведены федеральные акты, – федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные акты Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации – подлежащие оценке Конституционным Судом Российской Федерации на предмет их конституционности по инициативе полномочных на то субъектов.

В ходе поправочного процесса 2020 г. Конституция Российской Федерации пополнилась принципиальным положением. Так, согласно ст. 79 «…Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Конституционный Суд также получил дополнительную прерогативу в пользу правовой безопасности. Так, согласно ч. 5^1 ст. 125 Конституции России, он «б) в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

В Разделе 2 Конституции России установлено, что «2. Законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации». В этом случае определенно присутствует идея гармонизации правового пространства России с учетом необходимой преемственности.

Таким образом, конституционные положения, упорядочивающие соотношение между нормативными правовыми актами, не только гармонизируют правовое пространство России, но и служат обеспечению правовой безопасности.

Анализ конституционного текста под заявленным нами ракурсом дает основания для вывода о наличии и иных конституционных инструментов поддержки правовой безопасности. В частности, это касается разрешения разногласий и неопределенности между публичными органами в рамках реализации ими собственных полномочий.

Поскольку Президент Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 80 является гарантом Конституции России, постольку логично, что именно он не только «поддерживает гражданский мир и согласие в стране», но и «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». В частности, предназначенными для этого конституционными инструментами являются установленное ст. 85 полномочие главы государства «использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий» между разноуровневыми (федеральными и субъектов Российской Федерации) и одноуровневыми (субъектов Российской Федерации) органами государственной власти. Если достичь согласованного решения не удалось, то Президент России «может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда».

Частью 3 этой же конституционной статьи Президенту России адресовано право «приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом».

Если противоречащие Конституции и федеральным законам акты субъектов Российской Федерации Президент вправе «приостановить», то противоречащие «Конституции Российской Федерации, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации» акты Правительства Российской Федерации могут быть им «отменены» (ч. 3 ст. 115).

Применительно к правовой безопасности важной является конституционная возможность создания согласительных комиссий палатами парламента в

рамках законодательного процесса, что предусмотрено ст. 105 Конституции России. В ее ч. 4 закреплено, что «В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой».

Прерогативными конституционными инструментами в пользу правовой безопасности обладает Конституционный Суд Российской Федерации. Так, согласно ч. 3 ст. 125 он «разрешает споры о компетенции» между одноуровневыми (федеральными органами государственной власти (п. «а»); высшими государственными органами субъектов Российской Федерации (п. «в»)) и разноуровневыми (органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов (п. «б»)).

Следовательно, Президент России и Конституционный Суд полномочны разрешать разногласия/споры в отношениях между публичными органами, представляющими различные уровни и функциональные ветви государственной власти, а палаты парламента – только возникшие между собой разногласия. Из этого можно заключить, что более широкие конституционные возможности для поддержки правовой безопасности сосредоточены у главы Российского государства и у высшего судебного органа конституционного контроля России.

Подытоживая, отметим, что признание безопасности ценностью повлекло за собой включение в Конституцию России норм, ее касающихся. Совокупность таких норм позволила сделать вывод об институте конституционно-правовой безопасности.

Учитывая стратегическую нацеленность Российского государства на укрепление внутреннего единства в контексте обеспечения своей национальной безопасности, представлены конституционные инструменты поддержки правовой безопасности и гармонизации правового пространства России.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.
2. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 268 с.
3. Мархгейм М.В. Лексические оболочки "жизни": конституционный релиз России // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 134-138.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1991. С. 9.
5. Ломакина И.Б., Михайлова М.В. Безопасность как теоретико-правовая категория // Финансовая экономика. 2021. № 11. С. 133-135.

6. Советбеков М.С., Каныбекова Н.И. Безопасность как правовая категория (теоретический аспект) // Известия Иссык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2020. № 4 (31). С. 182-186.
7. Бредихин А.Л. Экологическая безопасность как правовая категория // Ученые заметки ТОГУ. 2021. Т. 12. № 3. С. 89-92.
8. Медушевская Н.Ф. Культурная безопасность России и правовая традиция // История государства и права. 2022. № 8. С. 19-23.
9. Мархгейм М.В., Безуглая А.А Конституционно-правовой опыт взаимодействия бикамеральных парламентов стран СНГ в сфере продовольственной безопасности // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 43-49
10. Эльназаров Д.Х. Безопасность личности как конституционно-правовая категория // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 2024. Т. 2. № 2 (40). С. 39-47.
11. Саранцева В.С. Общественная безопасность как конституционно-правовая категория // Аграрное и земельное право. 2016. № 1 (133). С. 58-60.
12. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Юридическая безопасность и правовая определенность личности: конституционно-правовой аспект // Государство и право. 2023. № 6. С. 24-35.
13. Галузин А.Ф. Правовая безопасность как самостоятельный вид безопасности // Право и политика. 2008. № 2. С. 275-284.
14. Овчинников А.И. Конституционно-правовая сущность национальной безопасности и конституционная безопасность // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 3 (64). С. 33-37.
15. Станкин А.Н. Конституционно-правовая безопасность: понятие, признаки и соотношение с национальной безопасностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 51-56.
16. Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе национальной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 3. С. 24-30.
17. Арутюнян Г.Г. Правовая безопасность страны в призме системного конституционного мониторинга // Журнал Конституционного правосудия. 2017. № 5. С. 12-14.
18. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999, 419 с.
19. Тонков Е.Е. Правовое регулирование общественных отношений в аксиологическом измерении // В сборнике: Конституционализм: симбиоз науки и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного

юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Deutschland, Gelsenkirchen, 2023. С. 7-16.
20. Духно Н.А. Конституция Российской Федерации и правовая безопасность в России // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1 (54). С. 26-32.

Беляев Валерий Петрович
профессор кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
(Курск, Россия)

РОЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕГУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье проводится анализ понятий координации, юридической координации и координационного процесса, раскрывается их специфика как форм юридической деятельности. Автором выделены сущностные признаки, функции, принципы и содержание координационного процесса. Особое внимание уделено месту и роли координационного процесса в механизме процессуально-правового регулирования общественных отношений. Предложено авторское определение координационного юридического процесса, подчеркнута необходимость его нормативной регламентации.

Ключевые слова: координация, юридическая координация, координационный процесс, юридическая деятельность, процессуально-правовое регулирование, механизм правового регулирования.

«Нынешние знания человека о справедливости, добытые методами научного, нормативно-ценностного, телеологического и иного постижения реального мира на путях его материального и духовно-религиозного освоения, поразительно глубоки и разносторонни. Но они не складываются в единую целостность, из них трудно создать последовательную теорию, способную служить существующим социальным установкам, оправдывать политические цели, легитимировать средства достижения последних»

(Мальцев Г.В. Справедливость возмездия и воздаяния // Социология власти. 2012. №2. С. 5-18).

Исследование проблемы координации в правовой сфере требует последовательного рассмотрения понятий координации, правовой координации, координационного процесса, процессуально-правового регулирования и его меха-

низма, а также определения места и роли координационного процесса в механизме правового регулирования общественных отношений.

Понятие «координация» отражает специфическую деятельность, направленную на согласование и взаимодействие различных вопросов и проблем с целью достижения максимально эффективного результата. Она является неотъемлемой частью работы государственных органов, поскольку позволяет избежать параллелизма, дублирования функций, оптимизировать взаимодействие подразделений, обеспечить обмен информацией и сократить ресурсоёмкость процессов.

Юридическая координация представляет собой особый вид правовой деятельности, осуществляемой компетентными органами, обладающими государственно-властными полномочиями. Согласно позиции А.А. Максурова, юридическая координация является высшей формой правовой деятельности, обеспечивая согласованное и эффективное взаимодействие между различными органами и должностными лицами, тем самым повышая общий уровень их функционирования и результативности [6, с. 57-58].

Юридический процесс, по мнению В.Н. Протасова, представляет собой важнейший элемент процессуально-правового механизма и включает статическую и динамическую составляющие [10, с. 119, 135]. Координационный процесс как разновидность юридического процесса требует отдельного изучения, однако до настоящего времени нормативная и процедурная регламентация данного процесса остаётся недостаточно проработанной [7, с. 202].

Координационный процесс отличается рядом важных и специфических признаков. Во-первых, он носит вторичный и обслуживающий характер относительно основной координационной деятельности, при этом сохраняет свою самостоятельность и значимость. Во-вторых, он обладает нормативной регламентацией, характеризуется процессуальной стадийностью и специфическим субъектным составом, где участники процесса сохраняют свою автономию, однако в рамках координационного процесса выделяется координирующий субъект, обладающий особыми полномочиями по согласованию действий. Наиболее ярким примером нормативной регламентации является Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

Стадийность координационного процесса является важным аспектом его динамического характера, обеспечивая последовательность и целенаправленность действий участников. В процессе каждой стадии решаются промежуточные задачи, позволяющие успешно достичь конечного результата. Координационный процесс охватывает юридические дела широкого спектра, объединяя различные юридические вопросы в единую систему, направленную на достижение согласованного взаимодействия субъектов с целью повышения их общей эффективности.

Важным результатом координационного процесса является принятие официальных процессуально-правовых документов, таких как протоколы, решения, постановления, которые имеют юридически обязательный характер и закрепляют итоги совместной деятельности субъектов.

К числу принципов координационного процесса относятся законность, согласованность, равноправие участников, плановость, властность, процессуальная экономия. Эти принципы обеспечивают эффективную и качественную работу координационного механизма, гарантируя достижение поставленных целей и задач [8, с. 51].

Функциональное назначение координационного процесса проявляется в ряде функций: регулятивной, охранительной, регистрационно-удостоверительной, правоконкретизирующей, правообразующей, правоизменяющей и правопрекращающей. Эти функции отражают значимость координационного процесса как важного компонента механизма процессуально-правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, координационный процесс является нормативно определённой процедурной деятельностью субъектов и участников, направленной на согласованное разрешение юридических вопросов и принятие обязательных процессуальных актов. Он выступает в качестве комплексного процессуально-правового средства, обеспечивающего эффективное правовое регулирование общественных отношений.

Список цитируемой литературы

1. Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве: монография. М.: Проспект, 2005. 272 с.
2. Беляев В. П., Беляева Г.С. К вопросу о понятии и сущности процессуального правового режима // Вопросы правоведения. 2013. № 2(18). С. 101-113.
3. Беляев В.П., Нинциева Т.М., Беляева Г.С. Общая теория процессуально-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 296 с.
4. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1979. С. 3-4.
5. Максуров А.А. Координационная деятельность в правовой системе общества: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. 193 с.
6. Максуров А.А. Координационные полномочия Президента России и его взаимодействие с другими органами власти. Монография. М.: Русайнс, 2023. 108 с.
7. Максуров А.А. Координация деятельности субъектов права в условиях кризиса: монография. М.: Инфра-М, 2022. 260 с.

8. Максуров А.А., Макаров И.И. Координация в праве: монография. Ярославль: Изд-во ЯФ МФЮА, 2012. 142 с.
9. Матузов Н.И. Принципы права как объект научного исследования (вместо введения) // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 11-28.
10. Протасов В.Н. Общая теория процессуального права. М.: Юрайт, 2020. 136 с.
1. Теория юридического процесса / под общ. ред. проф. В.М. Горшенева. Харьков: «Вища школа», 1985. 192 с.
12. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М.: Юрид. лит, 1976. 280 с.

Беляева Галина Серафимовна
заведующий кафедрой административного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Аннотация. В статье рассматривается понятие и специфика конституционно-правового режима в сравнении с другими отраслевыми правовыми режимами. Определены основные элементы, характеризующие конституционно-правовой режим: предмет, метод, юридический инструментарий, субъектный состав и функциональное назначение. Подчёркивается особая роль конституционно-правового режима в российской правовой системе, обусловленная его интегрирующей функцией и комплексностью юридических средств регулирования общественных отношений. Сравнительный анализ демонстрирует ключевые различия между конституционно-правовым и иными правовыми режимами.

Ключевые слова: режим, порядок, регулирование, отраслевой подход, предмет, метод, инструментарий, субъекты, функции.

«Человечество как всемирно-исторический проект существует и сохраняет шансы на выживание, пока оно выполняет начертанный самой природой справедливый закон, суть которого – забота о будущих поколениях людей» (Г.В. Мальцев) [1, с. 6].

Правовой режим представляет собой особый порядок регулирования общественных отношений, характеризующийся сочетанием специфических юридических средств, направленных на обеспечение необходимого состояния правопорядка. В рамках отраслевого подхода каждая отрасль права формирует свой уникальный правовой режим, отражающий отраслевые принципы и метод правового регулирования [2, с. 63-67].

Конституционно-правовой режим занимает особое место в системе российского права, обусловленное его интегрирующей функцией и высшей иерархической ролью. Сравнительный анализ конституционно-правового и иных отраслевых режимов позволяет раскрыть специфику таких элементов, как предмет, метод, юридический инструментарий, субъектный состав и функциональное назначение этого правового образования.

Предметом конституционно-правового режима выступают фундаментальные общественные отношения: государственное устройство, организация и деятельность высших органов государственной власти, основы правового положения личности, принципы федерализма и местного самоуправления. Таким образом, конституционно-правовой режим охватывает общегосударственные вопросы и служит фундаментом для регулирования других видов отношений [3, с. 24-30]. Напротив, отраслевые правовые режимы, такие как гражданско-правовой или административно-правовой, имеют более узкий и специализированный предмет регулирования. Например, гражданско-правовой режим регулирует частные имущественные и неимущественные отношения, административный – отношения в сфере государственного управления [4, с. 306-312].

Метод правового регулирования в конституционном праве, преимущественно императивный, характеризуется отношениями власти и подчинения. Однако в отдельных аспектах, особенно в сфере реализации основных прав и свобод человека, присутствуют элементы диспозитивности. Например, право граждан участвовать в выборах реализуется добровольно, без прямого принуждения государства. Другие отрасли демонстрируют более четкое разграничение методов: публичные отрасли (уголовное, административное право) используют императивный подход, а частные отрасли (гражданское, семейное право) – преимущественно диспозитивный метод регулирования, обеспечивающий свободу сторон в определении условий своих взаимоотношений [2, с. 65].

Юридический инструментарий конституционно-правового режима отличается комплексностью и политической значимостью. Он включает конституционно-правовые нормы, закрепленные в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, институтах прямой демократии (референдум, выборы), особые виды юридических фактов (присяга, инаугурация), правоотношения, связанные с осуществлением высших государственных функций, и механизмы

юридической ответственности за нарушение конституционных норм. Отраслевые режимы, такие как гражданско-правовой, административно-правовой или уголовно-правовой, используют специализированный инструментарий, который соответствует особенностям регулируемых отношений и включает нормы отраслевых кодексов, специфические правоотношения, виды юридических фактов и санкции за правонарушения [5, с. 35-38].

Функции конституционно-правового режима разнообразны и значимы для всей правовой системы. Среди них выделяются учредительная функция (создание и организация государственной структуры), интегративная (обеспечение единства и согласованности правовой системы), правозащитная (гарантии основных прав и свобод граждан), регулятивная (упорядочение ключевых общественных отношений) и идеологическая (формирование правовой культуры и правовых ценностей общества). Иные отраслевые режимы выполняют более узкие и специализированные функции: уголовное право обеспечивает защиту общества от преступных посягательств, административное право регулирует порядок государственного управления, а финансовое право обеспечивает фискальную политику государства [6, с. 89-95].

Субъектный состав конституционно-правового режима включает государство в целом, органы публичной власти, территориальные образования, граждан, многонациональный народ как носитель суверенитета, социальные и национальные группы. Спецификой субъектного состава является наличие таких субъектов, как народ и органы высшей государственной власти, взаимодействие которых осуществляется в рамках властных правоотношений. В других отраслях права круг субъектов ограничен спецификой отраслевых отношений и включает конкретные органы и частных лиц, вступающих в конкретные правоотношения в рамках своей правосубъектности [7, с. 143-149].

Таким образом, конституционно-правовой режим представляет собой уникальную правовую конструкцию, занимающую центральное место в системе российского права, обеспечивая единство, стабильность и развитие правопорядка посредством своих специфических методов, инструментов и функций.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г. В. Справедливость возмездия и воздаяния: ретрибутивный подход // Социология власти. 2012. № 2. С. 5-19.

2. Петухова Е.П. Понятие конституционно-правового режима // Юридический мир. 2013. № 9. С. 63-67.

3. Беляева Г.С. Отраслевые правовые режимы: состав и особенности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 1. С. 24-30.

4. Беляева Г.С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3(87). С. 306-312.
5. Барбин В.В. Конституционно-правовой режим: понятие и содержание // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 3. С. 35-38.
6. Мархгейм М.В., Шматко Д.А. Правовые режимы в Российской Федерации: от понятийной определенности к видовому многообразию // 6 Konferenz Wissenschaft und Bildung. Gelsenkirchen: Henze Verlag, 2024. С. 89-95.
7. Малый А.Ф. О понимании конституционно-правового режима // Государство. Право. Война. СПб., 2020. С. 143-149.

Газиева Инна Александровна
заместитель директора Центра «Школа андрагогики и образовательного дизайна» ВШГУ РАНХиГС,
ст.н.с. Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС
доктор социологических наук, доцент
(Москва, Россия)

КАК НАУЧИТЬСЯ МАСШТАБНО И ФУНДАМЕНТАЛЬНО МЫСЛИТЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК И.В. ПОНКИНА И А.И. ЛАПТЕВОЙ «МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИТИКИ» В 4 ТОМАХ

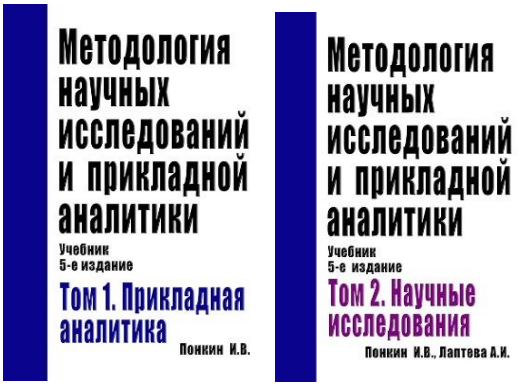
Аннотация. Публикация содержит отклик на учебник д.ю.н., проф. И.В. Понкина и к.ю.н. А.И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики» в 4 томах. Автор высказывает не только свои рефлексии на это издание, но и навеянные мысли по существу тематики подготовки учёных и аналитиков.

Ключевые слова: наука, аналитика, методология, метод, мышление, научная мысль, исследование.

«Методология правового регулирования начинала складываться задолго до того, как человечество научилось строить научные картины мира» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 105).

Рецензирование такого сложного дидактического продукта по методологии науки и аналитики, как многотомное издание «Методология научных исследований и прикладной аналитики» [1, 2, 3, 4] уже в пятом издании (по третье

включительно это было однотомное издание), – есть более чем сложная задача. Тем более сложная, что написано и протестировано на практике это издание профессионалами в этой области и являет собой беспрецедентный для нашей страны (да и на всём постсоветском пространстве) по объёму, масштабности труд (4 тома: 720 + 752 + 88 + 80 страниц достаточно мелкого и плотного текста с интенсивно насыщенной семантикой; более 3300 сносок; более 5000 источников; суммарно под тысячу тематических блоков).



Тематика издания обладает очевидной актуальностью. Дело в том, что значительная часть социально-экономических и политических проблем в стране обусловлена отклонением от научно обоснованных принципов, их систематическим игнорированием, а также недостаточной компетентностью специалистов в соответствующих областях знания. Кроме того, сегодня далеко не везде инструктивно учат науке и аналитике на действительно должном высоком уровне качества, в то время как большинство издаваемых сегодня в России науковедческих инструктивных учебников для начинающих исследователей не выдерживают никакой критики, не раскрывают эту теорию, переполнены банальностями, абстрактными мудрствованиями и ненужными декларациями но при этом не дают главного – изложения объяснений наиважнейших конкретных исследовательских методов и инструментов, а также оценочных средств. Многие люди думают, что они мыслят, тогда как на самом деле они всего лишь расставляют старые предрассудки в новом порядке, – писал Уильям Джеймс [5].

Многотомник И.В. Понкина и А.И. Лаптевой являет собой замечательное исключение, отвечает чаяниям о надлежащем и наилучшем в этой области. В нём, не скроем, сложным, но всё же понятным языком детально разложены по полочкам основные исследовательские методы и инструменты, оценочные средства, технологические подходы и удачные находки в организации и реализации исследовательского процесса.

Учебник содержит большой объём уникального и ценного авторского иллюстративного материала, немалая часть которого умело создана И.В. Понкиным при помощи технологий искусственного интеллекта и представляет собой оперирование сложными визуальными образами и процессами визуализации. Сами эти иллюстрации можно обозревать до бесконечности, настолько они необычны и настолько сильно они заставляют задуматься.

Остановимся на том, насколько значительные перечни методов детально объяснены в рецензируемом издании, изложены в очень ёмких, содержательно

насыщенных авторских объяснениях.

В томе первом «Прикладная аналитика: Мастерство и искусство аналитического мышления и аналитической работы» изложены **32 общеаналитических метода**:

– методы интуитивной аналитики;

– аналитический метод фреймирования;

– аналитический метод свёртывания;

– аналитический метод развёртывания;

– аналитический метод контраста;

– методы эксплицитно-структурированного и дескриптивно-экспликативного теоретизирования;

– методы потоковой аналитики;

– метод упрощения онтологизированных образов научных или аналитических конструктов;

– метод сценарного моделирования;

– метод SWOT-анализа;

– аналитический метод особого мнения в группе;

– аналитический метод обратного движения с конца;

– аналитический метод переноса;

– аналитический метод усложнения задачи;

– метод дашборда;

– аналитический метод «рыбьего скелета»;

– метод древа текущей реальности;

– метод цветокодирования;

– метод карт ассоциаций;

– метод тегирования;

– метод построения причинно-следственной матрицы;

– метод древа отказов;

– метод аналитического аудирования;

– методы библиометрической аналитики;

– метод аналитической пирамиды;

– метод опорных точек;

– метод оперирования конкурирующими гипотезами;

– байесовский подход;

– метод аналитического оперирования стержневыми факторами;

– методы мозгового штурма и синектики;

– метод ситуационно-логической аналитики;

– метод морфологического анализа.

В томе втором – «Научные исследования: Мастерство и искусство науч-

ного мышления и научной работы» – изложены **26 общенаучных исследовательских методов:**

– метод анализа;
– метод синтеза;
– метод абстрагирования;
– дедуктивный метод;
– индуктивный метод;
– метод классификации;
– метод моделирования;
– аксиоматический метод;
– понятие гипотезы и методы оперирования гипотезами;
– метод абдукции;
– метод наблюдения;
– метод проб и ошибок;
– метод аппроксимации;
– метод формализации;
– метод сравнения;
– метод аналогии;
– метод идеализации;
– метод конкретизации;
– метод обобщения;
– метод эксперимента;
– метод экспертных оценок;
– метод экстраполяции;
– метод описания;
– диалектический метод;
– метод идентификации;
– метод измерения.

Во втором же томе изложены и объяснены **15 частнонаучных – правоведческих - исследовательских методов**:

– формально-юридический метод;
– юридико-телеологический (целевой) метод;
– сравнительно-правовой (юридико-компаративистский) метод;
– конкретно-исторический правоведческий метод;
– юридико-аксиоматический метод;
– правоведческий структурно-функциональный метод;
– юридико-аксиологический (ценностный) подход;
– системно-правовой исследовательский метод;
– метод правовой аналогии (метод правовой аналогизации);

– метод правового (юридического) наблюдения;

– метод правового (юридического) прогнозирования;

– метод правового (юридического) эксперимента;

– метод правового (юридического) моделирования;

– юридико-корреляционный метод;

– критико-правовой метод.

Необходимо отметить, что сегодня в стране нет ни одной научной отраслевой энциклопедии или словаря, которые были бы сопоставимы с рецензируемым изданием по чёткости сжатого изложения и ясности объяснения такого большого числа методов исследования. Заметим, что описания многих методов либо просто уникальны, либо значимо отличаются от аналогов в безусловно лучшую сторону. С уверенностью можно говорить о том, что данное издание можно рекомендовать магистрантам, аспирантам и докторантам для домашнего чтения и самостоятельного освоения методов.

В четырёхтомнике также указаны в кратком перечислении и артикулировании частноаналитические **методы правовой аналитики**:

– формально-юридический аналитический метод;

– нормографический метод;

– судебно-графический (правовых позиций судебных инстанций) метод;

– лексико-графический метод и логико-графический метод;

– методы судебной и иной правовой статистики;

– критико-правовой метод (метод правовой критики);

– метод юридической квалификации;

– метод юридической рекомендации;

– юридико-семиотический метод (внутри него, юридико-семантический метод – более узкий);

– методы оперирования правовой графикой (правовыми символами) и юридическими схемами;

– юридико-персонографический (в том числе просопографический) метод.

Показаны **гибридизированные методы**: судебно-авторoведческие; судебно-подчерковедческие; судебно-медицинские, в том числе судебно-психиатрические; судебно-психологические и мн. др. методы.

Указаны в кратком перечислении и артикулировании **междисциплинарные (комбинированные) методы познания в правовой науке**:

– юридико-лингвистические методы;

– юридико-социологические методы;

– методы правовой психологии (юридико-психологические методы);

– методы правовой антропологии;

– юридико-кибернетические методы;

– юридико-культурологические методы;

– биографический метод и персонографический метод в юридической науке;

– библиографический и библиометрический методы в юридической науке.

Указаны в кратком перечислении и артикулировании **частно-научные экономические (научно-экономические) исследовательские методы**:

– метод экономического наблюдения;

– метод экономического моделирования (в том числе экономико-математического моделирования);

– измерительно-экономиковедческие методы;

– экономико-математические методы;

– метод экономического эксперимента;

– статистико-экономический метод;

– конкретно-исторический экономиковедческий метод;

– методы маржинального анализа;

– метод неравновесного подхода.

Не менее ценным является детально проработанный и репрезентованный авторами оценочный аппарат, так необходимый в исследовательской работе.

Во втором томе (по науке) изложены следующие оценочные параметры и средства:

– параметры содержательной глубины исследования;

– параметры полезности полученных в исследовании результатов и в целом исследовательского продукта;

– параметры ясности научного письма и исследовательского продукта;

– параметры полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании;

– параметра научной ценности и значимости научного исследования;

– параметры сложности исследования;

– параметры целостности и внутреннего единства исследовательского произведения (продукта);

– параметры завершённости исследования и исследовательского продукта;

– параметр элегантности научного или прикладного аналитического текста.

– параметра оптимальной краткости исследовательского продукта;

– параметр строгости в исследовании;

– параметр весомости и значительности научного вклада;

– параметр оригинальности мышления, исследования и исследовательских результатов.

В первом томе (по аналитике) изложены следующие оценочные параметры и средства:

– параметр аналитической точности;

– параметр аналитической сложности;

– параметр аналитической беглости;

– параметр аналитической гибкости;

– параметр аналитической проницательности;

– параметр аналитической краткости и простоты;

– параметр аналитической метакогнитивной дистанцированности;

– параметр аналитической оценочной и интерпретационной определённости;

– параметр аналитической системности;

– параметр аналитической зрелости;

– параметр аналитической цепкости (хваткости);

– параметр аналитического скептицизма.

Всё это тщательно объясняется в рецензируемом издании.

В учебнике много больше разделов, чем мы реферативно обозначили выше, по сути дела на почти любой вопрос читатель найдёт нужный ответ – от А до Я.

Следует отметить очень точный подбор авторами слов для донесения знаний о тех или иных методах, что наиболее всего выделяет данный учебник из немалого числа подобных изданий. Ещё Марк Твен писал: «Разница между правильным словом и почти правильным словом – это разница между молнией и молниеотводом».

В числе замечаний по прочтённому четырёхтомнику, мы, не желая мельчить и выискивать какие-то несущественные огрехи, хотели бы высказать несколько важных замечаний.

На наш взгляд, в первом томе не хватает раздела об аналитическом методе кластеризации. Это важный и широкоупотребимый метод, явно заслуживающий обращения внимания на него. Не достаёт раздела с ответами на вопрос о том, что же делать с ситуацией, которую именуют «тупик в исследовании». Кроме того, хотелось бы на будущее видеть раскрытой тему «целостная стратегия аналитической работы» («аналитическое стратегирование»).

Обоим томам не хватает в конце «навигаторов» по терминам и инструментам. Сделать это не составило бы авторам никакого труда, коль скоро они «дозрели» до столь нужного читателю понимания необходимости тематических мелко-дроблённых «навигаторов» сразу после названия каждой главы и после названия (новелла этого 5-го издания) каждого параграфа.

Думается, авторам можно браться за составление задачника либо практикума на основе данного учебника.

Ну, и наконец, нам, социологам, в данном издании очевидно не хватает объяснений наших – социологических – базовых исследовательских методов, в

то время как экономическим методам автор все же уделил внимание. Для полноты учебного материала было бы неплохо охватить их хотя бы вкратце.

Но сочтём и обозначим указанные выше замечания лишь пожеланиями авторам на будущие переиздания этого, несомненно, ценного и нужного, издания.

Мы настоятельно рекомендуем это четырёхтомное издание к изучению и использованию в исследовательской деятельности: оно учит масштабно и фундаментально мыслить.

Список цитируемой литературы

1. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Уч. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 томах. Т. 1: Прикладная аналитика: Мастерство и искусство аналитического мышления и аналитической работы. – М.: Буки Веди, 2024. – 720 с. <https://moscou-ecole.ru/ponkin_methodology_5_1_practical-analytics/>.

2. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 томах. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы. – М.: Буки Веди, 2025. – 752 с. <https://moscou-ecole.ru/methodology_5_2_scientific-research-2025/>.

3. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2024. – 88 с. <https://moscou-ecole.ru/2024/04/02/analyst-training/>.

4. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в научно-исследовательскую работу. Приложение № 2 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2025. – 80 с. <https://moscou-ecole.ru/analyst-training2/>.

5. Лозовский Л., Мордехай В. Хорошая память: Тренируем мозг каждый день. – М.: Альпина Паблишер, 2024.

Куксин Иван Николаевич
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
профессор департамента права
Московского городского педагогического университета,
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

ИНТЕРЕС В ПРАВЕ: ЮРИДИЧЕСКИ ЗАЩИЩЕННЫЙ ИЛИ ЗАКОННЫЙ?

Аннотация. В российском законодательстве категория «законный интерес» получила довольно широкое распространение. В связи с многообразием подходов в праве к самому понятию правового интереса, автор на основе анализа работ, посвященных этой проблеме, раскрывает его сущность, а также вычленяет те свойства (признаки), которые характерны для данного правового явления.

Ключевые слова: интерес, законный интерес, охраняемый законом интерес, потребность.

«Типичная ошибка многих юристов, анализировавших действие интересов в праве: это безразличие к регулятивному потенциалу самих интересов, взгляд на них как на обычные побуждения, силу тяги, которые юристы могут испытывать в процессе нормативного регулирования»
(Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2008. С. 363).

Многие авторы, посвятившие свои исследования изучению интересов в праве, отмечают, что без уяснения понятия и сущности интересов, понимание роли, ценности и предназначения права будет не полным. Объясняется это тем, что право всегда выступало и выступает универсальным регулятором общественных отношений, что автоматически предполагает его связь с исследуемой категорий как средством их реализации.

Почему ученые-юристы уделяют столь пристальное внимание этой категории? Как показывает правотворческая и правоприменительная практика, категория законных интересов обладает огромным правовым потенциалом, который «позволяет обеспечить запросы и потребности личности и, таким образом, имеет прямое влияние на развитие правовых отношений» [1, с. 91].

Отметим, что в концепциях античных мыслителей государство предстает как выражение общего интереса всех его членов. Понимание политики как области проявления человеческих интересов было свойственно уже, например, софистам, Платону и Аристотелю. Находясь под влиянием их воззрений, Цицерон определял государство как дело народа, понимая под ним многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. Упомянем также, что Ульпиан во многом основывался именно на интересе, разграничивая публичное и частное право [2].

Следует подчеркнуть, что категорию «интерес» впервые теоретически обосновал и развил в своих научных трудах немецкий правовед Рудольф фон Иеринг, что позволяет отнести этого ученого к основоположникам теории интересов в юриспруденции. Так, по его мнению, содержание права составляют «… интересы субъектов социального взаимодействия, т.е. интересы общества в целом, а единственным источником права является государство» [3, с. 430]. Основная идея его теории в том, что «формальное «силовое» существо права немыслимо без главного элемента – интереса» [4, с. 37].

Что касается термина «законные интересы», то одним из первых в дореволюционной России обратился к этой проблеме Г.Ф. Шершеневич. Так, в своем труде «Общая теория права» он писал: «Если правонарушение есть действие противоправное, то правонарушения нет там, где действие человека остается в пределах дозволенного объективным правом, хотя при этом были нарушены *законные интересы* (курсив – И.Н.) другого человека, обеспеченные предоставленным ему субъективным правом» [5, с. 633].

Таким образом, интерес, как категория, внутренне присущ субъекту и направлена на удовлетворения его различных потребностей. Исходя из данной посылки, правовой интерес субъекта – это интерес, реализация которого обеспечивается правом. Следовательно, носителем правового интереса, в широком смысле, всегда будут субъекты права.

Известно, что субъектами права выступают как физические, так и юридические лица. И те, и другие могут быть носителями правовых интересов, вступая в различного рода отношения. В таких отношениях всегда возникают приоритеты одних интересов над другими, что вызывает антагонизм и противоречивость различных субъектов. Сглаживание, снижение возникающих противоречий достигается посредством норм права, обеспечивая их баланс. «На всех стадиях правотворчества должен быть соблюден четкий баланс между реализацией в нормативных правовых актах публичных интересов и интересов конкретных лиц с учетом их социальной ценности, значимости и полезности для развития общества по пути прогресса» [6, с. 423].

В понимании интереса многие авторы, посвятившие свои исследования правовым интересам, исходят из наличия тесной связи между ним и категорией *потребностью*. «Потребность или нужда, – отмечал Г.В. Мальцев, – есть единство двух субъективно переживаемых феноменов: а) осознанного или ощущаемого субъектом недостатка жизненных условий, благ необходимых для его сохранения и развития; б) стремление устранить недостаток, присоединить нужное благо, восстановить требуемую в данном случае полноту жизненных условий и в конечном счете улучшить свое положение» [7, с. 280].

Субъекту, живущему и действующему в общественной среде, действительно присуща потребность. Она возникает в сознании субъекта и существует независимо от перспектив ее удовлетворения. Интерес субъекта выступает инструментом саморегуляции и самоорганизации. Следовательно, сознание субъекта формирует тот или иной интерес, что вызывает желание его удовлетворить, а это обстоятельство предполагает наличие субъективной воли (действовать). Поэтому сознание и воля – это качества, которые характеризуют субъект, личность.

Известна характеристика личности, данная К. Марксом: «Сущность «особой личности», составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество» [8, с. 242]. Это означает, что только личность, обладая сознанием и волей, способна испытывать и формулировать потребности и прилагать волевые усилия для их удовлетворения. В реальной жизни индивиды имеют одинаковые потребности, но не все их самостоятельно могут реализовать. Поэтому они вынуждены в ходе социального взаимодействия реализовывать их путем совместной деятельности. Однако, с одной стороны, индивиды имеют неограниченные потребности, а с другой – они ограничены в реализации своих потенциальных возможностях. Именно поэтому, каждый индивид, хочет он этого или нет, вынужден соотносить свои возможности в реализации потребностей, с возможностями реализации потребностей иными членами общества.

В процессе социального взаимодействия индивидов вырабатываются специфические формы в виде определенных правил, обычаев, которые начинают оказывать регулирующее воздействие на субъектов, в том числе и на их отношения. В чем ценность общественного регулирования социальных отношений? Ценность в том, что каждый конкретный субъект признает возможность существования *идентичных потребностей* иных субъектов. Их реализация, исходя из их идентичности, формирует упорядоченность, а в конечном итоге общепризнанность и общеобязательность. В результате этого процесса, а именно реализация идентичных потребностей каждым конкретно индивидом, приобретает свойство социальной нормы.

Таким образом, «в основе нормативного регулирования человеческого поведения лежит стремление каждого конкретного субъекта реализовать свои индивидуальные потребности, которые он может реализовать только во взаимодействии с другими субъектами. Из этого следует, что «основное предназначение нормативных регуляторов (будь то право, этика или мораль) заключается в том, что посредством их реализуются личные, субъективные потребности конкретных, персонально определенных субъектов» [9].

В качестве общего вывода следует, что интересы и потребности, выступают социальными регуляторами, так как они составляют основу любой нормы и тем самым придают поступкам субъектов социальный смысл и направленность. Это означает, что в реальной жизни ни одна норма права не выполнялась бы, будь она оторвана от интересов людей. Следовательно, нормы права и интересы предполагают друг друга, рассчитаны на взаимную поддержку и совместное действие.

Мы подошли к ответу на обозначенный в названии вопрос: что такое юридически защищенный или законный интерес и каковы его отличительные признаки? В начале следует дать ответ на два вопроса: когда они появились в теории права и как соотносятся по содержанию?

Обобщенный анализ юридической литературы дает основание утверждать, что понятие «юридически защищенный (охраняемый) интерес» как классическое понятие существует в теории права с XIX столетия, а может быть, и дольше. Что касается термина «законный интерес», то он появился значительно позже. Смысл его выражался в том, что, подавляющее число интересов находит отражение в законе в виде самой общей форме. Например, когда Конституция РФ провозглашает: «Материнство и детство, семья находится под защитой государства» (ч. 1 ст. 38), то приведенное содержание статьи дает вполне логичный вывод о том, что весь комплекс вопросов, связанных с материнством, детством и семьей находится под покровительством и защитой государства. В России однополые браки запрещены, следовательно, все связанные с ними интересы являются противозаконными и не могут считаться законными. Поэтому если в законе, или в ином нормативном договоре, правовом обычае, нет прямых оснований считать, что тот или иной интерес противозаконный, то он считается законным, т.е. выражен в правовой форме. Это относится ко всем интересам, о которых нормативные акты умалчивают, т.е. не выражают к ним никакого отношения.

Впервые о несовпадении терминов «законный интерес» и «юридически защищенный интерес» был поставлен Г.В. Мальцевым. Он полагал: «Последний шире и глубже чем первый, он точно указывает на конечный смысл связи интересов с правом. Все юридические операции с интересами – учет, отбор,

классификация, согласование, «выражение в законе, в субъективном праве», «упоминание в законе», «дозволение и ограничение в законе» и т.п. – есть этапы институционализации интереса на пути к главному – получение им качеств юридически защищенного интереса» [7, с. 367].

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: объединяющим элементом этих категорий выступает *интерес*. Поэтому они тесно связаны между собой общей целью, а именно, обеспечить действенность права, в котором утверждаются и закрепляются интересы индивида и реализуются на практике. Поэтому указанные различия между приведенными понятиями в подавляющих случае условны и их не надо преувеличивать. Главное, чтобы оба они представляли интерес, прежде всего, как институциональное (официально утвержденное, установленное, закрепленное в своем общественном статусе) явление для теории права. Чтобы интерес стал законным или охраняемым и был позитивирован наряду с позитивацией юридической нормы, прав и обязанностей, по утверждению Г.В. Мальцева, он должен содержать совокупность признаков (свойств), дающих основания признавать его законным.

Законный интерес, чтобы стать правовым явлением, должен пройти через волю законодателя, субъектов правотворчества. Он, при соответствующих условиях, выступает юридическим фактом, т.е. вызывает возникновение, изменение и прекращение правовых отношений. Законный интерес может выступать объектом юридической защиты, в том числе прямо не связанных с защитой субъективных прав. В реальной жизни законный интерес должен быть обеспечен правовыми гарантиями такими же, которые обеспечивают субъективные права и юридические обязанности. Их объем и количество определяется на стадии правотворчества, так как от них зависит «эффективность прав и законных интересов в качестве юридических институтов» [7, с. 371].

Законные интересы имеют свойство эволюционировать, когда вчерашние законные интересы превращаются в субъективные права. Например, это может иметь место при применении института исковой давности. Отказ суда в иске по мотивам истечения сроков исковой давности, если субъект, в силу объективных причин, пропустил срок, а его законный интерес в защите имущественных прав остается, то лицо имеет основание заявить свои претензии, а суд должен принять к рассмотрению ходатайство о восстановлении исковой давности по данному юридическому делу. В дополнение к перечисленным свойствам законных интересов, следует указать на то обстоятельство, что они характеризуются публичностью.

Перечисленные свойства (признаки) законных интересов усиливают их значимость в целях возможности не только регулировать общественные отношения, но и выступать инструментом защиты субъективных прав.

Итак, законный интерес (по предложению Г.В. Мальцева «юридически институционализированный интерес» [7, с. 368]) это тот интерес, который соответствует нормативному правовому акту и согласуется с конечными целями права. Это не застывшая категория. Сам законодатель, несмотря на использование этого термина в диспозиции норм права в различных отраслях, не дает его законодательного определения. Это обстоятельство не снимает для юристов задачу дальнейшего исследования «законных интересов», так как эта правовая категория имеет как теоретическое, так и практическое значение. Выводы, сделанные в данной статье, могут быть базой для дальнейшего его исследования.

Список цитируемой литературы

1. Куксин, И. Н., Новопавловская Е.Е. Защита прав и законных интересов граждан от безработицы в практике конституционного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2016. Т 3 (45). С.87-95.
2. Милосердов Н.А. Публичные интересы в праве: Понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10 (131). С. 202-211.
3. Иеринг Р. Интерес и право // Избранные труды. – Самара: Самарская государственная экономическая академия, 2003. 520 с.
4. Цветкова Е.А. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 36-47.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права // Москва, 1910. 806 с. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/56/Шершеневич_Г._Ф._-_Общая_теория_права_%281912%29.pdf (дата обращения: 19.02.2025).
6. Куксин И.Н., Чечельницкий И.В. Обеспечения баланса публичных и частных интересов как средство достижения справедливости в правотворчестве // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. – Рязань : Изд-во «Концепция», 2016. С.420-428.
7. Мальцев Г.В. Социальные основание права : монография. – М.: Норма, 2007. – 800 с.
8. Маркс К. Критика гегелевской философии права // Собрание сочинений. Т.1. – 698 с.
9. Рябцев Л.М., Гвоздев Д.В. Интересы в праве: теоретические проблемы определение сущности и критериев классификации // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. – Минск: ФУ Аннформ, 2013. Вып.8. С.107-114.

Нифанов Алексей Николаевич
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИРАЩЕНИЕ СТАТУСОВ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития публичных территорий в Российском государстве, определяются возможные направления развития действующего законодательства, закрепляющего соответствующие дефиниции с точки зрения их уточнения, приводятся аргументы в пользу введения в научный оборот новых категорий, связанных с публично-территориальной организацией.

Ключевые слова: федеральная территория, муниципальная территория, патронажные территории, народная республика, публичная территория

«Крупным прорывом в понимании природы права явилось применение в юридических исследованиях системного подхода и системного анализа, и, прежде всего, вытекающий из общей теории систем вывод, согласно которому право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединённых элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 70)

В рамках заявленной проблематики хотелось бы остановиться на трех законодательных новеллах, приращивающих статус публичных территорий в Российском государстве и рассмотреть их в порядке хронологии появления в отечественном законодательстве.

Анализ принятых конституционных поправок показывает, что законодатель в части дополнения каталога публичных территорий внес изменения в ст. 67, закрепив положения, о возможности создания на территории Российской Федерации федеральных территорий в соответствии с федеральным законом. Данным федеральным законом устанавливается и организация публичной власти на федеральных территориях.

Вместе с тем, ответа на вопрос относительно содержания понятия федеральных территорий в конституционном тексте нет. При этом Конституционный Суд в своем Заключении отметил, что введение федеральных территорий не означает появление нового вида субъектов Федерации [1].

Федеральный закон от 22 декабря 2020 г.№ 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» [2] в ст. 2, закрепляя основы ее статуса, дал определение этой федеральной территории, признав таковой имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, образуемое в установленных целях, к которым отнесены:

– обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории;

– повышение инвестиционной привлекательности;

– сохранение олимпийского спортивного, культурного и природного наследия;

– создание благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов;

– реализация приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации.

В целом все они могут быть сведены к социально-экономической и культурной сферам. Для реализации этих целей на федеральной территории устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности.

Напомним, что понятие «федеральная территория» предложил ввести председатель Тульской областной думы Сергей Харитонов, отметивший, что к их числу, например, можно отнести закрытые административно-территориальные образования, особо охраняемые природные территории и Арктическую зону. По его мнению, это обусловлено повышенными требованиями к обеспечению безопасности, защиты и охраны окружающей среды (например, озера Байкал, Кавказских Минеральных Вод) или же к созданию условий по повышению инвестиционной привлекательности, управление которыми «требует специального регулирования» [3].

Федеральный закон от 22 декабря 2020 г.№ 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» во второй статье закрепил её определение, однако думается, что оно применимо лишь к этому конкретному публично-территориальному образованию. В этой связи полагаем, что данный вопрос необходимо унифицировано разрешить на законодательном уровне, детализируя и конкретизируя интересы Российской Федерации при образовании каждой последующей федеральной территории.

Отметим, что доктринально такие попытки уже предпринимаются [4, с. 56-61]. В частности, нами предложено к введению в научный оборот следующее определение. Федеральная территория – это конституционно допустимое устанавливаемое федеральным законом пространство, в границах которого публичные субъекты обеспечивают исключительные интересы Российской Федерации [5, с. 19].

Следующей конституционной «территориальной» новеллой с учетом поправок 2020 г. стало включение в текст ч. 1 ст. 131 понятия «муниципальное образование».

Впервые в данное понятие появилось в 1994 г. в ст. 124 Гражданского Кодекса Российской Федерации. При этом какого-либо определения его не содержалось.

Более развернутую характеристику муниципального образования дал спустя год федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепив, что муниципальное образование – городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть поселения, иная населенная территория, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления [6].

Обратим внимание, что данной нормой были закреплены существенные признаки муниципального образования, позволявшие идентифицировать его в качестве такого, – это населенная территория, наличие местного самоуправления и его выборных органов, муниципальная собственность и местный бюджет.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» при определении муниципального образования взял за основу простую каталогизацию (или, если хотите, перечисление) видов предусмотренных им муниципальных образований, закрепив, что муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения [7]. При этом данная дефиниция не содержит ни одного атрибутивного признака этой ключевой муниципально-правовой категории.

Правда анализ определений видов муниципальных образований, закрепленных в ч. 1 ст. 2 федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ позволяет выделить, в частности, такие их признаки как наличие выборных и иных органов местного самоуправления.

Полагаем, что в подобной технико-юридической конфигурации федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ не отражал всего содержания категории «муниципальное образование».

Устранению данной лексической оплошности, на наш взгляд, способствует принятие 20 марта 2025 г. федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8].

Отметим, что данным федеральным законом муниципальным образованием признается публично-правовое образование, созданное на территории с постоянно проживающим населением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления.

Из данной нормы четко прослеживаются те самые атрибутивные признаки, о которых шла речь выше. К таковым отнесены: территория, постоянно проживающее население, способ организации власти, т.е. те три объективные слагаемые, которыми государственно-правовая наука традиционно характеризует публично-территориальные образования.

Примечательно, что и само муниципальное образование поименовано в федеральном законе № 33-ФЗ публично-правовым образованием. Над пониманием данного термина и наполнением его содержания, полагаем, еще предстоит порассуждать.

Следует также иметь в виду, что использованное в ст. 131 Конституции Российской Федерации в контексте муниципального образования понятие «территория» нуждается в своем уточнении. Что в данном случае имеется в виду, и что должно определяться с учетом исторических и иных местных традиций, – вид муниципального образования, или его границы?

В частности ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ более конкретно закрепляет, – «границы территорий муниципальных образований устанавливаются и изменяются законами субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 11-13 настоящего Федерального закона». К слову сказать, в этих «требованиях» растворены формы участия населения и выявления его мнения.

В этой связи ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ более четко установила, что территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций.

Анализ положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ, показал, что в их нормах не используется термин «муниципальная территория».

Вместе с тем Глава 2 ФЗ № 131 «Принципы территориальной организации местного самоуправления» включает ст. 10 – «Территории муниципальных об-

разований». Однако, в этом случае законодатель лишь ограничился простым перечислением разновидностей муниципальных образований, периодически расширяя их каталог (ч. 1 ст. 10). Таким образом, территории всех муниципальных образований и являются муниципальной территорией.

Восполнению данного терминологического пробела послужит предложенная нами дефиниция, конкретизирующая формализованное определение муниципального образования. Исходя из нее, муниципальная территория представляет собой традиционно сложившееся, народовластно детерминированное, юридически структурированное исходное пространство, в рамках которого законодательно установленными субъектами решаются вопросы местного значения [5, с. 19].

Как известно в соответствии с Федеральными конституционными законами от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ и № 6-ФКЗ с 5 октября 2022 г. образованы новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика[9]. Тогда же соответствующие дополнения были внесены в текст Конституции Российской Федерации, – важное приращение территориальной организации Российской Федерации.

В 2020 г. мы предложили именовать эти Республики (в числе некоторых других) патронажными территориями, под которыми понимались территории, артикулировавшие претензию на свое политико-территориальное самоопределение, и в отношении граждан которых Россия проявляет гуманитарное покровительство и осуществляет защиту [10, с. 71].

Кстати, безусловным подтверждением прогностичности данного тезиса стало подписание 21 февраля 2022 г. Президентом Российской Федерации Указов № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» [11] и № 72 «О признании Луганской Народной Республики» [12].

С 5 октября 2022 г. это полноправные территории – субъекты Российского государства.

В этой связи возникает один терминологический (а может и сущностный) вопрос, – Народная Республика – это новый вид субъекта Российской Федерации, с перечисленными в ст. 5 Конституции республиками, краями, областями, городами федерального значения, автономной областью, автономными округами. Или же это всего лишь особенное название (наряду с еще 22-мя) в конституционно поименованном ч. 1 ст. 65 перечне республик в составе Российской Федерации.

Полагаем, что данная новелла нуждается в своем дальнейшем конституционно-правовом и доктринальном осмыслении.

Список цитируемой литературы

1. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037
2. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2020. – № 52 (ч. I). – Ст. 8583.
3. В Конституции может появиться понятие «федеральные территории» Архивная копия от 7 февраля 2020 на Wayback Machine // Коммерсантъ, 06.02.2020
4. Мархгейм, М. В. Конституционные модели федеральных территорий: зарубежный опыт для российских перспектив // Социально-политические науки. 2020. – Т 10. – № 3.
5. Нифанов, А. Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. – Белгород, 2020.
6. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. – № 35. – Ст. 3506.
7. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. – № 40. – Ст. 3822.
8. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2025. – № 12. – Ст. 1200.
9. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022. – № 41. – Ст. 6930; Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022. – № 41. – Ст. 6931.
10. Нифанов, А. Н. Патронажные территории России: суверенный сегмент // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 8 (123).
11. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002
12. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001

Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ПРОГРАММЫ – АТРИБУТ ПУБЛИЧНОСТИ

Аннотация. В данной статье представлены авторские аргументы в пользу применения инструментов прогнозирования и планирования на уровне местного самоуправления для решения правозащитных проблем; предложены пилотные проекты правозащитных программ в муниципальных образованиях и субъекты их реализации.

Ключевые слова: местное самоуправление, прогнозирование, планирование, права человека, защита.

«В сфере правового регулирования люди сталкиваются со многими разновидностями поразительным многообразием юридических возможностей, причем одни из них проистекают из необходимых связей между фактами и явлениями действительности, другие – из комбинации необходимых и случайных процессов, третьи формируются в результате нормативного поведения субъекта, реагирующего на случайное событие». (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 104)

В современной России уделяется последовательное внимание солидарному и безопасному правозащитному пространству, созидательно поддерживаемому всеми предназначенными для этого средствами. В вертикальной структуре правозащитной системы защиты прав и свобод личности муниципальный уровень является бесспорным. Важность муниципального сектора публичной власти в правозащитном пространстве России мы связываем, прежде всего, с тем, что возрождение и развитие местного самоуправления как особой относительно самостоятельной системы явилось неотъемлемой основой конституционного строя новой российской государственности. Кроме того, муниципальные образования, как территории, власть которых наиболее приближена к населению, могут использовать доверительный ресурс – со стороны населения – в оперативном восстановлении прав и свобод личности. Конечно, из содержания статей 130-131 Конституции Российской Федерации, скорее, следует, что население выступает правообеспечительным и правозащитным субъектом в отношении

местного самоуправления. Однако, разделяем мнение о том, что здесь более продуктивна правозащитная обоюдность [4, с. 4].

Безусловно, и далее следует развивать и всячески поддерживать практику деятельности общественных приемных и помощников Уполномоченного по правам человека субъекта Федерации в муниципальных образованиях [1, с. 38-44]. Но можно попробовать посмотреть на правозащитную проблему сквозь призму прогнозирования и планирования. В первом случае предлагается следующий алгоритм оценки правозащитного пространства муниципального образования:

– диагностика – определение ценностей, явлений, которые могут оказаться под угрозой с установлением источников такой угрозы. В нашем случае такими ценностями представляются права и свободы человека и гражданина в сопряжении с реально применяемыми к ним и эффективными правозащитными средствами, механизмами (к примеру, в сопряжении с правом на обращение в органы публичной власти).

Следующая стадия состоит в оценке – расчете вероятности наступления неблагоприятных последствий для определенных ценностей и явлений.

Уточним, что здесь рекомендуется устанавливать количественные (измеримые) показатели проявления рискового обстоятельства, при достижении которых должны наступать определенные последствия (например, при просрочке выплат за определенный период времени. В правовых моделях поведения количественные показатели находят отражение в виде, например, сроков совершения каких-либо действий, нормативов формирования и прочее.

Заключительная стадия алгоритма прогнозирования – корректирующая, то есть реализация мер, направленных на восстановление нарушенного права, а также устранение причин, вызвавших соответствующие нарушения в адекватной последовательности.

Поскольку в муниципальных образованиях Белгородской области правозащитные чаяния по объективным причинам (приграничные территории, близость СВО) разнятся, то и результаты прогнозирования тоже будут неодинаковыми.

Кто может заняться данным направлением деятельности? Полагаем, что в первую очередь, нужно определить муниципальные образования для реализации пилотных проектов. При этом, лучше выбрать муниципальные образования с очевидно разным набором правозащитных проблем. Исходя из содержания поступающих обращений к представителям муниципальной власти, Уполномоченному по правам человека от населения данного муниципального образования, реализовать предложенный механизм.

Полагаем, даже наличие прогнозной информации позволит оптимизировать деятельность органов местного самоуправления «на опережение» в части охраны прав и свобод личности.

Следующий шаг, который мы предлагаем – это правозащитное программирование на уровне муниципального образования. В настоящее время одной из основных задач органов управления является разработка и последующая реализация научно обоснованных комплексных программ с использованием программно-целевого подхода. Широкое внимание, уделяемое в настоящее время программно-целевому управлению, в первую очередь объясняется тем, что оно чрезвычайно эффективно позволяет преодолеть весь объем существующих недостатков как функционального, так и отраслевого принципов управления. «Программный, или целевой, принцип организации управления сочетает в себе ряд важных требований и тенденций управления, среди которых ведущее место занимает тенденция перехода от традиционных статичных форм к саморегулирующимся динамичным формам» [3].

Программно-целевой подход в управлении представляет собой такой подход, при котором руководитель ориентируется на достижение конечного результата в логике поэтапного действия: формирование дерева целей, разработка адекватной исполняющей программы, реализация управляющей программы [2, с. 235]. С уверенностью данный подход реализуется в Белгородской области и применительно к правозащитному пространству. Так, в программном формате ежегодно реализуется 17 государственных программ, которые сформированы по отраслевому принципу в соответствии с Перечнем государственных программ области, утвержденным постановлением Правительства Белгородской области.

Полагаем, данный опыт целесообразно перенести на уровень местного самоуправления и разработать муниципальные правозащитные программы краткосрочного или долгосрочного характера; комплексные или сегментные по итогам результатов правозащитного прогнозирования.

С научной позиции под предлагаемой программой мы понимаем надлежаще формализованный документ, служащий правовым инструментом реализации правозащитных задач через парную и системную консолидацию универсальных компонентов – «цель – индикатор», «субъект – объект», «план – ресурс» [2, с. 259].

Исходя из проектного метода, представляется, правозащитная муниципальная программа будет способствовать целеполаганию, планированию и программированию актуальных правозащитных отношений, реализация которых доступна для наблюдения со стороны любого интересующегося субъекта.

Учитывая ограниченность ресурсов в муниципальных образованиях, возможную нехватку специалистов, также предлагаем проект программы реализо-

вать совестными усилиями Центра прав человека и проблем интеграции, представителей Аппарата Уполномоченного по правам человека в Белгородской области и Совета муниципальных образований Белгородской области. Конечно, при непосредственном участии и населения, и представителей власти тех муниципальных образований, которые будут определены в качестве пилотных. Предпочтительно обратиться к различным разновидностям муниципальных образований для получения репрезентативного дифференцированного опыта. В последующем успешные практики могут быть распространены на иные муниципальные образования со схожим спектром правозащитных проблем.

Полагаем, внесенные предложения, способны в положительном ключе немного перевернуть правозащитную пирамиду и сблизить власть и население, как того ожидает законодатель, выделяя уровень местного самоуправления.

Список цитируемой литературы

1. Новикова А.Е., Киреева Ж.Н. Институт уполномоченного по правам человека в России: актуальные законодательные дополнения // В сборнике: Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития. материалы международной научно-теоретической конференции – XI Международные «Мальцевские чтения» - памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича. Белгород, 2024. С. 38-44.

2. Новикова А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Дис. … канд. юрид наук. Белгород, 2021. 436 с.

3. Стефанов Н., Симеонова К., Костов К., Качаунов С. Программно-целевой подход в управлении. Теория и практика. М.: Прогресс, 1975. 198 с.

4. Шишов П.В. Роль местного самоуправления в формировании правозащитных механизмов: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

Позднышов Алексей Николаевич
декан юридического факультета
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
доктор юридических наук, профессор
(Ростов-на-Дону, Россия)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы классификации международных интеграционных объединений, выделяются их специфические признаки.

Ключевые слова: интеграционные объединения, классификация, международно-правовая интеграция.

«Наше время не требует отказа от суверенитета национальных государств, но оно меняет акценты в понимании и применении соответствующего принципа. Поскольку судьба национальных интересов все чаще решается на интернациональном уровне, в международных организациях и на мировых форумах, государство должно быть во всеоружии суверенных средств и возможностей… Долг каждого суверенного государства – блюсти при этом свои национальные интересы, следить за тем, чтобы они не потерпели какого-либо ущерба, не подверглись дискриминации в сравнении с аналогичными интересами других стран» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 503-504).

Международная интеграция и появление интеграционных объединений представляет собой относительно новый политико-правовой феномен. Несмотря на то, что первые интеграционные объединения появились еще в XIX в., но лишь во второй половине XX в. их формирование стало трендом мирового развития и привело к появлению более чем трехсот интеграционных объединений в современном мире. Все возрастающая роль интеграционных объединений в формировании международного правопорядка актуализирует проблемы их категориально-понятийного исследования.

Насущной научной и практической проблемой является классификация современных интеграционных объединений, при этом основания типологизации должны быть достаточно существенными, чтобы охватить максимально широкий круг соответствующих организаций.

В зависимости от целей интеграции выделяют экономические, политические и правовые ее формы. Самой распространенной формой является экономическая интеграция. Она может осуществляться в виде торговых, таможенных, финансово-валютных межгосударственных объединений, когда объединение ставит перед собой узконаправленные цели. А может носить интегративный характер, когда объединение преследует решение всей совокупности экономических задач, достижение которых позволяет обеспечить стабильное экономическое развитие, достичь повышения конкурентоспособности и повышения жизненного уровня населения государств-членов объединения.

Политическая интеграция предполагает проведение скоординированной политики в разных сферах государствами-участниками. Причем члены объединения могут делегировать часть своих полномочий наднациональным органам, что, соответственно, связывает национальные органы государственной власти необходимостью соотнесения их решений с общей политикой объединения. Примером такого рода объединения является ЕС. Однако более распространенной формой политической интеграции является объединение с отсутствием ограничений суверенитета государств-членов в решении определенных вопросов, когда они выступают против расширения компетенции наднациональных органов, оговоренных учредительным договором. При этом наднациональные органы могут вообще не создаваться или ограничиваться исключительно вопросами согласования политики национальных государств по определенным вопросам и координацией общих усилий по достижению поставленных целей. К таким объединениям относится БРИКС.

Редкой формой является международно-правовая интеграция, целью которой является сближение и гармонизация законодательства [1]. Ю.С. Безбородов рассматривает такую интеграцию как процесс объединения правовых систем с помощью международно-правовых средств с целью достижения единообразного правового регулирования, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве, проходящий на универсальном и региональном уровнях с использованием специфичных правовых методов и в разных формах [2, с. 66]. Международно-правовая интеграция характерна для организаций с наднациональной правовой природой, в учредительных документах которых присутствуют положения о полномочиях органов по созданию единых интегрированных правовых норм, формирующих наднациональный правопорядок. При международно-правовой форме интеграция становится методом гармонизации национальных правовых систем [3].

Исходя из предметной компетенции, подавляющее большинство интеграционных объединений обладают экономической компетенцией, в частности, занимаются созданием общего рынка, таможенного союза, зоны свободной тор-

говли между членами организации. Однако в последнее время наблюдается так называемый «эффект перелива», когда экономическая интеграция постепенно переходит в другие сферы, в том числе, не связанные напрямую с экономикой, что приводит к трансформации организации в объединение более широкой компетенции. К примеру, Западноафриканский валютный союз после преобразования в экономический и валютный приобрел новые полномочия по формированию общей политики в сфере окружающей среды и образования, т.е. областях неэкономического характера. ЕАЭС, первоначально созданная исключительно для решения экономических вопросов, сегодня рассматривается как площадка для возможного регулирования более широкого круга проблем, в том числе взаимодействия в сфере миграции, профессионального образования, административного сотрудничества, энергетической безопасности, защиты прав потребителей, медицины, санитарно-эпидемиологического контроля, противодействия распространению инфекций [4].

Таким образом, новейшие интеграционные объединения, как правило, выступают в смешанной форме, когда задачи создания единого экономического пространства дополняются необходимостью проведения согласованной политики и гармонизацией законодательства. При этом следует оговориться, что решения международных интеграционных объединений, как правило, принимаются путем консенсуса с учетом мнения всех государств-участников, что ни в коей мере не ограничивает их суверенных прав и самостоятельности на международной арене.

По территориальному признаку объединения могут быть разделены на глобальные, межрегиональные и региональные. Глобальной организацией является Всемирная торговая организация (ВТО), преследующая цель ликвидацию барьеров между национальными экономиками. Межрегиональные объединения действуют на межрегиональном уровне, к ним могут быть отнесены НАТО – военно-политическое объединение стран Европы, США и Канады; БРИКС – политико-экономическое объединение государств Европы, Азии, Африки. Большинство современных интеграционных объединений являются региональными, т.е. складываются в определенных регионах мира (африканские, европейские, южноамериканские, постсоветские объединения).

Ряд ученых, в зависимости от типа интеграционного сотрудничества, выделяют интеграционные объединения координационного и наднационального типа.

Координационный тип объединений предполагает, что все решения принимаются «на основе принципа согласования воль государств посредством достижения консенсуса или большинством голосов» [5, с. 156]. Таких в современном мире большинство. Объединением координационного типа является Организация американских государств (ОАГ), в которую входят 35 государств Се-

верной и Южной Америки. Она создавалась ради утверждения общих интересов государств-членов, укрепления сотрудничества, защиты суверенитета, территориальной целостности и независимости. В настоящее время превратилась в политический форум для согласования внешнеполитической линии стран.

Еще одним примером координационного типа является крупнейшее интеграционное объединение – Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), куда входят Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Венесуэла и Боливия. Правда в настоящее время МЕРКОСУР постепенно трансформируется в объединение наднационального типа, поскольку с 2007 г. функционирует Парламент МЕРКОСУР, в 2002 г. создан Суд пересмотра для разрешения споров посредством арбитражей ad hoc.

К наднациональному типу относят интеграционные объединения, обладающие правом принятия решений, обязательных для всех членов, и обязывающих государственные органы государств-членов, независимо от их имплементации в национальное право. Кроме того, в таких объединениях наднациональные органы вправе вмешиваться в вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государств.

В.И. Сологуб в качестве критерия для систематизации предлагает использовать характер отношений между интегрирующимися акторами [6]. Соответственно ученый предлагает авторскую классификацию интеграционных объединений, выделяя три их типа – постколониальный, паритетный и теселентный (мозаичный).

Постколониальный тип интеграционного объединения отличает наличие очевидного политического и экономического лидера. При этом между интегрирующимися государствами существует тесная историко-культурная связь, возникшая как результат прошлых колониальных связей, что проявляется в сохранении превалирования социально-политических групп бывшей метрополии над политической волей элитных групп других интегрирующихся государств. Кроме того, доминирующий в таком объединении субъект может субсидировать или наделять преференциями иных участников. В таких интеграционных образованиях неизбежно возникают ситуации, когда интегрирующиеся субъекты вынуждены подстраиваться под приоритеты лидирующего государства, что неизбежно приводит к ущемлению их прав и экономических интересов. Очевидно, что мотивацией такой модели интеграции в принципе является возможность использования ресурсов лидера, выступающего в качестве инициатора и движущей силы дальнейшей интеграции. В таком случае лидирующее государство получает возможность использования экономических возможностей других участников (рынки сбыта, сырьевая база, дешевые трудовые ресурсы), а также получает определенную политическую поддержку на международной

арене для отстаивания своих интересов, поскольку интегрированные субъекты следуют в фарватере доминанта.

К такого рода интеграционному объединению, на наш взгляд, относится Союз Средиземноморья, образованный в 2008 году по инициативе Франции, куда вошли как члены ЕС, так и государства Южного и Восточного берегов Средиземного моря, в том числе ранее бывшие колониями Франции. Соответственно, с одной стороны, Франция использовала свой авторитет метрополии над бывшими колониями, что очевидно добавляло ей веса как внутри ЕС, так и в решении международных вопросов. С другой стороны, страны Магриба и Арабского Востока, вошедшие в объединение, рассчитывали на поддержку Франции в решении экономических, социальных, экологических, энергетических проблем. Мощным мотивационным фактором выступала нестабильность Средиземноморского региона, связанная с существенными различиями соседствующих государств по уровню жизни и демографии, провоцирующая миграционные потоки из Африки в Европу. На организационной встрече присутствовали лидеры 40 государств. Однако по прошествии многих лет следует констатировать весьма скромные успехи объединения: были достигнуты соглашения по ограниченному кругу проектов, в которых приняли участие существенно меньшее количество стран, нежели заявлялось в начале [7].

Паритетные интеграционные объединения характеризуются объединением равных акторов. Причем равенство проявляется как в экономическом плане, политической деятельности, в финансовом участии в бюджетировании интеграции, так и в функционале ее субъектов. Паритетная интеграция предполагает наличие политической воли ее участников, в связи с чем они действуют независимо, в национальных интересах, что проявляется в обязательном согласовании общих политико-правовых актов и любых совместных действий в процессе участия в различного рода переговорных площадках. Следует отметить, что активность в рамках интеграционного объединения сохраняет значительную свободу действий для участников интеграции на международной арене. В силу указанных причин проблематичным в такого рода образованиях становится даже не выработка единой позиции по общестратегическим вопросам, а оперативное согласование практических шагов по узким, точечным задачам с принятием обязывающих международно-правовых решений. Достижение консенсуса осложняется наличием у субъектов интеграции разного рода межгосударственных договоров и обязательств с иными участниками международного общения.

В качестве примера паритетного интеграционного объединения можно привести БРИКС – межгосударственное многопрофильное объединение. Участники БРИКС – крупнейшие и авторитетные региональные и мировые державы, которые одновременно входят в ряд авторитетных международных организаций

и объединений, таких как «Большая двадцатка», ШОС, АТЭС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, СНГ, ОДКБ и ряд других. БРИКС не ограничивается решением экономических вопросов и развивает сотрудничество в политической, культурной, гуманитарной сферах, в области безопасности. В базовых документах этого объединения подчёркивается, что оно строится на взаимном уважении, равенстве и солидарности партнеров.

Самым сложным из выше рассмотренных видов интеграционных объединений является теселентный, поскольку он выявляется в результате детального структурного анализа взаимоотношений внутри интеграционного образования. Участники такого объединения не являются равными по своему потенциалу и вкладу в интеграцию, но каждый из них в процессе своего непосредственного участия выполняет определенную функцию, что позволяет объединению эффективно функционировать. Такая мультифункциональная основа предполагает, что каждый интегрирующийся субъект практически незаменим и его выход из интеграционного проекта ставит под удар само его существование. Специфика теселентного вида состоит в довольно простом распределении функционала внутри объединения, что позволяет динамично и эффективно решать поставленные задачи и оперативно достигать консенсусных решений. Кроме того, при очевидном неравенстве потенциалов и показателей участников, они обладают равными правами. Для такого рода объединений крайне сложным является процесс присоединения новых участников в связи с трудностями выделения нового функционала и адаптации новых акторов к потребностям объединения. Примером теселентного вида объединений является Евразийский экономический союз [4, 8].

Таким образом, интеграционные объединения можно рассматривать как особый вид международных организаций, объединяющих независимые государства ради их интеграции в определенных сферах. Они обладают рядом специфических признаков, как-то сближение национальных государств в определенных сферах ради повышения их социально-экономического уровня, решение комплексных задач в процессе достижения поставленных целей и специфическая система наднациональных органов, повторяющая внутригосударственную схему государственного управления. В целом следует заключить, что единых подходов к классификации интеграционных объединений в юридической литературе не сложилось, вопрос этот находится в стадии разработки. Однако каждая из представленных типологий позволяет отразить специфику существующих в современном мире интеграционных объединений.

Список цитируемой литературы

1. Орлова Н.Е. Гармонизация национальных правовых систем как юридическая категория // Гармонизация национальных правовых систем в условиях совре-

менного развития Евразийского экономического союза : Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 08–10 сентября 2022 года / Под редакцией А.Н. Позднышова, И.В. Рукавишниковой, Р.Г. Непранова. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2023. С. 79-87.
2. Безбородов Ю.С. Международно–правовая интеграция: подходы к пониманию феномена // Российский юридический журнал. 2012. № 1. - С. 66.
3. Непранов Р.Г. Гармонизация национальных правовых систем ЕАЭС в условиях внешнего влияния на их государственно-правовую идентичность // Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза: Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 08–10 сентября 2022 года / Под редакцией А.Н. Позднышова, И.В. Рукавишниковой, Р.Г. Непранова. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2023. С. 74-79.
4. Непранов Р.Г., Орлова Н.Е. Международная правосубъектность ЕАЭС в контексте современных интеграционных процессов // Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 529-533.
5. Власова Н.В., Рафалюк Е.Е., Залоило М.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1.
6. Сологуб В.И. Новейшие интеграционные объединения: понятие и классификация // Научные ведомости. Сер. История. Политология. 2015 № 19 (216). Вып. 36. С. 178-182.
7. Алльес П. Союз Средиземноморья: государственная и региональная политика // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 2. С. 267-273.
8. Орлова Н.Е., Позднышов А.Н. Гармонизация национальных правовых систем в контексте евразийской интеграции: теоретико-правовой аспект // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2(41). С. 12-22.

Понкин Игорь Владиславович
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ МЕТОДА «АНОНИМНОГО СЛЕПОГО РЕЦЕНЗЕНТА» ДЛЯ ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ДИССЕРТАЦИИ ВО ВНЕВАКОВСКОЙ СИСТЕМЕ ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЁНЫХ СТЕПЕНЕЙ

Аннотация. Статья посвящена недостаткам метода «анонимного слепого рецензента» для оценивания качества диссертации в автономной системе присуждения учёных степеней вне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: наука, методология, диссертация, диссертационный процесс, рецензент, «анонимное слепое рецензирование»

«Государство вынуждено поощрять и стимулировать прогностическую деятельность, смотреть в будущее глазами учёного и эксперта».
(Г.В. Мальцев. Социальные основания права [1, с. 751]*).*

Комплекс вопросов о том, что есть и какова природа экспертизы и кто есть такой эксперт, – один из наиболее сложных в тематическом горизонте оценочных критериев и средств в науке и прикладной аналитике [2, 3, 4, 5]. Сегодня экспертом кто только себя ни называет (не имеющие юридического образования журналисты – юридическими экспертами-аналитиками, блогеры с образованием ПТУ – экспертами развед-аналитики и т.п.), существенно принижая и размывая само это понятие – эксперт.

Одной из казуальных областей, на примере которой высвечивается множество критических проблем в связи с неосновательным произвольным или вообще дефектным (негодным) позиционированием лица в качестве эксперта, является «анонимное слепое рецензирование при оценивании качества представляемой соискателем диссертации в диссертационных процессах во внеВАКовской системе присуждения учёных степеней.

Напомним, что Постановлением Правительства Российской Федерации ряд вузов наделён правом самостоятельного присуждения учёных степеней,

полностью приравненных тем, что присуждаются в ВАКовской системе.

Например, согласно документу Президентской академии «Регламент экспертизы качества диссертаций в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении “Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации”» (Приложение к Приказу от 04 марта 2025 № 02-284)[1], «предварительная экспертиза, предусмотренная настоящим Регламентом, предшествует во времени представлению диссертации в диссертационный совет и проводится выпускающим структурным подразделением Академии, в котором работа была подготовлена к защите (далее – выпускающее структурное подразделение). Предварительная экспертиза предусматривает обязательную процедуру публичной предварительной защиты диссертации» (п. 1.2); «Дополнительная экспертиза диссертации проводится по заявлению соискателя учёной степени по форме, установленной приложением № 3 к настоящему Регламенту» (п. 3.1); «Дополнительная экспертиза проводится в срок до 42 рабочих дней для кандидатской диссертации и 52 рабочих дней для докторской диссертации» (п. 3.5). И главное (в целях настоящего обсуждения и формализующей его настоящей статьи) – «сведения об эксперте (-ах), осуществляющем (-их) дополнительную экспертизу, не разглашаются» (п. 3.6).

В числе требований к эксперту (экспертам) и к экспертизе диссертации:

– требование: «экспертиза качества диссертаций строится на основе плюрализма научных мнений и подходов» (п. 1.4) – крайне размытый критерий, который можно толковать как заблагорассудится;

– требование относимости к соответствующей диссертации отрасли науки (по смыслу п.4.3, определяющему уже последствия апелляции на обжалуемое заключение эксперта (экспертов)) – следует отметить, что любая отрасль

---

[1] Регламент экспертизы качества диссертаций в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Приложение к Приказу от 04.03.2025 № 02-284) // <https://www.ranepa.ru/upload/doc/aspirantura/2025/Регламент%20экспертизы.pdf>.

Основной порядок диссертационного процесса в РАНХиГС определяется следующими документами: Порядок присуждения учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Приказ № 02-0355 от 28.02.2024; в ред. приказа № 02-1711 от 03.09.2024) // <https://www.ranepa.ru/upload/doc/aspirantura/Порядок%20присуждения%20ученой%20степени%20кандидата%20наук_сентябрь%202024.pdf>; Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Приказ № 02-0355 от 28.02.2024, в ред. приказа № 02-1351 от 01.07.2024) // <https://www.ranepa.ru/upload/doc/aspirantura/Положение%20о%20совете%20по%20защите%20диссертаций%20на%20соискание%20ученой%20степени%20кандидата%20наук.pdf>.

науки настолько обширна, что это совершенно исключает наличие хотя бы даже одного человека в стране, который обоснованно мог бы квалифицироваться как эксперт во всей полноте содержания отрасли науки, и такой подход совершенно дефектен, поскольку игнорирует очевидно надлежащее требование относимости квалификации и компетентностей эксперта именно к тематике (хотя бы у укрупнённой области) именно диссертации;

– требование (точнее – рекомендация) «акцентировать внимание на анализе качества аргументов, обосновывающих выносимые на защиту положения, вместо оценки соответствия позиции диссертанта позиции конкретной научной школы» (последний абзац – примечание на с. 24 после таблицы – Приложения № 4.1 к Регламенту экспертизы качества диссертаций) – крайне размытый критерий, который можно толковать как заблагорассудится;

– требование соблюдения формы (непосредственно табличной или в её логике из 18 позиций) экспертного заключения (таблица Приложения № 4.1 «Форма экспертного заключения первой дополнительной экспертизы качества диссертаций» к Регламенту экспертизы качества диссертаций; (таблица Приложения № 4.2 схожа) – с очень высокой неконкретностью и размытостью формулировок, определяющих явно переизбыточную дискрецию (усмотрение) эксперта и, по сути дела, снятие с него обязанности мотивировать свои оценки (графы таблицы исключают развёрнутую аргументацию, единственно возможную здесь, на самом-то деле).

Отметим, что такого рода нормы часто встречаются в соответствующих регламентах и других вузов.

Всё это, само по себе, может выступать предметом дискуссии (следует признать и подчеркнуть, что диссертационная процедура в РАНХиГС достаточно неплоха, вполне работоспособна и во многом перекликается с порядками в других вузах внеВАКовской системы), но мы оставим указанное за рамками настоящей статьи, сосредоточившись на позиции об анонимности эксперта (экспертов), назначаемого (назначаемых) для проведения экспертизы представляемой соискателем диссертации.

Прежде всего отметим, что это, конечно, никакое не «слепое» со стороны эксперта рецензирование представляемой соискателем диссертации: простейшие манипуляции с поиском в сети или с использованием программной модели «Антиплагиат» позволяют быстро вычислить реального автора по уже состоявшимся его публикациям под диссертационный процесс (ситуацию, когда вместо этого параллельно будет выявлено, откуда он украл, не рассматриваем в настоящей статье, хотя такое, отметим, тоже случается).

Но вот далее возникает проблема, на артикулированное понимание которой приходится обратиться к личному опыту, когда по нашей докторской дис-

сертации в экспертном совете ВАК по праву в 2004 – начале 2005 г. было назначено в качестве рецензента-эксперта лицо (оставим за кадром, что это был ворплагиатчик, вся собственная докторская «диссертация» которого на диссернете расцвечена как новогодняя ёлка), которое не только не имело ни одной своей, даже самой завалящей и простенькой, работы в тематике светскости государства (тематический горизонт нашей докторской), но и вообще ни одной (!) своей работы в конституционном праве (а ведь именно по этой научной специальности 12.00.02 и была защищена наша диссертация) – это был не представитель конституционно-правовой науки, а совершенно далёкое от этой науки лицо. А ещё ранее на этапе защиты нами кандидатской диссертации в 2001 году в наш диссертационный процесс маниакально лезли абсолютно ничего не соображающие в праве и явно неадекватные вульгарно-атеистические философы-«религиоведы» из числа христианофобствующих «птенцов» одной американской экстремистской религиозной секты.

То есть чрезвычайно важен, является выраженно определяющим вопрос о том, насколько в таком вневакОвском процессе лицо, административно определяемое (а это именно так и происходит во вневакОвской системе, когда должностное лицо вуза в подразделении управления наукой дискреционно, т.е. по своему усмотрению, делает такой выбор) экспертом по диссертации, действительно, является экспертом если не непосредственно в теме исследуемой и оцениваемой диссертации, то хотя бы в непосредственно связанной и «окружающе» близкой, сопряжённой этой теме предметно-объектной научной метаобласти той же отрасли науки.

Хорошо, конечно, когда и если уполномоченное должностное лицо вуза или научной организации, наделённое в вопросе выбора и назначения эксперта по диссертации чуть ни абсолютной и произвольной дискрецией (личным усмотрением) ведёт себя добросовестно и адекватно, стараясь подбирать под оценивание диссертации максимально точно соответствующих тематике диссертации экспертов – точно (или хотя бы в допустимом приближении) по их квалификации, компетентностям, научному опыту, их научным публикациям (в достаточном объёме – не 2–3), и само это должностное лицо пришло не из «советской торговли», а является научно-компетентным и обладает соответствующим опытом. Хотелось бы верить, что так оно и есть.

Но как правило, такие должностные лица замещаются персоналом, мягко говоря, несколько далёким от науки (одно замещение должности с наличием в названии слов «научный» или «аналитик» ещё не делает и автоматически сделать учёным или аналитиком не может), который по определению не в состоянии отличить криминалистику от криминологии, lex sportiva от спортивного права, светскость от секуляризма, арбитраж (третейское разбирательство) от су-

дебного процесса в арбитражном суде (государственной судебной системы) и т.д.

Это не составляло бы проблемы (может, и не стоит от них требовать пока недоступное им), если бы не нормативно закреплённое положение о том, что сведения об эксперте, осуществляющем экспертизу представленной соискателем диссертации, не разглашаются.

Аттрактивная проблема дефектности здесь коренится именно в анонимном рецензировании диссертационной работы, поскольку именно это не позволяет оценить действительную компетентность и научный вес эксперта в тематике диссертации и вообще в отрасли науки. Ведь в стране «хоть пруд пруди» мнимых «учёных», у которых нет ни одной научной монографии, а научных статей «кот наплакал», да и те в крайне сомнительных сборниках, у которых нет ни одного собственного успешно защищённого ученика – хотя бы кандидата наук (не говоря уж об учениках-докторантах).

Следует отметить, что «анонимность» эксперта по диссертации (мы говорим не о каком-то вузе конкретном, а в целом о таком подходе):

– провоцирует не только исследование диссертации совершенно посторонним в соответствующей области или направлении знаний, нереферентным теме работы экспертом, или мнимым экспертом, вообще не подпадающим под критерии эксперта, даже в самом размытом и расширительном его толковании – всё это легко прячется под «покрывало анонимности», но это нельзя признать нормальным, поскольку это выраженно противоречит принципам науки и грубейшим образом посягает на права и законные интересы, достоинство личности диссертанта и его научного руководителя (консультанта);

– провоцирует условия для коррупции, когда на основе такой закрытости процедуры может сформироваться группа лиц, которые могут начать вымогать деньги за успешное прохождение этой процедуры, раз за разом навязывая «экспертов» из числа «своих людей» безотносительно того, реально ли они эксперты в данной конкретной тематике (такая статистика в принципе вызывает весьма существенный интерес).

Но самый главный вопрос: а зачем всё это в принципе? Что это вообще – бездумное копирование некого порядка у какого-то зарубежного вуза, чтобы понравиться кому-то зарубежом?

Вузу, в принципе, нет совсем никаких оснований опасаться делать эту процедуру публичной и открытой: никто из докторов и даже кандидатов наук из мотиваций и стремлений «угодить» или «не испортить отношений» давно уже не берётся и не возьмётся прикрывать собой заведомо дрянную работу, неосновательно выдаваемую за диссертацию. Никто не жаждет быть «прибитым к позорному столбу» вместе с плагиатчиком или профанатором науки.

Напротив, публичность процедуры экспертирования диссертации связы-

вает эксперта в его суждениях и оценках и понуждает его при производстве экспертизы диссертации быть объективным, адекватным, разумно-рациональным, соблюдать в этом приличия, использовать должную научную лексику для изложения своих суждений и оценок и надлежащим образом мотивировать их. Иначе можно получить такую отповедь на откровенную халтуру и предвзятость, что не отмыться потом никогда (чего и опасаются поборники анонимности в рецензировании), и это всем понятно.

Именно публичность определения эксперта позволяет сделать максимально понимаемой его позицию по экспертированной им диссертации, оценить вес его собственных познаний и его собственных референтных диссертации суждений в данной тематической области, презюмировать или, напротив, оспорить его позиционирование экспертом в данной конкретной области. Наконец, можно задать вопрос о том, что эксперт имел в виду под той или иной текстовой конструкцией в его заключении, рассчитывая на ответ. Научная дискуссия – это вообще-то нормально и ожидаемо.

Настоящая статья предназначена поднять и артикулировать эту проблему и есть приглашение к научной дискуссии.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

2. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Уч. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика: Мастерство и искусство аналитического мышления и аналитической работы. – М.: Буки Веди, 2024. – 720 с. <https://moscou-ecole.ru/ponkin_methodology_5_1_practical-analytics/>.

3. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы. – М.: Буки Веди, 2025. – 752 с. <https://moscou-ecole.ru/methodology_5_2_scientific-research-2025/>.

4. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2024. – 88 с. <https://moscou-ecole.ru/2024/04/02/analyst-training/>.

5. Понкин И.В. Иллюстрированное введение в научно-исследовательскую работу. Приложение № 2 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2025. – 80 с. <https://moscou-ecole.ru/analyst-training2/>.

Чепунов Олег Иванович
заведующий кафедрой Конституционного права
Юридического факультета им. М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования Российской Федерации,
(Москва, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье раскрывается конституционно-правовое содержание понятия «единой публичной власти», анализируются само понятие публичной власти и правовые основы её системного единства. Рассматривается взаимосвязь этих основ с организационно-институциональной структурой публичной власти. Обосновывается необходимость совершенствования конституционной доктрины системы публичной власти путём включения в неё институтов, обладающих признаками публичной власти и общественной значимостью, влияющих на формирование и реализацию государственной политики.

Ключевые слова: публичная власть, система публичной власти, конституционные основы, единство публичной власти, субъекты публично-властных отношений, реализация полномочий

«Особая и высшая задача правового регулирования – держать динамику общества в рамках устойчивой системы, не допустить скатывания общества к неустойчивому состоянию» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 48).

Конституционная реформа 2020 года, закреплённая Законом Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», внесла 206 изменений в текст Конституции России. Одним из основополагающих направлений реформы стало легализация новых для российской конституционной доктрины понятий: «публичная власть» (п.1 ст.67; п. «г» ст. 71; п. 3 ст. 131), «органы публичной власти» (п.е.5 ст.83), «единая система публичной власти» (п.3 ст. 80; п.3 ст. 132) Эти термины отра-

зили стремление к теоретико-правовому осмыслению целостности механизма государственного управления и стали основой для выстраивания новой модели взаимодействия различных уровней власти.

Существенные изменения затронули конституционно-правовой статус местного самоуправления и его отношения с государством. Так, новая редакция ч. 3 ст. 132 Конституции России закрепила, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения». Таким образом была утверждена идея функционального единства и кооперации всех уровней публичной власти как элементов единого государственного организма.

Принятие данной поправки стало ответом на долгосрочные проблемы правового регулирования механизмов взаимодействия между государственными органами и органами местного самоуправления, что негативно сказывалось на эффективность государственного управления и реализации прав граждан. На эти проблемы неоднократно указывали как научные исследования, так и практика государственного и муниципального строительства [1].

Идея согласованного функционирования всех звеньев публичной власти особенно значима для федеративных государств, где необходимо обеспечить баланс между централизованным управлением, автономией субъектов Федерации и самостоятельностью муниципалитетов. Проблема недостаточной согласованности действий между уровнями государственной власти и местного самоуправления неоднократно становилась предметом обсуждения на различных общественно-политических и экспертных площадках, отражая насущную потребность в совершенствовании механизма государственного управления в Российской Федерации. Президент Российской Федерации неоднократно подчеркивал важность устранения разрывов между регионами и муниципалитетами, а также повышения эффективности муниципального управления на основе принципа единой публичной власти [2].

Формально в соответствии со ст. 12 Конституции России органы местного самоуправления не входили в систему государственной власти. Поправки 2020 г. изменили этот подход, включив местное самоуправление в единую систему публичной власти и усилив вертикаль управления. Если ранее публичная власть понималась как государственная или муниципальная по отдельности, то новая доктрина рассматривает их как взаимосвязанные элементы единой системы. Понятие «публичная власть» охватывает все институты, осуществляющие управление от имени народа и в его интересах – как государственные, так и муниципальные.

Концепт «единой публичной власти» акцентирует необходимость согласованного, иерархически и функционально сбалансированного взаимодействия всех уровней власти – федерального, регионального и муниципального – в рамках единого правового и организационного пространства. Такой подход предполагает устранение институциональных разрывов между уровнями управления, выстраивание эффективной системы межуровневого сотрудничества, а также консолидацию усилий в реализации общенациональных приоритетов. В результате формируется интегративная модель публичной власти, в которой федеративные и муниципальные начала не противопоставляются друг другу, а подчиняются логике стратегической координации, взаимной ответственности и подотчётности перед гражданами. Эта модель предполагает распределение полномочий и ресурсов в соответствии с принципом субсидиарности, усиление горизонтальных связей между субъектами публичной власти, а также обеспечение институциональной целостности при сохранении многоуровневого характера управления.

Термин «публичная власть» происходит от слов «публичный» (лат. publicus – общественный, государственный) и «власть» – способности влиять и управлять. Несмотря на широкое применение, в юридической науке до сих пор отсутствует единое, общепринятое определение этого понятия.

Концепция публичной власти не принадлежит одному конкретному автору – она является результатом эволюции философских и правовых идей. Её истоки восходят к классическим и современным политико-правовым теориям.

Французский мыслитель Жан Боден (XVI век) одним из первых обосновал идею суверенной власти как неотъемлемого элемента государства [3]. Хотя он не использовал термин «публичная власть», его подход заложил основы понимания власти как действующей от имени всего общества. Немецкий юрист Георг Йеллинек (XIX–XX века) внёс вклад в развитие теории публичного права, рассматривая публичную власть как одностороннее властное воздействие государства, отличное от частноправовых отношений [4]. Макс Вебер развил идею легитимного господства, включая рационально-правовой тип власти, что стало основой для современного понимания публичной власти как институционализированной, легитимной и правовой [5].

В российской правовой доктрине понятие «публичной власти» активно разрабатывалось с 90-х гг. прошлого века. Среди учёных, внесших значительный вклад в формирование и развитие этой категории, выделяются Ю.А. Тихомиров, А.Б. Венгеров, О.Е. Кутафин, а позднее – А.В. Малько, Н.В. Витрук, А.А. Лившиц и др. Хотя исходно Конституция России 1993 г. не содержала прямого упоминания термина «публичная власть», он широко использовался в науке, законодательстве и конституционной юриспруденции. Публичная власть

понимается как система взаимодействия государственной и муниципальной власти, формирующих единую публичную сферу управления обществом.

Разнообразие подходов к осмыслению публичной власти через ее структуру, субъектный состав, принципы и правовые основания функционирования, включая муниципальный уровень, представлено в трудах В.Е. Чиркина [6], С.А. Авакьяна [7], В.В. Рачинского [8], И.К. Советова [9], Л.А. Югова [10] и др.

После конституционной реформы 2020 г. трактовки публичной власти стали более оптимизированными. На основе анализа формулировок можно сделать вывод, что в основном публичная власть представляется социально-правовом феноменом институционализированной легальной власти как формы выражения общественного доверия деятельности легитимно сформированных публично-правовых структур. Основными признаками публичной власти являются её общественный характер, обязательность принимаемых решений, прозрачность, подотчётность, территориальная ограниченность, институциональная оформленность и финансирование за счёт публичных средств. Публичная власть охватывает как государственные, так и муниципальные органы, а также иные легитимные структуры, наделённые публичными полномочиями.

Конституционное закрепление единой системы публичной власти базируется на ряде ключевых положений Конституции Российской Федерации: Россия – демократическое федеративное правовое государство (ст. 1); носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ (ст. 3); суверенитет распространяется на всю территорию России (ст. 4); установлены основы разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и её субъектами (ст. 71-73, 76). Понятие «единая система публичной власти» нормативно закреплено в статье 2 Федерального закона от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», где под ней понимается совокупность федеральных, региональных и муниципальных органов публичной власти. Этот закон служит правовой основой для реализации принципа единства публичной власти.

Координацию и взаимодействие элементов системы публичной власти обеспечивает Президент Российской Федерации, который в соответствии со ст.ст. 80 и 83 Конституции определяет основные направления внутренней и внешней политики, а также обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Президент играет ключевую роль в интеграции различных уровней публичной власти, выполняя функции арбитра и координатора между федеральными, региональными и местными структурами.

Особенности организации публичной власти в субъектах Российской Федерации и на муниципальном уровне регулируются, в частности, Федеральным

законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «О принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Эти нормативные акты закрепляют единые правовые подходы к построению публичной власти, обеспечивают институциональную связанность и согласованность действий между уровнями власти.

Дополнительно нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации уточняют формы и механизмы взаимодействия органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления, что усиливает функциональное единство системы. Таким образом, складывается многоуровневая координационная система публичной власти, функционирующая как по вертикали – от федерального центра к регионам и далее к муниципалитетам, так и по горизонтали – между органами власти одного уровня, в том числе с учетом специфики конкретного региона. Эта система направлена на обеспечение целостности государственной политики, повышение управляемости и эффективность реализации публичных функций. Заслуживает поддержки представленный в научной литературе тезис о том, что «Востребованность реальной эффективной публичной власти во многом обусловлена конституционным императивом о высшей ценности человека, его прав и свобод и связанной с ним триединой обязанностью Российского государства их признавать, соблюдать и защищать. Поэтому эффективность публичной власти, отражающая степень выполнения ее органами функций и собственных полномочий в интересах личности, общества и государства с наименьшими затратами и наибольшей результативностью, можно отнести к ее важнейшей интегральной характеристике. Подтверждением этому можно признать конституционную новеллу ст. 75.1, согласно которой в России «создаются условия… для взаимного доверия общества и государства» [11, с. 249].

Понятие признаков единой системы публичной власти в Российской Федерации представляет собой совокупность характерных черт, которые позволяют идентифицировать и описать данную систему как целостную, иерархически организованную и функционирующую на основе конституционных принципов. Эти признаки отражают как структурные, так и функциональные аспекты взаимодействия всех уровней публичной власти – федерального, регионального и местного. Из них можно выделить основополагающие:

- конституционное закрепление и институциональное взаимодействие. Единство системы публичной власти в Российской Федерации имеет нормативно-правовое основание, заложенное в Конституции РФ и развитое в федеральном законодательстве. Это обеспечивает правовую интеграцию различных уровней публичной власти. Важнейшим условием её реализации выступает ин-

ституционально устойчивое взаимодействие между органами государственной власти и органами местного самоуправления, основанное на координации, согласовании решений и соблюдении общих стандартов публичного управления:

- консолидация управленческих процессов. Эффективное государственное управление требует согласованных действий всех субъектов публичной власти. Консолидация обеспечивается посредством централизации стратегического планирования, цифровизации административной деятельности, внедрения унифицированных информационных систем и стандартов предоставления государственных и муниципальных услуг. Такая организационная интеграция направлена на достижение системной целостности, снижение транзакционных издержек и преодоление фрагментарности управленческих процессов;

- субсидиарная рационализация полномочий и повышение институциональной ответственности**.** Единство системы публичной власти предполагает обоснованное, функционально обоснованное и иерархически согласованное распределение полномочий между её уровнями. В данном контексте приоритетное значение приобретает устранение дублирующих и избыточных функций, что способствует оптимизации административной деятельности, усилению прозрачности и подотчётности, а также укреплению институциональной ответственности органов публичной власти перед обществом.

В современной доктрине публичная власть определяется как система государственных и муниципальных институтов, функционирующих в пределах единого правового и территориального пространства. Её основополагающими принципами выступают координация, субсидиарность и функциональное взаимодействие, что позволяет выстраивать сбалансированные вертикальные и горизонтальные связи внутри системы публичной власти. Благодаря этим принципам обеспечивается согласованность действий различных уровней и субъектов власти, формируется устойчивый механизм распределения полномочий и ответственности. При этом сохраняется институциональная и функциональная автономия отдельных элементов, выражающаяся в их способности самостоятельно осуществлять предусмотренные законодательством полномочия, формировать собственную правовую политику в пределах установленной компетенции, адаптировать нормативные подходы к региональным или отраслевым особенностям, а также отстаивать интересы соответствующих территориальных сообществ или сфер управления в процессе взаимодействия с другими уровнями публичной власти. Такая автономия не разрушает целостность системы, а, напротив, придаёт ей свойства системной амбивалентности – органичного сочетания единства и разнообразия, централизации и децентрализации, нормативной стабильности и институциональной адаптивности, что позволяет системе эф-

фективно реагировать на изменяющиеся внутренние и внешние условия, сохраняя при этом стратегическую направленность развития.

Ключевым механизмом эффективного распределения полномочий выступает принцип субсидиарности, предполагающий решение задач на наиболее приближённом к гражданину уровне. Его реализация требует нормативной определённости, адекватного ресурсного обеспечения и устойчивых каналов межуровневого взаимодействия. В условиях Российской Федерации это обусловливает необходимость бюджетной и административной реформы, укрепления муниципального уровня, развития механизмов гражданского участия и наличия политической воли федерального центра.

Координационные связи в системе публичной власти выполняют интеграционную функцию. Вертикальные связи обеспечивают управляемость и реализацию стратегических решений, горизонтальные – содействуют обмену лучшими практиками, учёту региональной специфики и формированию синергетических эффектов. Такая архитектура взаимодействия повышает устойчивость системы, её способность к адаптации, своевременному реагированию на вызовы и достижению поставленных целей.

В современных условиях особую значимость приобретает институт конституционного диалога как механизм согласования позиций и переосмысления моделей реализации публичной власти. Он способствует достижению консенсуса между уровнями власти, укреплению общественного доверия и развитию федерализма на демократической основе.

Система публичной власти представляет собой открытую, динамичную социальную систему, находящуюся в постоянном взаимодействии с обществом, экономикой и внешней средой. Её эволюционное развитие, рефлексия и способность к институциональному обновлению обеспечивают устойчивость публичного управления в условиях неопределённости. В состав системы входят не только органы власти, но и иные субъекты, наделённые публичными полномочиями – госкорпорации, публично-правовые компании, внебюджетные фонды, – что расширяет её субъектный состав и требует нормативного упорядочения форм участия, статуса и ответственности данных структур.

Статусная неопределенность и недостаточная интеграция элементов системы публичной власти чреваты её функциональной фрагментацией, снижением эффективности управления, ростом общественного недоверия и утратой легитимности. Преодоление этих рисков требует не просто декларативных мер, а комплексного и системного подхода, включающего:

- чёткое и юридически закреплённое разграничение полномочий и ответственности между уровнями публичной власти и органами внутри каждого

уровня, что позволяет избежать дублирования функций, управленческих провалов и взаимных претензий;

- институционализацию устойчивых и формализованных механизмов координации, предполагающих регулярное взаимодействие, стратегическое согласование позиций и выработку консолидированных решений с участием всех заинтересованных акторов;

- развитие правовой инфраструктуры взаимодействия, включающей договорные формы сотрудничества, цифровые платформы, процедуры согласования и мониторинга исполнения, а также правовые стимулы к совместной деятельности;

- усиление механизмов общественного контроля и обратной связи, обеспечивающих прозрачность управленческих решений, вовлечение гражданского общества в процесс формирования и оценки политики, а также корректировку государственной деятельности с учётом реально выявленных проблем и потребностей населения.

Таким образом, единство публичной власти следует рассматривать не как абстрактное качество, а как результат целенаправленного институционального развития, опирающегося на баланс централизованных и децентрализованных начал, правовую определённость и эффективное взаимодействие всех участников публичного управления.

Список цитируемой литературы

1. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2007. 461 с.
2. Повестка-2020 Владимир Путин и парламентарии обсудили приоритеты законотворческой работы в следующем году // Российская газета [сайт] URL: https://rg.ru/2019/12/24/putin-i-parlamentarii-obsudili-prioritety-zakonotvorchestva-v-2020-godu.html (дата обр. 27.04.2025).
3. Агабеков Г.Б. Жан Боден – основоположник концепции государственного суверенитета : Науч.-аналит. обзор / [Г.Б. Агабеков]. – М. : ИНИОН, 1990. – 44с.
4. Еллинек, Георг (1851-1911). Система субъективных публичных прав / Георг Еллинек; Пер. со 2-го нем. изд. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та А.А. Рождественского. Вып. 1-. Вып. 1 / 26. – Санкт-Петербург; Москва : Освобождение, 1913 – Санкт-Петербург, Москва, 1913. – 16 с.
5. Вебер Макс Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 444с.
6. Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. 174 с.

7. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7-13.
8. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория (Теоретико-прикладной аспект) : дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003. 195 с.
9. Советов И.К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 43-52.
10. Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999. 121 с.
11. Мархгейм М.В., Бойченко Е.М. Конституционные критерии эффективности публичной власти в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 248-251.

Богатырев Магомед Резванович,
доцент кафедры «Информационное право и юриспруденция» Института цифровой экономики и технологического предпринимательства,
Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова
кандидат юридических наук
(Грозный, Россия)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Аннотация: в статье анализируются современные подходы к классификации правового регулирования как важнейшей категории общей теории права. Автор указывает на фрагментарность существующих теоретических концепций и предлагает комплексную систематизацию видов правового регулирования по ряду критериев, таких как характер воздействия на общественные отношения, степень автономии субъектов, содержание правовых предписаний, уровень и сфера действия, стадии реализации и условия функционирования. Внимание уделено нормативному, индивидуальному и прецедентному регулированию, рассмотрены также новые формы – коррекционное и экстраординарное регулирование. Подчеркивается важность системного подхода к изучению проблемы с целью формирования целостной теории правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, классификация, нормативное регулирование, индивидуальное регулирование, процессуальное регулирование, экстраординарное регулирование.

«Ставить вопросы, решение которых дано в нормативных правовых актах, в зависимость от свободного усмотрения, презумпций и приоритетов по выбору государственных органов и должностных лиц – значит открыть путь возможным антиконституционным и противозаконным действиям» (Г.В. Мальцев) [1, с. 12-13].

Правовое регулирование представляет собой базовую категорию правовой науки, отражающую природу и предназначение права в обществе. Однако, несмотря на значительное количество исследований в данной сфере, общей непротиворечивой теории правового регулирования до сих пор не сформировано, и исследователи продолжают фокусироваться на отдельных аспектах явления.

В числе современных авторов, внесших значительный вклад в теоретическое изучение правового регулирования, можно отметить работы Л.Т. Бакулиной [2], Е.А. Березиной [3], Р.Л. Иванова [4], И.П. Кожокаря [5], М.Ю. Осипова [6], Е.К. Шевырина [7], предложивших свои классификационные модели и новые подходы к данной проблематике.

По характеру воздействия правовое регулирование подразделяется на нормативное и индивидуальное. Нормативное регулирование осуществляется посредством общих юридических норм и адресуется неопределенному кругу лиц. Индивидуальное правовое регулирование реализуется через конкретные, индивидуальные юридические акты и направлено на конкретных субъектов. В последние годы усиливается внимание к индивидуальному регулированию как самостоятельному виду юридического воздействия [8; 9]. Некоторые авторы, такие как И.А. Минникес, выделяют третий вид – прецедентное регулирование, объединяющее признаки обоих типов и характерное преимущественно для англо-саксонской правовой семьи [8].

В зависимости от степени свободы субъектов правового регулирования выделяют императивное и диспозитивное регулирование. Императивное предполагает жесткие властные предписания, не допускающие отступлений, тогда как диспозитивное предоставляет субъектам право выбора поведения в рамках закона.

По направленности воздействия выделяют позитивное и негативное регулирование. Позитивное направлено на создание новых или изменение существующих правоотношений, в то время как негативное ориентировано на прекращение или ограничение уже действующих правовых отношений.

По содержанию предписаний можно выделить стимулирующее и ограничивающее правовое регулирование. Стимулирующее направлено на активизацию действий субъектов, а ограничивающее устанавливает запреты или ограничения определенного поведения.

Важным критерием классификации является сфера действия правового регулирования: международно-правовое, национальное (федеральное и региональное), муниципальное и локальное. Данные уровни находятся во взаимосвязи и иерархически соподчинены.

Отраслевой подход традиционно предполагает разделение на гражданско-правовое, уголовно-правовое, административно-правовое регулирование и другие, отражая специфику соответствующих отраслей права. Схожий по характеру подход подразделяет регулирование на публично-правовое и частноправовое, выделяя различия в методах и принципах воздействия на общественные отношения.

В зависимости от стадии реализации можно выделить первичное и корректионное правовое регулирование. Первичное охватывает первоначальное упорядочение новых социальных отношений, тогда как коррекционное связано с внесением изменений, исправлением ошибок или пробелов в уже существующих правовых нормах.

Особое внимание заслуживает разграничение ординарного и экстраординарного (чрезвычайного) регулирования. Ординарное применяется в нормальных условиях, в то время как экстраординарное – в условиях чрезвычайных ситуаций, требующих особых юридических мер и процедур [10].

Таким образом, классификация правового регулирования является сложной задачей, требующей комплексного подхода. В целом, современные тенденции в определении природы правового регулирования приводят к тому, что классификация правового регулирования становится более сложной и многофакторной. Юристы будущего, вероятно, будут оперировать комбинированными типологиями, возможно, с помощью специальных информационных систем, которые смогут классифицировать нормы автоматически по ряду критериев. Но даже в самом инновационном регулировании можно распознать отголоски известных типов: любое новое правило либо что-то разрешает, либо запрещает, либо стимулирует – а это и есть классические элементы правового воздействия.

Современные тенденции в классификации правового регулирования указывают на усложнение его характера: усиливается негосударственное регулирование и саморегулирование; право становится более многоуровневым, появляются экспериментальные и гибридные режимы, встроенные в технологическую среду. Все это требует от теории права пересмотра прежних догм и разработки более гибких оснований для классификации. Тем не менее, базовые начала правового регулирования – дозволение и запрет, общая норма и индивидуальное решение, интерес частный и публичный – остаются отправными точками анализа. Новые явления чаще представляют не отрицание этих категорий, а их инновационное сочетание.

Список цитируемой литературы:

1. Мальцев Г. В. О формировании институтов права // Социология власти. 2009. № 6. С. 7-18.
2. Бакулина Л. Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 8(117). С. 9-20.
3. Березина Е.А. Виды правового регулирования // Личность, право, государство. 2018. № 1. С. 4-14.
4. Иванов Р. Л. Виды правового регулирования // Омские научные чтения - 2018: Материалы Второй Всероссийской научной конференции, Омск, 10–15 декабря 2018 года / Ответственный редактор Т.Ф. Ящук. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. С. 1089-1091.
5. Кожокарь И. П. Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. 2020. № 12. С. 112-127.
6. Осипов М.Ю. Виды и основные стадии правотворчества и правового регулирования // Современное право. 2010. № 4. С. 10-14.
7. Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: Теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008.
8. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: Теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
9. Григорьев А.С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
10. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2014.

Васильев Станислав Александрович
заведующий кафедрой «Конституционное и административное право»
Севастопольского государственного университета,
старший научный сотрудник
Лаборатории «Функциональные основы моделирования
социального поведения»
Тюменского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ

Аннотация. Сложные современные условия экономического характера требуют от большого числа субъектов дополнительных усилий для нормализа-

ции устоявшихся общественных отношений. Не должны в этой части стоять в стороне и правоведы, разрабатывающие новые подходы к оптимизации правотворчества и правоприменения, основываясь на трудах классиков юридической мысли, одним из которых, безусловно, является и Г.В. Мальцев. Настоящая работа является попыткой обобщения наработанного зарубежного опыта и научных разработок для формулирования новых предложений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: субъекты права; взаимодействие; соотношение; государство и гражданское общество; экономика; коммерческий сектор; коммерческие организации; филиалы; публичное и частное право.

«Удивительно, но укорененные в природе человека нормы действуют как бы на базе принципа «золотой середины», стремятся к оптимальному режиму. Они не являются строго фиксированными, неподвижными точками в пространстве, подвержены изменению, подвижкам и в то же время сохраняют устойчивость пределов, дальше которых эти изменения идти не могут» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 517).

В одном из своих трудов Г.В. Мальцев рассматривал проблему соотношения публичного и частного права, которая встала перед отечественными правоведами сразу после формирования нового российского государства и с отходом от идей, сформулированных в советский период, ориентирующихся на то, что все право должно быть публичным. Немаловажное значение в этом контексте имела экономика, новые подходы к развитию которой требовали активизации развития частного права [1, с. 22].

Действительно, Российская Федерация в начале 90-х годов прошлого века делала особый акцент на правовую составляющую данного подхода. Так, В.Ф. Яковлев вспоминал о работе над Гражданским кодексом Российской Федерации и формировании системы арбитражных судов в тот период времени [2]. Наверное, неслучайно специально в тексте отечественного акта высшей юридической силы в 1993 году нашел свое отражение Высший Арбитражный Суд, упраздненный в 2014 г. Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Данные конституционные изменения еще раз подчеркивают государственную политику, направленную на интенсификацию частноправовых отношений.

После 2022 г. Россия столкнулась с беспрецедентными экономическими проблемами [3, с. 301], и попытками негативного влияния на ее суверенитет [4, с. 16], которые постепенно решаются за счет огромного числа многообразных

мероприятий, в которые вовлечены практически все субъекты права [5]. Так, даже общественные организации социально незащищенных категорий граждан, которые создавались для привлечения в них внешней поддержки (например, Федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 28 декабря 2024 года)), сами оказывают посильную помощь тем, кто в этом нуждается больше[6, 7]. В этой связи видится целесообразным поиск новых способов формирования организационно-правовых основ позитивного воздействия на экономическую систему, в том числе путем изучения позитивного опыта дружественных государств и современных доктринальных разработок.

Государство и гражданское общество соотносятся друг с другом по большому числу вопросов экономического характера, хотя, как раз последнее служит основой противоречия, которое, по мнению Ч. Эньфу, можно переориентировать в преимущество. Так, государство использует свою собственность таким образом, чтобы воздать каждому по труду в зависимости от объема и качества проделанного. Негосударственный же сектор ориентируется на факторы производства, предполагающие распределение полученного результата согласно доле участия каждого в инвестиционной деятельности. В настоящее время создаются юридические механизмы, объединяющие преимущества каждой из систем для обеспечения благосостояния любого гражданина и процветания общества в целом [8, с. 173].

При этом не нужно забывать о том, что интересы коммерческой части гражданского общества нередко бывают противоположны некоммерческой и почти всегда – интересам работника, который естественно желает большей оплаты за свой труд при меньших усилиях. В этой связи видится важной роль государства, которое способно сбалансировать действия указанных субъектов права. В противном случае закон стоимости может приводить к существенным перекосам и крушению устоявшихся экономических процессов, которые ни к чему хорошему не приведут никого, примеров чему предостаточно уже в новейшей истории [8, с. 281]. Другой вопрос заключается в том, что некоторые современные государства демонстрируют обратные примеры, когда именно они уже в собственных интересах злоупотребляют имеющимися возможностями и сами являются акторами снижения хозяйственного потенциала на собственной территории, приводящего порой к сецессии [9].

Одной из причин возникновения такого рода обстоятельств является бюрократия, на которую Г.В. Мальцев указывал как на проблему не только применения права, но и самого его формирования компетентными правотворческими органами [10, с. 8]. В результате большое число субъектов, заинтересованных во всеобщем процветании в России, сталкиваются с огромным количеством фор-

мальных препятствий, несмотря на всяческие усилия, направленные на интенсификацию экономической и социальной сфер жизни общества.

Публичная власть сильно зависит от рыночной экономики. Когда происходят провалы последней, как правило, следует за ним провал и самого государства [11; 8, с. 346]. Для избежания такой ситуации можно использовать совокупность методов рыночной экономики, которым публичной власти просто нужно научиться управлять, и привычное государственное регулирование [8, с. 357]. Найдя такой баланс, возможно эффективное поддержание экономики и гармоничное соотношение всех субъектов конституционного права.

Одним из наиболее значимых факторов, способствующих развитию экономики, являются интеллектуальные права на технологии и известные бренды. Для того, чтобы усиливать данную составляющую необходимо организовать соотношение субъектов права таким образом, чтобы предприятия, занимаясь производством, были более открытыми к инновациям, поступающим из научных организаций. Последние следует стимулировать для формирования объектов интеллектуальной собственности, на основании которых государству следует повышать государственные стандарты для все тех же предприятий [8, с. 372].

Юридической основой для функционирования институтов гражданского общества является возможность создания организаций, которая фигурирует в ряде положений Конституции Российской Федерации, включая ст. 13, 30, 14, п. е.1 ст. 114 и др., а также в ст. 48 и 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, открывающих большую законодательно закрепленную классификацию указанных акторов. Статьей 55 данного нормативного правового акта предусматривается возможность создания филиалов и представительств, которые Л.В. Карпикова предлагает именовать в качестве обособленного подразделения юридического лица. Указанный автор предлагает также признаки данного правового явления:

- организационный (выделение отдельной сущности, предусмотренной ГК РФ, имеющей собственную организационную структуру, бюджет и пр.);

- территориальный (обязательное пространственное обособление – как правило, другой город или даже государство);

- функциональный (деятельная спецификация подразделения внутри) [12, с. 11-12].

Точно следует согласиться с описанной выше позицией в части выделения организационной и территориальной обособленности филиала или представительства, однако с функциональной можно поспорить, исходя из практики правоприменения. Например, в структуре Университета имени О.Е. Кутафина имеется Волго-Вятский институт (филиал) МГЮА. Однако, чем функционально отличается деятельность филиала от головного вуза, сказать сложно. Согласно

п. 2.1 Устава ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», утвержденного приказом Минобрнауки России от 22 мая 2023 года № 503, и п. 1.1 Положения О Волго-Вятском институте (филиале) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», утвержденного приказом МГЮА от 30 декабря 2020 года № 580, оба актора ведут образовательную и научную деятельность, могут осуществлять экспертную деятельность для заинтересованных субъектов и т.д. В силу масштаба некоторых функций у филиала нет (например, по изданию журналов, коих у головного вуза несколько [13]), но это не означает их различие. По смыслу предложенной классификации признаков понятия филиал должен выполнять что-то отличное от основного подразделения, при этом располагаясь на территориальном отдалении, но в приведенном примере этого не видно, хотя наверняка на практике такие есть. Тем не менее, данный признак не должен рассматриваться в качестве определяющего, а только как факультативный. Если предположить, что соответствующим образом может быть трансформирована ч. 2 ст. 55 ГК РФ (определение понятия филиала), то в этой связи видятся реальными перспективы существенного ограничения функционала филиалов, которое потенциально может привести к нецелесообразности их существования.

Как видно, современная юридическая наука ориентируется на максимизацию публичных и частных усилий в отношении развития экономики, продолжая развитие идей Г.В. Мальцева о гармонизации публичного и частного права. В совокупности с передовым зарубежным опытом это может дать свои плоды, способные позитивным образом повлиять на отечественную экономику, правоприменительную практику, обеспечение достойной жизни каждого жителя России.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Проблема частного и публичного права // Социология власти. 2003. № 3.

2. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – 488 с.

3. Колесников А.М., Котова В.М., Посная Е.А. и др. Прибыльность российских компаний в условиях политической и экономической нестабильности // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2024. № 6. С. 298-303.

4. Мархгейм М.В. Основы публичного правопорядка России в канве конституционализма // Конституционализм: симбиоз науки и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти за-

служенного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. – Белгород: ГиК, 2024. С. 13-18.
5. Минеева А.А., Харитонова А.В. Как изменилась экономика России после введения санкций в 2022 г. // Управление социально-экономическим развитием предприятий, отраслей, регионов: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, студентов и практиков, посвященной 105-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. С. 86-88.
6. Горовая С. Первые в рейтинге: 10 крупнейших благотворительных организаций России // Портал Милосердие.ru. URL: https://www.miloserdie.ru/article/pervye-v-rejtinge-10-krupnejshih-blagotvoritelnyh-organizatsij-rossii/. (дата обращения – 30 апреля 2025 г.)
7. Журавлев В.И. Конституционная политика государства в области благотворительности и ее значение для развития гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 15-20.
8. Чен Эньфу Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху: монография. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2023. 464 с.
9. Алесина Н.В., Букач Б.А., Посная Е.А. Основные направления процесса экономической реинтеграции Севастополя и Крыма в состав Российской Федерации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2024. № 3 (102). С. 33-45.
10. Мальцев Г.В. Бюрократия как проблема права // Социология власти. 2004. № 1. С. 5-24.
11. Долфсма Ф. Провалы государства. Общество, рынки и правила. – М.: Дело, 2017 – 416 с.
12. Карпикова Л.В. Правовое положение обособленных подразделений юридических лиц: автореф. дис. ... к.ю.н.: 5.1.3. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. С. 11-12.
13. Научные журналы // Официальный сайт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). URL: https://msal.ru/content/nauka/nauchnye-zhurnaly/. (дата обращения – 26 февраля 2025 г.).

Меженская Галина Викторовна
доцент кафедры теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)»
кандидат юридических наук, доцент
Ванин Марат Петрович
магистрант программы «Международное право, правозащитная
деятельность, технологии разрешения юридических конфликтов»
(Ростов-на-Дону, Россия)

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье анализируются особенности методологии исследования юридического конфликта, исследуются методы научного познания, позволяющие наиболее эффективно и полно исследовать юридический конфликт как явление правовой системы общества.

Ключевые слова: юридический конфликт, методология юридического конфликта, метод исследования

«Основание для утверждения конвенционального характера социального порядка служит вытекающая из природы человеческого взаимодействия необходимость согласовывать позиции и процедуры, которым приписывается регулятивное значение наряду или вместо общих норм и ценностей» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 262)

В современном научном дискурсе методология научного исследования рассматривается в качестве интегративного образования, содержание которого имеет дискуссионный характер: одни исследователи определяют его как систему определенных приемов, средств познания, включающую методы, принципы и иные элементы, другие – как учение о методах познания, направленного на формирование эффективной системы методов и иных средств познания определенных явлений. Как справедливо отмечает М.Н. Марченко, в первом случае методология рассматривается как «нечто механическое», во втором проявляется как всеобщее научное руководство к действию, составляющему основу системы знаний, а вместе они составляют «две неотделимые друг от друга стороны одной и той же «медали»» [1, с. 37].

Исследование юридического конфликта как явления правовой системы общества предполагает обращение к общим закономерностям познания социальных явлений и методологии права. Данное обстоятельство предопределяется сложной, комплексной природой юридического конфликта, в содержании кото-

рой проявляются социальные и правовые аспекты. Система признаков и характерных черт юридического конфликта содержит, как общие признаки, присущие всем социальным конфликтам, так и собственно юридические, обусловленные принадлежностью юридических конфликтов к правовой системе общества. К тому же, юридический конфликт может изначально формироваться как проявление правовой системы, а может возникать как конфликт в рамках функционирования иной системы общественных отношений (социальной, экономической, политической) и преобразовываться в правовые явления посредством юридизации – сознательно-волевой трасформации конфликта с целью его разрешения юридическими процедурами и средствами.

Назначение методологии, по мнению Д.А. Керимова, заключается в «научном поиске оптимальных путей, методов, приемов, способов познания объектов» [2, с. 11]. Так как центральное место в методологии занимают методы научного познания, основной целью методологии исследования юридического конфликта является определение методов исследования, позволяющих получить наиболее полное представление о сущности юридического конфликта, его особенностях, роли и значении в правовой системе общества, формах его проявления и способах управления им. Анализ содержания научных исследований по проблематике юридической конфликтологии показывает, что наиболее востребованными для достижения данной цели являются исторический метод, логический метод, диалектический метод, формально-юридический метод, системный метод, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования.

Исторический метод исследования юридического конфликта основан на изучении конкретно-исторического контекста в виде совокупности социальных, экономических, политических, правовых условий, которые повлияли на формирование причин возникновения конфликта и его развитие, а также предопределили выбор средств его разрешения. Исторический метод особенно актуален при исследовании конфликтов в сфере публичного управления, т.к. позволяет выявлять фактологические обстоятельства, влияющие на конфликтогенные процессы, протекающие при осуществлении публичной власти. Понимание и управление такими процессами в современной конфликтологической практике составляет важнейшую часть профилактики конфликтов в публичном управлении, направленной на недопущение возникновения или развития конфликтной ситуации до открытого противостояния.

Логический метод познания выступает неотъемлемой частью общей методологии познания. Логика составляет основу научного мышления, включая в себя приемы и средства формальной логики (анализ, синтез, индукцию, дедукцию, обобщение и т.п), логический метод незаменим при анализе источников научной литературы по исследуемой проблематике, построении системы аргу-

ментации сформулированных утверждений, итоговых обобщений в содержании выводов. В процессе изучения юридического конфликта использование логического метода позволяет выявлять противоречия, лежащие в основе юридических конфликтов. Объективация юридического конфликта в форме способа снятия социального, в том числе и правового противоречия, дает возможность его рассматривать в таком контексте в качестве источника развития правовой материи. Это составляет одну из основополагающих характеристик юридического конфликта как правового явления

Неразрывный характер юридического конфликта и социального противоречия предопределяет использование при его изучении диалектического метода познания. Метод диалектики исходит из наличия внутренней закономерности развития, от которой зависит все происходящее в реальной действительности, в том числе и правовой. [3, с. 26-27] Диалектический метод познания наиболее востребован в процессе исследования особенностей динамики юридического конфликта: от момента формирования предпосылок и причин его возникновения, до момента полного разрешения конфликта. Данный метод позволяет рассмотреть все факторы, определяющие специфику протекания юридических конфликтов на разных стадиях их развития. Также применение диалектического метода выявляет существующие взаимосвязи между различными видами юридического конфликта, между юридическим конфликтом и смежными явлениями правовой системы общества – юридическим спором, юридической коллизией, конфликтом интересов.

Формально-юридический метод заключается в исследовании правовых явлений в фокусе их собственно-юридических свойств, признаков и характеристик. Анализ природы юридического конфликта, формулировка ключевых понятий юридической конфликтологии, таких как, юридический конфликт, динамика юридического конфликта, стадии юридического конфликта, структура юридического конфликта и т.п., основаны на применении формально-юридического метода познания.

Приемы системного познания действительности, составляющие содержание системного метода, направлены на выявление и анализ системообразующих связи между юридическими конфликтами, возникающими в различных сферах общественной жизни и разных уровнях функционирования правовой системы. Системный метод применяется при изучении структуры юридических конфликтов и определении особенностей взаимодействия и взаимовлияния элементов этой структуры. Он предоставляет возможность восприятия юридического конфликта как комплексного, многокомпонентного, но цельного явления, существующего в виде неразрывной совокупности определённых компонентов.

Сравнительно-правовой метод заключается в определении черт сходства и различия правовых явлений на основе их сопоставления. Он используется для уяснения отличительных особенностей юридического конфликта, позволяющих обособить его среди иных видов социального конфликта, а также для установления общих типологических черт и специфических характеристик юридических конфликтов различной видовой принадлежности. С прагматической точки зрения, сравнительный анализ способов предупреждения и разрешения конфликтов, последствий их применения может рассматриваться в качестве средства определения наиболее эффективной стратегии управления юридическим конфликтом в целях совершенствования правоприменительной практики.

Метод правового моделирования применяется для определения структуры юридического конфликта и выявления ее основных элементов, анализа их функционального значения. Правовое моделирование позволяет определить, каким образом различные факторы влияют на течение конфликтов, какими средствами можно более эффективно управлять конфликтами на этапах их предупреждения, возникновения и разрешения. Сделанные на основе его применения аналитические выводы используются для совершенствования механизма управления юридическим конфликтом. Например, в современных исследованиях использование метода правового моделирования используется для обоснования эффективности медиации как способа разрешения юридического конфликта [4, 5].

На наш взгляд, применение методов исследования юридических конфликтов должно иметь комплексный характер, объединяя различные методы познания. Это позволит не только получать более полное и объективное представление о юридическом конфликте как части правовой реальности, но и будет способствовать более гармоничному развитию правовой системы за счет повышения эффективности юридической практики в области профилактики и разрешения конфликтов.

Список цитируемой литературы

1. Юридическая конфликтология: теория и методология исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма: Инфра-М, 2024. 296 с.
2. Керимов Д.А. Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права: сб. Статей / МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. вып. 2 / под ред. Марченко М. Н. М.: Зерцало-М, 2007. 390 с.
3. Актуальные проблемы теории государства и права / И.Г. Напалкова, П.С. Самыгин, Г.Б. Власова [и др.]. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2018. – 512 с.
4. Непранов Р.Г. К вопросу об эффективности правового регулирования: тенденции теоретико-правового осмысления / Р. Г. Непранов, В. В. Верведа //

Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4(143). С. 61-64.
5. Юридическая конфликтология : учебное пособие / И. В. Абдурахманова, В. И. Власов, И. В. Ганичев [и др.]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2016. 222 с.

Мирошников Евгений Васильевич,
доцент кафедры административного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат экономических наук
Самофалова Наталья Сергеевна,
магистрант Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ОБЛИК ЮРИСТА БУДУЩЕГО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В статье исследуются ключевые трансформации юридической профессии под влиянием цифровизации и технологического прогресса. Анализируется современное состояние юридического рынка, характеризующееся ростом конкуренции, внедрением LegalTech-решений и изменением структуры спроса на юридические услуги. Особое внимание уделяется процессам технологизации юридической практики, включая использование искусственного интеллекта, блокчейн-технологий и автоматизированных систем документооборота. Рассматриваются новые требования к профессиональным компетенциям юристов, включая необходимость технологической грамотности, междисциплинарных знаний и развития soft skills. Исследуются проблемы адаптации юридического образования к новым реалиям и этические вызовы цифровой эпохи. На основе комплексного анализа формулируются прогнозы развития профессии и рекомендации по подготовке юридических кадров для работы в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: юридическая профессия, цифровая трансформация, LegalTech, искусственный интеллект в праве, блокчейн, юридическое образование, профессиональные компетенции юриста, автоматизация юридической деятельности, этика цифровой эпохи.

«Отношение к ценностям меняется в зависимости от смены культурных эпох» (Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 116).

Современное состояние юридической профессии представляет собой сложную картину постепенной трансформации, где традиционные подходы вынуждены сосуществовать с новыми технологическими реалиями. Юридический рынок сегодня переживает период серьезных изменений, вызванных несколькими взаимосвязанными факторами. Прежде всего, стоит отметить значительное увеличение конкуренции в юридической профессии. Так, ежегодно российские вузы выпускают около 100 тысяч юристов, что создает перенасыщение рынка и заставляет специалистов искать новые ниши для профессиональной реализации. А. А. Васильев, Е. А. Куликов и Д. Шпоппер считают, что «переход от концепции образования в качестве духовного блага к идее образования как услуги привел к масштабной перестройке юридического образования» [1, с. 6]. Авторы критикуют рыночный подход к образованию, при котором вузы сосредоточены на прибыли, а не на качестве подготовки. Такое отношение приводит к появлению множества частных учебных заведений с низкими стандартами, которые делают упор на «продажу дипломов» вместо фундаментальной подготовки и смягчают требования к студентам ради сохранения контингента. В связи с этим выпускники часто не готовы к реальной работе в правовой сфере.

Также, по мнению Т. Ф. Ящук, коммерциализация юридического образования в российских условиях серьезно подорвала качество юридического образования и репутацию юридической школы [2, с. 173]. В этих условиях простого наличия диплома уже недостаточно, ключевое значение приобретают реальные профессиональные навыки и узкая специализация. Также следует отметить, что значительное число исследователей сходятся во мнении, что юрист должен обладать не только профессионально значимыми, но и личностно значимыми, моральными, нравственными качествами, которые позволят эффективно осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями права и морали, однако, единство в отношении выявления данных качеств и понимания их сущности отсутствует. По мнению А. Ч. Кодоевой, Р. М. Магомедовой и А. А. Цамаевой «совесть, ответственность и справедливость составляют «ядро» личностного и профессионального развития юриста» [3, с. 148]. Авторы также отмечает, что совесть и ответственность не являются врождёнными качествами, они развиваются в процессе целенаправленного педагогического воздействия [3, с. 148]. В условиях цифровизации и роста сложности правовых отношений этические нормы становятся ключевым элементом профессионализма юриста.

Проблема, по мнению А. А. Васильева, Е. А. Куликова и Д. Шпоппера заключается еще и в том, что стандарты юридического образования стали менее строгими, что привело к исчезновению ключевых дисциплин, формирующих правовое мышление: «ФГОС потерял такие дисциплины, как история политических и правовых учений, римское частное право... Теория государства и права

как базовый и фундаментальный государственный экзамен перестала рассматриваться в качестве обязательной дисциплины» [1, с. 9]. Из-за этого происходит утрата фундаментальных знаний, из-за чего юристы хуже понимают исторические и философские основы права, что приводит к правовому нигилизму, пренебрежению к закону и способствует снижению качества образования.

Серьезные изменения происходят в сфере цифровизации юридического образования, которое пока не успевает адаптироваться к новым реалиям. По мнению З. М. Казачковой и В. А. Казачкова, «цифровая экономика трансформирует традиционные подходы к юридическому образованию, требуя от будущих юристов не только глубоких правовых знаний, но и компетенций в области цифровых технологий» [4]. Этот разрыв между академическим образованием и практическими требованиями профессии становится все более очевидным. Авторы подчеркивают, что цифровизация экономики и права (например, внедрение смарт-контрактов, AI в судопроизводстве) требует обновления образовательных программ. В ответ на этот вызов ведущие вузы начинают пересматривать свои программы, сочетая традиционную юридическую подготовку с изучением современных технологий и управленческих дисциплин, что должно помочь будущим юристам лучше ориентироваться в меняющемся профессиональном ландшафте.

Существенные изменения также претерпевает структура спроса на юридические услуги. Традиционные услуги, такие как составление договоров или представительство в судах, постепенно теряют свою доходность из-за автоматизации и роста конкуренции. В то же время наблюдается значительный рост спроса на специалистов в новых, перспективных областях права. Особенно востребованными становятся эксперты в сфере цифрового права и защиты данных, кибербезопасности и расследования киберпреступлений, регулирования криптовалют и блокчейн-технологий. Эти направления представляют собой новые точки роста для юридической профессии.

Таким образом, современное состояние юридической профессии представляет собой развивающуюся систему, где традиции уступают инновациям. К современному юристу выдвигаются многочисленные требования. Главной целью профессиональной этики юриста выступает формирование профессиональной морали как совокупности нравственных ценностей, которые находят своё отражение в нравственном поведении юриста при реализации профессиональной, академической и социальной деятельности, в результате чего формируются нравственные отношения между представителями профессионального сообщества, между самим профессиональным сообществом. Успех в новых условиях будет сопутствовать тем специалистам, которые смогут гармонично сочетать

фундаментальные правовые знания с технологической грамотностью, гибкостью мышления и способностью к постоянной профессиональной эволюции.

Считаем, что профессия юриста, традиционно считающаяся одной из самых консервативных, в ближайшие десятилетия претерпит значительные изменения под влиянием технологического прогресса и социальных трансформаций. Развитие искусственного интеллекта, автоматизация юридических процессов, глобализация экономики и ужесточение регуляторных требований будут формировать новый облик юриста.

Одним из главных факторов трансформации юридической профессии является цифровизация и внедрение LegalTech. Современные технологии кардинально меняют подход к правовой работе: автоматизация документооборота, смарт-контракты на блокчейне, AI-аналитика судебных решений и чат-боты для первичных консультаций уже сегодня используются в юридической практике. Использование искусственного интеллекта предполагает преобразование правового регулирования всех отраслей права. Вместе с этим необходимо помнить о возможных рисках. Как верно отмечают А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова «действующим законодательством не проработан вопрос об ошибках при программировании и их последствиях [5, с. 17]. Кроме того, искусственный интеллект может стать орудием пропаганды – с его помощью можно создавать фальсифицированную информацию, подкрепленную соответствующими сгенерированными фотографиями, аудио- или видеозаписями [5, с. 16]. Таким образом, юрист будущего должен не только разбираться в праве, но и уверенно работать с цифровыми инструментами, поскольку без технологической грамотности эффективная профессиональная деятельность станет невозможной.

Искусственный интеллект уже сегодня выполняет многие функции, которые раньше были исключительной прерогативой юристов. Алгоритмы машинного обучения успешно анализируют судебную практику, прогнозируют вероятность выигрыша дела с точностью до 90%, анализирует стандартные юридические документы. Зарубежными исследователями в научный оборот введено понятие «прогностическое кодирование», которое представляет собой один из компьютерных методов проверки и автоматического разграничения документов на релевантные и нерелевантные [6, с. 1330].

Однако полная замена юристов искусственным интеллектом в обозримом будущем маловероятна. Во-первых, юридическая практика требует креативного подхода, стратегического мышления, умения вести переговоры и учитывать психологические аспекты – качества, которые пока остаются недоступными для машин. В качестве примера можно привести сферу судопроизводства. Так, по мнению С. А. Деева, «ИИ не может учесть все обстоятельства дела... внутреннее убеждение судьи сложнее программных алгоритмов» [7].

Во-вторых, регулирование искусственного интеллекта пока не охватывает все возможные риски его использования. Так, А. А. Васильев отмечает, что «искусственный интеллект может генерировать результаты, не охватываемые замыслом разработчика» [5, с. 16]. Его использование создает риски несанкционированного доступа к данным, киберпреступности и фальсификации информации» [5, с. 16]. Поэтому вместо замены мы наблюдаем трансформацию профессии, где AI становится мощным инструментом только в руках квалифицированного специалиста.

Ещё одним важным аспектом является распространение технологии блокчейна и смарт-контрактов. Децентрализованные технологии требуют от юристов понимания основ криптографии и программирования. В будущем знание Web-права, регулирования цифровых активов и умение работать с умными контрактами станет серьёзным конкурентным преимуществом. Но, как это отмечает А. П. Иванова «современный ИИ дает результаты, обнаруживая закономерности в данных и используя знания, правила и информацию, специально закодированные людьми» [8, с. 91], то есть автор подчеркивает, что ИИ – это инструмент, работающий на основе заданных алгоритмов и данных, а не самостоятельный «мыслящий» субъект. Его сила – в обработке структурированной информации (например, анализ документов, прогнозирование). С. А. Деев считает, что право в будущем трансформируется «в гибкий регулятор... «интерактивный закон» с диспозитивными нормами» [7]. Автор предполагает переход к цифровым нормам, адаптируемым под запросы субъектов, например, указанные выше смарт-контракты. Но, безусловно, эта ситуация может повлечь за собой конфликт между гибкостью и правовой определенностью, а также необходимость усиления международного сотрудничества – необходимость гармонизации стандартов (аналоги GDPR для ИИ).

В связи с указанными изменениями юристу будущего потребуются новые компетенции. Прежде всего, это технологическая грамотность – умение работать с базами данных, AI-инструментами и системами анализа больших данных. Также важны будут знания в области кибербезопасности, поскольку защита конфиденциальной информации становится критически важной в цифровую эпоху.

Не менее значимой сейчас является междисциплинарность. Будущему юристу придётся разбираться не только в праве, но и в экономике, IT, а также когнитивной психологии для эффективных переговоров и управления конфликтами. Помимо этого, ключевую роль сыграют soft skills: адаптивность, эмоциональный интеллект, управление проектами и кросс-культурная коммуникация. В условиях глобализации умение работать в международной среде и понимание различий в правовых системах разных стран станут обязательными требованиями.

Однако технологический прогресс порождает и новые этические вызовы. Одним из них является вопрос ответственности за решения, принятые искусственным интеллектом. Если AI допустит ошибку в составлении договора или прогнозе судебного решения, кто будет нести за это ответственность – разработчик алгоритма, юрист, использующий систему, или сама компания, внедрившая технологию? Другой важной проблемой становится конфиденциальность данных: в условиях цифрового следа защита персональной информации требует новых правовых механизмов. Также остро стоит вопрос об использовании ИИ в образовании. Так, как отмечают З. М. Казачкова и В. А. Казачков, «использование AI в образовании порождает риски дегуманизации профессии и снижения критического мышления у студентов» [4]. Авторы предупреждают, что чрезмерная автоматизация может привести к потере навыков живого анализа (например, утрата искусства устной защиты в суде) и зависимости от алгоритмических решений. Поэтому необходимо сочетать цифровые инструменты с классическими методами обучения и ввести запрет на полную замену преподавателей AI (как в медицине или юриспруденции).

Таким образом, чтобы подготовить юристов новой цифровой эпохи, необходимо трансформировать юридическое образование. Традиционные программы должны дополняться курсами по LegalTech, цифровому праву и основам программирования. Важно развивать практико-ориентированное обучение: хакатоны, симуляции судебных процессов с использованием AI, реальных кейсов с применением технологий. Кроме того, необходимо воспитывать у студентов междисциплинарное мышление, поскольку будущий юрист должен уметь видеть взаимосвязи между правом, технологиями и бизнес-процессами. Но при этом важно не забывать об основной задаче образования – воспитания личности, основными ценностями которой являются ответственность, справедливость и совесть. «Такие ценности, – как отмечает М.В. Мархгейм – никогда ранее не подвергались сомнению. Однако предпринимаемые сегодня попытки их девальвации потребовали защитить эти ценности, придав им юридический статус. … ценностные подходы, опоры, приоритеты и ориентиры конституционного строительства государства ... выступают своего рода посланиями во внутригосударственную и внешнюю среду. Их выявление и осмысление в идеале должно способствовать формированию «ценностной почвы» для обеспечения гражданского мира и согласия, для сотрудничества государств на основе их согласованных добрых воль» [9, с. 72]. Добавим, и для воспитания современного и будущего юриста.

В заключение следует подчеркнуть, что юрист будущего – это не просто специалист, знающий законы, а универсальный профессионал, сочетающий глубокую правовую подготовку с технологической грамотностью и развитыми со-

циальными навыками. Те, кто сумеет адаптироваться к новым условиям, получат значительные конкурентные преимущества, в то время как узкоспециализированные юристы, работающие исключительно в традиционном формате, рискуют столкнуться с сокращением спроса на свои услуги. Уже сегодня необходимо пересматривать подходы к подготовке юридических кадров, чтобы обеспечить их соответствие вызовам стремительно меняющейся цифровой реальности.

Список цитируемой литературы

1. Васильев А. А. Высшее юридическое образование в России: некоторые современные тенденции, проблемы и перспективы развития // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 4-13.
2. Ящук Т. Ф. Учебные программы подготовки юристов России: эволюция, современное состояние, перспективы // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 4. С. 170-174.
3. Кодоева А. Ч. Современные требования к формированию профессиональной этики юриста // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-1. С. 145-149.
4. Казачкова З. М. Юридическое образование в условиях цифровой экономики: новые проблемы и нетрадиционные решения // Юридическое образование и наука. 2020. № 8. С. 19-22. DOI 10.18572/1813-1190-2020-8-19-22.
5. Васильев А. А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 14-18. DOI 10.14258/ralj(2020)2.3.
6. Surden H. Artificial intelligence and law: An overview // Georgia state university law review. Atlanta, 2019. Vol. 35. № 4. P. 1305-1337.
7. Деев С. А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности и в правоприменении // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С. 111-114. URL: https://moluch.ru/archive/433/95100/ (дата обращения: 06.04.2025).
8. Иванова А. П. Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2021. №1. С. 90-98.
9. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.

Непранов Руслан Григорьевич
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат юридических наук, доцент
Волошков Виктор Владимирович,
магистрант юридического факультета
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
(Ростов-на-Дону, Россия)

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Аннотация. В данной статье проанализирована конституционно-правовая модель соотношения международного и российского права, сформированная в результате конституционной реформы 2020 года.

Ключевые слова: международное право, национальное право, конституционная реформа.

«Провозглашая цели, намечая программу развития государства политический режим (государственная власть) дает важную информацию о себе, заявляет о своих ценностях и приоритетах, показывает народу куда он ведет гражданское общество» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М. Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 696)

В первой четверти XXI в. утвердившаяся модель однополярного мироустройства вступила в фазу затяжного системного кризиса. Этап тотального доминирования западно-ориентированной парадигмы международных отношений привел к падению авторитета международных институтов и деформации международного права. Нормы международного права все чаще стали подменяться «международными правилами», что позволило оказывать политическое давление на суверенные государства, а наднациональным институтам принимать крайне политизированные решения, нарушающие национальный правопорядок [1]. Так, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) в 2019 году принял решение об автоматическом удовлетворении в 30-дневный срок исков против Российской Федерации, если за указанный период российской стороной не будет доказана ее невиновность. Поэтому проблема оптимального определения соотношения международного и национального права приобрела не только теоретическую, так и практическую значимость [2].

Неоднократное нарушение системообразующей константы международного права – его договорной природы, основанной на соглашении воль равноправных, суверенных государств-участников международных отношений, настойчиво подводили Российскую Федерацию к необходимости принятия государствами определенных мер для предупреждения вмешательства во внутреннюю политику, ограничения суверенитета путем использования механизма международных институций.

Еще в 2015 году Конституционный Суд Российской Федерации признал недопустимой произвольную интерпретацию Европейским судом по правам человека Конвенции о защите прав человека и основных свобод, расходящуюся с нормами общего международного права, в числе которых принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств, что, несомненно, дает Российской Федерации основание «отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации»[1].

За прошедшее с тех пор десятилетие в российском общественно-политическом дискурсе и юридическом сообществе неоднократно звучали призывы пересмотреть конституционные положения о приоритете международного права над российским законодательством как представляющие угрозу национальной безопасности [3].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П) на приоритетность Конституции России и «недопустимость имплементации в правовую систему государства» международных договоров, нарушающие основы конституционного строя Российской Федерации, что приводило к невозможности реализации в российской правовой правовых позиций международных институций, не признающих высшую юридическую силу Основного закона Российской Федерации.

В январе 2020 г. Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию предложил внести поправки в текст Конституции, акцентировав внимание на конституционном обеспечении суверенитета: «требования

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413...» // СПС «Гарант». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71033584/

международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции» [4].

В 2020 г. Россия воспользовалась своим суверенным правом на определение форм и способов реализации международных норм в российской правовой системе и внесла соответствующие поправки в Конституцию России. Причем изменения не коснулись базового положения о признании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России составной частью национальной правовой системы, закрепленного в ч. 4 конституционной ст. 15. В результате конституционной реформы 2020 г. новеллы появились в ст. 79 и 125 Конституции Российской Федерации.

Статья 79 Конституции России допустила возможность участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях и передачу им части своих полномочий лишь при условии, что не противоречит основам конституционного строя, а «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

В свою очередь, в ст. 125 Конституции РФ на Конституционный Суд Российской Федерации были возложены полномочия о решении вопроса «о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

На наш взгляд, принципиально важным является положение ст. 125 Конституции России, дающее право Конституционному Суду решать вопрос о возможности исполнения межгосударственных органов и международных судов, в случае их противоречия как Конституции, так и «основам публичного правопорядка».

В свете изменений Конституции России в 2020 году Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» был дополнен положением о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской

Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом» (ч. 4 ст. 5).

Внесение поправок не привело к разбалансированию текста Конституции России, поскольку положения статей 79 и 125 не затронули ст. 15, так как решения межгосударственных органов и международных судов не являются источниками российского права. Кроме того, обращает на себя внимание особая природа такого рода решений. В последние годы распространение получили случаи трансформации международных договоров путем его «эволютивного толкования», т.е. толкования текста межгосударственным органом. Причем такого рода толкования признается международными судами, включая Международный суд ООН. При этом открытым остается вопрос о правомерности таких действий, поскольку толкование может существенно отходить от первоначального текста международного договора, согласованного государствами-участниками. В таких случаях следует признать за государствами суверенное право самостоятельно устанавливать порядок исполнения решений межгосударственных органов в национальных правовых системах [5, с. 58].

На наш взгляд, суть конституционных поправок заключается в создании конституционно-правового механизма, позволяющего оградить национальную правовую систему от неоднозначных решений межгосударственных органов, искажающих изначальный смысл международно-правовых норм. Следует признать, что «эволютивные толкования» по юридической силе очевидно уступают не только Конституции Российской Федерации, но и решениям Конституционного Суда.

Таким образом, конституционная реформа 2020 г. произвела корректировку модели соотношения международного и национального права, акцентировав внимание на суверенном праве России контролировать соответствие международных договоров Конституции России и публичному правопорядку. Обновленная конституционная модель соотношения национального и международного права, по нашему мнению, в полной мере соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, таким как принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств.

Список цитируемой литературы

1. Непранов, Р. Г. Трансформация современного международного права: факторы, вызовы, риски / Р. Г. Непранов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 50, № 2. – С. 96-103. – DOI 10.21779/2224-0241-2024-50-2-96-103. – EDN PEQTNM.

2. Непранов, Р. Г. К вопросу о влиянии международного права на национальную систему права / Р. Г. Непранов, В. А. Мищенко // Проблемы конституционно-правового развития России : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации, Ростов-на-Дону, 13 декабря 2021 года / Под редакцией А.Н. Позднышова, Э.Э. Баринова, Е.В. Маркиной. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "АзовПринт", 2022. – С. 178-185.
3. Формы влияния международного права на российскую правовую систему / И. В. Абдурахманова, Г. Б. Власова, И. В. Ганичев [и др.]. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 210 с.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 // Российская газета. 2020. 16 января.
5. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права: монография / отв. ред. А. Я. Капустин. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023.

Никонова Людмила Ивановна,
доцент кафедры конституционного и международного права,
Юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВИДЫ И ФОРМЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛЬНОГО КАТЕГОРИРОВАНИЯ

Аннотация. Анализируя нормативно-правовое регулирование правотворческого процесса в Российской Федерации, в статье акцентируется внимание на отсутствии единообразия и унификации при определении видов и форм нормативных правовых актов. Констатируется, что отсутствие федерального закона, который бы осуществлял структурирование нормативных правовых актов на данные категории и устанавливал бы общие правила правотворческой деятельности, ведет не только к неразберихе и путанице в региональном законодательстве, но и отсутствию единообразия на федеральном уровне.

Ключевые слова: законодательство, нормативный правовой акт, вид и форма нормативного правового акта, законодательство субъектов Российской Федерации

«Порядок и право связаны единосущием; где начинается устроение порядка, там из хаотического, неустойчивого состояния возникают строго образованные ряды элементов, законосообразные структуры.... Право есть образ порядка, способного себя сохранять и поддерживать, подтверждать свое существование в пространстве и времени» (Г.В. Мальцев) [1, с. 5].

Нормативные правовые акты являются ключевым инструментом публичной власти, определяющим контекст моделирования общественных отношений и организацию взаимодействия власти и населения, способствуют эффективной реализации государственной политики в всех сферах жизни. Многоплановость, разнообразие и сложность общественных отношений императивно обусловливают наличие многоступенчатой, структурированной и иерархически выстроенной по юридической силе системы нормативных правовых актов, внутри которой должны быть четко установлены и скоординированы внутренние связи между элементами этой системы.

Отсутствие на федеральном уровне законодательного акта, определяющего структуру такой системы, содержащего нормативные характеристики понятий и терминов, включенных в нее, упорядочивающего виды и формы, издаваемых различными органами публичной власти нормативных предписаний, и в целом регламентирующего весь правотворческий процесс в Российской Федерации, приводит к возникновению юридических коллизий. Следствием чего, как отмечает М.Б. Румянцев, является «издание и действие на различных уровнях правового регулирования многочисленных нормативных актов, которые не всегда согласуются между собой» [2, с. 6] и приводят к иерархическим коллизиям при их выборе, «ошибочный выбор субъектом правотворчества вида нормативного акта для осуществления правового регулирования тех или иных общественных отношений» [2, с. 251], что негативно влияет на процесс правоприменения.

Акцентируя внимание на региональных проблемах в этой области, А.Н. Артамонов подчеркивает, что ошибки в деятельности органов и должностных лиц субъектов Российской Федерации зачастую связаны «с неправильным выбором видов и форм правовых актов, с путаницей их наименования и содержательных характеристик, оформлением индивидуальных актов в виде нормативно-правовых и, наоборот, введением в государственно-управленческий оборот форм, не свойственные правовым актам и т.д.» [3, с. 79].

Казалось бы, в федеральной системе нормативных правовых актов не должно содержаться разночтений в разделении актов на виды и формы, но анализ действующих федеральных законодательных и подзаконных нормативных актов доказывает отсутствие такого единообразия. Так, ч. 2 ст. 5 Федерального

конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»[1] гласит, что акты Правительства издаются в форме постановлений (имеют нормативный характер) и в форме распоряжений (не имеют нормативного характера). Схожее название имеют правовые акты федеральных органов исполнительной власти «постановления, приказы, правила, инструкции и положения» (нормативные) и «распоряжения…» (ненормативные), но формализованы они как вид[2], хотя имеют во многом подобные характеристики, отличаясь по юридической силе и более узконаправленной сфере регулирования общественных отношений. Нормативные акты, издаваемые Банком России, по вопросам, отнесенным к его компетенции, имеющие наименования, совпадающие с актами федеральных органов исполнительной власти, «положения и инструкции…» законодатель относит уже к формам[3].

Отсутствие легально закреплённого на федеральном уровне единства и согласованности при определении видов и форм нормативных правовых актов требует научного осмысления рассматриваемых понятий, как разработанных юридической доктриной, так и предложенных практикой регионального законодательного регулирования этого вопроса.

Первые попытки категорирования нормативных правовых актов по видам и формам встречаются уже в законопроекте № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации», внесённом группой депутатов Государственной Думы на рассмотрение в палату еще 1996 г. Законопроект содержал перечисление видов законов Российской Федерации (законы Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации; федеральные конституционные законы и федеральные законы). К особому виду нормативных правовых актов были отнесены «Федеративный и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий, а также соглашения о передаче осуществления полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации»[4]. К этой же категории причислялись и нормативные акты федеральных органов ис-

---

[1] Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 45. Ст. 7061.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 (с изм. от 15 ноября 2024 г. № 1557) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895; 2024. № 47. Ст. 7146.

[3] Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (с изм. от 28 февраля 2025 г. № 18-ФЗ) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790; 2025. № 9. Ст. 847.

[4] Законопроект № 96700088-2 от 2 июня 1996 г. «О нормативных правовых актах Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2 (дата обращения: 31.03.2025)

полнительной власти: постановления, правила, приказы, инструкции, положения и др.

Форма служила характеристикой разновидности федеральных законов (основы законодательства и кодексы), нормативных актов Президента Российской Федерации (указы), нормативных актов Правительства России (постановления), а также законодательной инициативы депутатов Государственной Думы (законодательные предложения).

В ст. 6 проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», предложенного Правительством Российской Федерации (по состоянию на 29 декабря 2014 г.), нормативные правовые акты подразделялись на законы (федеральные конституционные законы, федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации) и подзаконные нормативные правовые акты. К формам федеральных законов были отнесены: кодексы, уставы и технические регламенты, а к формам подзаконных нормативных актов – правила, порядки, положения, инструкции, регламенты и др. Кроме того, устанавливались формы правовых актов палат федерального парламента (постановления), Правительства России (постановления) и федеральных органов исполнительной власти (постановления и приказы)[1].

Совершенно иной подход к дифференциации нормативных правовых актов на виды представлен в ч. 2 ст. 1 проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2021 г.[2] В основу деления на виды положен территориальный принцип действия правового акта: международные правовые акты, нормативные правовые акты Российской Федерации, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальные нормативные правовые акты. К формам этих видов отнесены: акт международной организации, закон, указ, постановление, устав, положение, инструкция и др.

Формой федеральных законов в данном законопроекте являются кодексы и уставы; актов Совета Федерации и Государственной Думы – постановления и регламенты; актов Правительства России – постановления, а производные (специальные) принимаются в форме правил, положений, программ и в иных формах и др.

---

[1] Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // https://docs.cntd.ru/document/420243605(дата обращения: 02.04.2025)

[2] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.

Таким образом, федеральные проекты «Закона о законах» предлагали разное наполнение понятия «вид» и «форма» нормативного акта, не давая определения данным дефинициям, используемым в тексте.

Ясность в решение рассматриваемого вопроса не вносит и региональное законодательство, хотя с лихвой восполняет отсутствие федерального закона, но при этом порождает существенную разницу в подходах. На данный момент в большинстве субъектов Российской Федерации действуют специальные нормативные акты, которые раскрывают понятие, перечисляют виды и формы региональных нормативных актов, определяют процедуру их подготовки, принятия, вступления в законную силу, порядок опубликования и др.

Отсутствие унификации и различие в подходах к определению видов и форм нормативных правовых актов еще больше запутывает категорирование. Так, в соответствии со ст. 7 Закона Республики Адыгея от 9 октября 1998 г. № 92 «О нормативных и иных правовых актах» «нормативные правовые акты в Республике Адыгея подразделяются на следующие виды: Конституция Республики Адыгея; законы Республики Адыгея; договоры (соглашения) Республики Адыгея; указы, распоряжения Главы Республики; постановления Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея; постановления, распоряжения Кабинета Министров Республики Адыгея; приказы органов исполнительной власти Республики Адыгея». В тоже время ч. 2 ст. 15 этого закона гласит, «что акты Кабинета Министров Республики Адыгея, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений»[1]. Таким образом, нарушаются правила формальной логики, когда вид и форма отожествляются.

Полагаем, что более корректно в этом плане сформулированы виды региональных нормативных правовых актов в ч. 2 ст. 4 Закона Волгоградской области от 9 декабря 2014 г. № 169-ОД «О нормативных правовых актах Волгоградской области»[2]: Устав Волгоградской области; законы Волгоградской области; нормативные правовые акты Волгоградской областной Думы; нормативные правовые акты Губернатора Волгоградской области; нормативные правовые акты Администрации Волгоградской области; нормативные правовые акты иных органов исполнительной власти Волгоградской области и нормативные правовые акты Избирательной комиссии Волгоградской области. Законодатели Волгоградской области формализовали вид правовых актов, взяв за основу субъект

[1] Закон Республики Адыгея от 9 октября 1998 г. № 92 (с изм. от 2 ноября 2022 г. № 123) «О нормативных и иных правовых актах» // Советская Адыгея. 1998. № 204, 17 октября; 2022. № 201, 8 ноября. – URL: https://docs.cntd.ru/document/804932445

[2] Закон Волгоградской области от 9 декабря 2014 г. № 169-ОД (с изм. от 10 марта 2023 г. № 7-ОД) «О нормативных правовых актах Волгоградской области» // Волгоградская правда. 2014. № 237, 17 декабря; 2023. № 20, 24 марта. – URL: https://base.garant.ru/24716276/

регионального правотворчества, а форма характеризует нормативное содержание этих актов (кодексы, постановления, приказы и (или) распоряжения).

В положениях Закона Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-З «О нормативных правовых актах Нижегородской области»[1] отсутствует такая формулировка как вид нормативного акта, а ст. 6 все акты органов публичной власти относит к формам: Устав области, законы и постановления Законодательного Собрания, указы Губернатора, постановления Правительства области, приказы министерств и иных органов исполнительной власти области.

В Законе Республики Дагестан от 16 апреля 1997 г. № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан»[2] также отсутствует этот термин, но в ч. 4 ст. 3 упоминается об особом виде нормативных правовых актов, к которым законодатели отнести «Федеративный и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий.., иные нормативные правовые договоры и соглашения Республики Дагестан». Следовательно, можно сделать вывод, что перечисленные в ч. 3 ст. 3 этого закона нормативные акты публичных органов власти относятся к видам, а к формам – «постановления, приказы и инструкции республиканских органы исполнительной власти…» и др.

В ст. 9 Закона Новосибирской области от 25 декабря 2006 г. № 80-ОЗ «О нормативных правовых актах Новосибирской области»[3] форма выступает реализацией права законодательной инициативы (например, проект Устава, проект закона), а ст. 22, определяющая требования к тексту нормативного правового акта, регламентирует, что нормы права «закрепляются в форме языкового, знакового, графического, словесно-терминологического выражения…».

Таким образом, анализ регионального законодательства показывает, что аналогичные акты, принимаемые (издаваемые) органами государственной власти и должностными лицами сопоставимы по статусу, в одних субъектах России представляют собой форму, а в других регионах – вид нормативного правового акта и даже встречается отожествление данных категорий. Следует отметить, что ни в одном из действующих региональных нормативных актов не содержится дефиниции понятия «вид» и «форма» правового акта.

---

[1] Закон Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-З (с изм. от 7 февраля 2025 г. № 13-З) «О нормативных правовых актах Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2005. № 34, 26 февраля; официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 7 февраля 2025 г. №5200202502070012.

[2] Закон Республики Дагестан от 16 апреля 1997 года № 8 (с изм. от 7 июля 2023 г. № 58) «О нормативных правовых актах Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 1997. № 4. Ст. 1050; Дагестанская правда. 2023. № 204-212, 12 июля. – URL: https://base.garant.ru/26502913/

[3] Закон Новосибирской области от 25 декабря 2006 г. № 80-ОЗ (с изм. от 27 февраля 2023 г. № 322-ОЗ) «О нормативных правовых актах Новосибирской области // Советская Сибирь. 2007. № 2, 10 января; официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 27 февраля 2023 г. №5400202302270006.

Солидаризируемся с мнением А.Н. Артамонова, что между этими двумя категориями имеются существенные различия [3, с. 83]. Приравнивая выделение видов нормативных правовых актов к классификации, каталог оснований которой весьма широк (юридическая сила, территориальный масштаб действия, объем правового регулирования и т.д.), форма должна иметь содержательное наполнение акта. В толковом словаре С.И. Ожегова, форма представляет собой «способ существования содержания (как единство всех основных элементов целого, его свойств и связей), неотделимый от него и служащий его выражением» [4].

А.Н. Артамонов называет формы актов «конечными классификационными единицами» [3, с. 83], например, глава региона издает нормативные правовые акты (вид) в форме указов/постановлений; нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти (вид) издаются в форме постановлений, приказов, правил, инструкций и положений (сегодня нормативно закреплены как вид) и т.д. Такой подход к разделению на виды и формы предложен в проекте закона 2021 г. и реализован в законодательстве Волгоградской области, что позволяет учитывать не только содержание и структуру нормативного акта, но и объем правового регулирования, способ принятия и наличие мер ответственности.

Поскольку выбор субъектом правотворчества вида и формы нормативного правового акта должен быть опосредован требованиями действующего законодательства, сложившейся практикой их использования, а также выработанными и апробированными правилами юридической техники, то установление единообразия в этом вопросе способствовало бы упорядочению издаваемых различными органами государственной и муниципальной власти нормативных предписаний и сокращению неоправданного многообразия разновидностей форм и видов нормативных актов. Отмеченные в статье вопросы являются частью более масштабной проблемы, связанной с отсутствием единых правил правотворческой деятельности органов публичной власти как федерального, так и регионального уровня.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. 800 с.
2. Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 324 с.
3. Артамонов А.Н. О видах и формах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2(45). С. 78-88.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0 (дата обращения: 02.04.2025)

Орлова Наталья Евгеньевна
профессор кафедры теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат исторических наук, доцент
Кациев Ислам Хаматханович
магистрант юридического факультета
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
(Ростов-на-Дону, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье проанализированы тенденции и перспективы развития новейших интеграционных объединений на евразийском пространстве на примере Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: международное право, национальное право, евразийское пространство, Евразийский экономический союз.

«Согласно установившемуся в международных отношениях порядку государства, присоединяющиеся к международным конвенциям и иным соглашениям, берут на себя обязательство привести свое законодательство в соответствие с данным международным правовым актом» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 675)

В последние десятилетия на евразийском пространстве возникли и эффективно взаимодействуют новейшие интеграционные объединения с разным составом участников и разными целями. Российская Федерация выступила инициатором создания ряда межгосударственных объединений, таких как ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, и является авторитетным участником международных объединений, постепенно приобретающих глобальный характер (БРИКС). Столь активные интеграционные процессы в Евразии объясняются стремительным смещением экономического и политического центров из Западной Европы на Восток.

Стратегические просчеты ЕС и США разрушили их безоговорочное доминирование на мировой арене, в то время как экономики Китая, России, Индии

и ряда других неевропейских стран сумели скоординировать свои усилия таким образом, что это позволило в условиях растущего санкционного давления и откровенного шантажа «западных демократий», нарастить свой потенциал. Более того, новейшие интеграционные объединения постепенно выходят за рамки исключительно экономического сотрудничества и наращивают совместные усилия в смежных сферах (вопросах трудовой миграции, образования, безопасности, гуманитарного и технологического сотрудничества), что позволяет им успешно преодолевать турбулентный период мировой трансформации. В последнее время участники перечисленных интеграционных объединений на евразийском пространстве перешли к согласованию своих внешнеполитических позиций и весьма эффективно сотрудничают в вопросах урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций, угрожающих безопасности в регионе [1].

Одним из перспективных объединений является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который за короткий исторический период прошел путь от достаточно скромного экономического союза до устойчивого межгосударственного объединения с огромным экономическим потенциалом, человеческим капиталом и богатой ресурсной базой.

Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) был подписан 29 мая 2014 года. В его состав вошли пять стран: Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения. Также есть государства-наблюдатели (Молдавия, Куба, Узбекистан), которые не входят в основной состав ЕАЭС, что не дает им влиять на принятие решений, но позволяет принимать участие в переговорах.

В ЕАЭС сложилась особая модель интеграции, на наш взгляд, гораздо более эффективная и перспективная, нежели модель Европейского Союза, поскольку ее конструирование осуществлялось с учетом недостатков и ошибок европейской интеграции. ЕАЭС удалось избежать недостатков европейского объединения в связи с принципиально иным идеологическим обоснованием. Если ЕС на определенном этапе стал сдвигаться в сторону квазигосударственного наднационального образования, то ЕАЭС изначально создавался с целью содействия развитию суверенных государств-участников объединения [2]. Недолгий опыт существования ЕАЭС продемонстрировал успешность избранной стратегии, позволившей странам-участницам обеспечить устойчивость своих экономик и стабильного экономического роста.

В Договоре о ЕАЭС 2014 г. (ст. 1) содержится указание на то, что Союз обладает международной правосубъектностью [3]. Соответственно он базируется на его общепризнанных принципах суверенного равенства государств – членов Союза и их территориальной целостности; уважения особенностей их политического устройства; обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равно-

правия и учета национальных интересов сторон; соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции.

Как субъект международного права, ЕАЭС имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции [4].

Согласно ст. 6 Договора о ЕАЭС 2014 г. право Союза состоит из самого Договора о ЕАЭС 2014 г.; международных договоров в рамках Союза; международных договоров Союза с третьей стороной; решений и распоряжений Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии; решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета [5]. В соответствии со ст. 20 Договора 2014 г. ЕАЭС имеет свой бюджет, постоянно действующую структуру органов и штаб-квартиру.

Высший Евразийский экономический совет является высшим органом союза. В него входят главы государств-членов, входящих в состав объединения. На него возложены функции по обеспечению стратегии деятельности организации, определению целей и путей их достижения. Также Высший совет рассматривает вопросы о вступлении в членство заинтересованных стран и прекращении их членства. Все решения принимаются путем переговоров.

Евразийский Межправительственный экономический совет состоит из глав правительств государств–членов союза. Он обязан обеспечивать исполнение договоров, принятых Высшим советом. Также подконтрольным органом ЕМПС является Евразийская экономическая комиссия, которой Межправительственный совет дает распоряжения, предлагает кандидатуры членов комиссии, одобряет проекты о бюджете союза.

Евразийская экономическая комиссия регулирует деятельность Таможенного союза и обеспечивает функционирование Единого экономического пространства. Работает в основном с таможенными пошлинами и их регулированием, монополиями, товарами и услугами и пр.

Суд Евразийского экономического союза является органом, разъясняющим противоречия, возникшие при принятии договора, следит за соблюдением законности деятельности союза в соответствие с международными договорами и учредительными документами ЕАЭС.

Членство России в Евразийском экономическом союзе приносит России очевидную выгоду, впрочем, как и другим участникам объединения. Этот союз дает возможность доступа к ресурсам стран-партнеров и свободному обращению товаров и услуг, повышению конкурентоспособности на мировом рынке. Поэтому, несмотря на негативные последствия санкций, Союзу удалось сохра-

нить свою значимость и потенциал межгосударственного сотрудничества в вопросах обеспечения национальной безопасности государств-участников объединения [6].

Правовая природа ЕАЭС вызывает дискуссии. По мнению Н.Ф. Кислицыной, в данном случае «следует говорить о смешанном типе правового статуса с элементами и международной организации, и интеграционного объединения» [7, с. 222]. Нам представляется, что такое противопоставление не корректно. Просто одни интеграционные объединения являются международными организациями, а другие – нет. Вместе с тем, согласимся с учеными, отмечающими уникальность ЕАЭС, основанного на глубинных исторических традициях экономического, политического, культурного взаимодействия, потенциал которого полностью еще не раскрыт.

В международно-правовой доктрине в последнее время сформировалось понятие «фрагментация международного права», обусловившее, в свою очередь, специфический институт автономных договорных режимов» [8, с. 356]. Исследовательская группа Комиссии международного права ООН применительно к ЕАЭС и другим используют термин «автономный договорной правовой режим». В литературе наблюдается абсолютизация автономности правового режима в интеграционных объединениях, сегрегация его от международного права, что, на наш взгляд, представляет определенную опасность. Кроме того, используется термин «коммуникативное право» и «право интеграции». Зарубежная правовая доктрина содержит обоснование отличий права интеграции и международного публичного права. Одни авторы пишут об интеграционном праве, другие – отрицают его существование как самостоятельного [9].

В заключение, следует отметить, что суверенное равенство участников, демократизм, учет взаимных интересов, уникальность правовой системы составляют характерные черты ЕАЭС как модели евразийской интеграции.

Список цитируемой литературы

1. Вялов Н.В., Могилевская Н.В. Анализ тенденций взаимной интеграции между ЕАЭС, ШОС И БРИКС // Международный научно-исследовательский журнал.2023. № 3 (129). С. 1-5.

2. Орлова Н.Е., Позднышов А.Н. Гармонизация национальных правовых систем в контексте евразийской интеграции: теоретико-правовой аспект // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2(41). С. 12-22.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022) // Офи-

циальный сайт Евразийского экономического союза https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014
4. Непранов Р.Г., Орлова Н.Е. Международная правосубъектность ЕАЭС в контексте современных интеграционных процессов // Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 529-533.
5. Бекяшев К.А., Моисеев Е.Г. Право Евразийского экономического союза: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2015. 142 с.
6. Непранов Р.Г., Позднышов А.Н. Национальная безопасность России в контексте евразийской интеграции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 2 (153). С. 59-63.
7. Кислицына Н.Ф. ЕАЭС – международная организация или интеграционное объединение? // Закон и право. 2022. № 3. С. 222-229.
8. Ануфриева Л.П. Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5. С. 356-360.
9. Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К., Кашкин С.Ю. Международно-правовые основы создания и функционирования ЕАЭС: Монография / Отв. ред. Е.Г. Моисеев. – М: Проспект, 2021. 140 с.

Федоренко Святослав Петрович
доцент кафедры теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)»
кандидат юридических наук, доцент
Папушин Дмитрий Сергеевич,
магистрант кафедры теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)»
(Ростов-на-Дону, Россия)

НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлено авторское видение актуальных направлений внешней политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности. Анализируются международные и внутрироссийские условия функционирования основных государственных институтов по защите национальных интересов.

Ключевые слова: национальная безопасность, вызовы и угрозы национальным интересам, международная арена, обеспечение внешнеполитических национальных интересов России.

«Принципиально важное положение состоит в том, что социальный институт (те же санкции, обеспечивающие надлежащее исполнение социальных ролей и социальные ожидания) складываются путем соединения средств различных нормативно-регулятивных систем – морали, права, политики и др.» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 411)

Актуальность данного вопроса имеет традиционно первостепенное значение для России как государства-цивилизации. Текущее обострение противоречий, в том числе со странами, которые столетиями входили в качестве государственных территорий в орбиту российской государственности, лишний раз подчеркивает это. Можно предположить, что данная сфера имманентна логике национального развития и является цивилизационным выбором. То есть, Россия исторически сформировалась как крупный геополитический игрок и находится в постоянном прямом взаимодействии с великими державами. Это взаимодействие может быть как продуктивным, так и деструктивным.

Конструктивно внешняя политика представляет собой деятельность государства на международной арене, направленную на реализацию его интересов и целей за пределами национальных границ [1, с. 48]. Но содержательно российская государственность прямо определяется процессами внутренней и внешней безопасности, которые фактически тесно переплетены. Она охватывает широкий спектр вопросов, включая дипломатические отношения, экономическое сотрудничество, культурные обмены и вопросы безопасности. Важнейшим принципом внешней политики является соблюдение международного права, что подчеркивается Уставом ООН, в котором отмечается необходимость уважения суверенитета и территориальной целостности всех стран. Формирование внешней политики происходит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, что делает её важным инструментом обеспечения национальной безопасности.

В современном государстве развитие концепции внешней политики осуществляется за счет эмпирических, отраслевых исследований, особенно актуальных в условиях интенсивной внешнеполитической динамики. Вместе с тем существуют объективные потребности решения практических вопросов в сфере международного права, правозащитной деятельности, технологий разрешения юридических конфликтов, необходимость обновления внешней доктрины.

Основные цели внешней политики государства включают обеспечение национальной безопасности, защиту и продвижение экономических интересов, укрепление международного сотрудничества и поддержание стабильности в мире. Задачи внешней политики могут варьироваться в зависимости от конкретных факторов, но в целом они направлены на создание благоприятных

условий для развития государства и его граждан. Это достигается через активное участие в международных организациях, заключение договоров и соглашений, а также установление партнёрских отношений с другими странами. Внешняя политика ориентирована не только на защиту интересов государства, но и на улучшение отношений с другими странами, что, в свою очередь, способствует стабильности и процветанию.

Национальная безопасность – защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, обеспечивающая устойчивое развитие страны. Нет ничего более важного в жизни любого гражданина любого государства современного мира, чем ощущение безопасности в отношении себя лично, близких людей, а в конечном счете всего общества в целом [2, с. 189]. Именно состояние безопасности делает возможным нормальное течение человеческой жизнедеятельности, способствует достижению благополучия и устойчивого развития во всех наиболее значимых социальных сферах.

Обеспечение внешнеполитических национальных интересов России на долгосрочную перспективу включает в себя несколько ключевых аспектов. Среди них развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики, обеспечение незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета России, а также превращение страны в экономически и стратегически передовую мировую державу [3, с. 54]. В области национальной безопасности основными приоритетами являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, борьба с коррупцией и международная безопасность. Стратегическими целями национальной обороны считаются предотвращение глобальных и региональных войн и конфликтов, а также стратегическое сдерживание для обеспечения военной безопасности страны.

Но нельзя забывать, что также основными угрозами для государственной и общественной безопасности признают терроризм, экстремизм, разведывательную деятельность иностранных спецслужб, а также организованную преступность. [2, с. 190].

Российская Федерация, используя многомерный подход к безопасности, устанавливает три цели (сфокусированные, соответственно, на внешней, внутренней и человеческой сферах развития) и руководящие принципы, которые предназначены для достижения национальной безопасности посредством адекватного межсекторального и межправительственного взаимодействия. В этом смысле руководящие принципы внешней политики представляют собой набор руководящих принципов, которые должны выполняться различными уровнями правительства (национальным, региональным и местным) [4, с. 112].

В рамках естественной школы права национальная безопасность подменяется безопасностью всех граждан. Несмотря на то, что безопасность граждан очень важна, потому что это наследие человечества в его преемственности, такая интерпретация национальной безопасности с нашей точки зрения, это существенное упрощение.

Согласно естественной школе права, идентичность понятий гражданская и национальная безопасность, это принцип, который поддерживает мировоззрение людей, общества и региона или страны в целом. Этот принцип поддерживает важность сосуществования в мире и гармонии, что напрямую связано с качеством жизни людей, семей и общества. в общем, поскольку ни один дом, а тем более общество, не может развиваться, если они живут вместе, постоянно подвергаясь нападениям различных преступлений, угрожающих миру и безопасности его членов.

Одним из пунктов повестки дня является принятие во внимание того, что многие социальные явления оказывают неконтролируемое давление на спазматическое проявление паники и насилия, и что, возможно, использование интерактивных образовательных элементов для предотвращения реализации политики между полицией и гражданами является решением для контроля этих проблем [5, с. 200].

В целом, можно согласиться, с авторами Р.Г. Непрановым и М.А. Таршхоевой, в том, что основные направления внешней политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности направлены на создание устойчивой системы защиты национальных интересов, обеспечение прав и свобод граждан, а также на сохранение суверенитета и территориальной целостности государства. В дальнейшем развитии данных направлений ключевую роль будут играть как укрепление внутренней стабильности, так и продуктивное взаимодействие с международным сообществом [6, с. 12-13].

Можно выделить основные направления внешней политики Российской Федерации, которые отражаются в концепциях и стратегиях национальной безопасности:

1. Укрепление России на мировой арене, посредством защиты национальных интересов в международных отношения, экономики и безопасности;

2. Укрепление примата международного права и организаций (ООН), с решающим значением Совета Безопасности, как органа способного разрешать конфликты и объяснять международному сообществу интересы России;

3. Технологическая и экономическая защита отечественных интересов посредством развития интеграции и укрепления влияния.

Внешние факторы, такие как изменения в геополитической обстановке, экономические и военные угрозы, а также изменения в международных отно-

шениях, оказывают значительное воздействие на формирование и корректировку внешней политики в области обеспечения безопасности.

Основываясь на концепции внешней политики, можно сделать вывод, что Российская Федерация стремится к укреплению своего геополитического статуса, обеспечению национальной безопасности и защите своих интересов на международной арене. Изменения в Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) свидетельствуют о гибкости и адаптивности внешней политики государства в ответ на динамично меняющиеся внешние условия.

Следует отметить, что влияние внешних факторов на правовую политику не является однонаправленным процессом. Государственная политика также оказывает значительное влияние на внешнюю обстановку, формируя новые стратегии взаимодействия и сотрудничества с другими государствами. Анализ влияния внешних факторов на правовую политику Российской Федерации в сфере безопасности позволяет лучше понять динамику внешнеполитических процессов и разработать более эффективные стратегии обеспечения национальной безопасности.

Список цитируемой литературы

1. Терентьев И.В. Актуальные направления развития национальной безопасности в настоящее время. // Гражданская оборона на страже мира и безопасности. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 5-ти частях. Москва, 2024. С. 48-50.
2. Агафонов В.Б. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. №1. - С. 187-194.
3. Шамаров П.В. Миротворческая деятельность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Московский государственный лингвистический университет. Москва. 2021.126с.
4. Шеншин В.М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Тольяттинский государственный университет; Институт права. 2021. С. 107-113.
5. Бухвальд Е.М. Проблемы национальной безопасности России в свете конституционных новаций 2020 года // Экономическая безопасность. 2020. №4. С. 191-208.
6. Непранов Р.Г., Таршхоева М.А. Право международных организаций: проблемы регионального межгосударственного сотрудничества. В сборнике: Эволю-

ция государственных и правовых институтов в современной России. Ученые записки. Ростов-на-Дону, 2024. С. 12-17.

Баматкириева Селихат Хасановна,
младший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Автор исследует современные подходы к цифровизации судебного правоприменения, подчеркивая значимость информационных технологий, таких как электронный документооборот, видеоконференцсвязь и автоматизированные информационные системы, в повышении эффективности и доступности правосудия. Рассмотрены потенциальные риски и предложены пути преодоления проблем, возникающих в процессе внедрения цифровых технологий в судебную деятельность.

Ключевые слова: судебное правоприменение, информационные технологии, электронное судопроизводство, цифровизация, электронный документооборот, видеоконференцсвязь, автоматизация судебного процесса.

«Требование «государства должно быть как можно меньше» в качестве общего лозунга – это типичное пустословие» (Г.В. Мальцев) [1, с. 13].

Большинство работ, посвященных судебному правоприменению, опубликовано в современной России. Важно отметить тесную взаимосвязь этих исследований с проблемами судебной власти, судебного процесса, судопроизводства и правосудия в целом. Судебный орган, прежде всего, является органом правоприменения [2, с. 45]. Как подчёркивает М.В. Немытина, деятельность судебной системы является отражением общества [3, с. 20], а судебный процесс, по мнению А.В. Смирнова, приобретает качественно новое содержание благодаря активному участию сторон и независимости суда [4, с. 7].

Судебный юридический процесс представляет собой разновидность юридического процесса, конкретно – юрисдикционный процесс, основывающийся на положениях ст. 118 Конституции Российской Федерации о формах судопроизводства. Как отмечает В.М. Лебедев, правосудие является особым видом государственной деятельности, направленной на разрешение судами социальных и

правовых конфликтов [5, с. 446]. Аналогичное мнение высказывает Г.А. Жилин, характеризуя правосудие как деятельность судебных органов по защите прав, свобод и законных интересов граждан [6, с. 20].

Таким образом, судебное правоприменение базируется на процессуальной деятельности судов, обладающей рядом особенностей: властный характер, специфический субъектный состав (суды, судьи), осуществление в строго установленной законом процессуальной форме, направленность на разрешение юридических конфликтов и обязательность вынесенных решений. Как подчёркивается в коллективной работе по юридической технике, основной задачей судебной деятельности является осуществление юрисдикции [7, с. 178].

А.В. Аверин определяет судебное правоприменение как специфическую форму реализации права судом при рассмотрении конкретных юридических дел [8, с. 78; 9, с. 88-89]. В.В. Ершов рассматривает судебное правоприменение как необходимое средство социального управления, осуществляемое через нормы и принципы права органами судебной власти в строго регламентированной процессуальной форме [10, с. 31].

Существенной составляющей судебного правоприменения является судейское усмотрение, значение которого подчёркивают А.В. Аверин и Ю.А. Гроза [9, с. 91]. В научной литературе судейское усмотрение понимается как законное право судьи выбрать из нескольких законных вариантов решений наиболее подходящее в соответствии с внутренним убеждением. Судебное усмотрение служит цели вынесения законного, справедливого и обоснованного судебного решения и является неотъемлемым атрибутом судебного правоприменения, что подтверждается рядом исследований [11, с. 10; 12, с. 100].

Ю.А. Тихомиров рассматривает судейское усмотрение как мотивированный выбор компетентного субъекта с целью принятия правосудного решения [12, с. 72]. Подробное освещение вопросов судейского усмотрения в контексте правоприменительной деятельности суда представлено в работе О.А. Папковой, где судейское усмотрение определяется как знание того, что справедливо с точки зрения права [13, с. 9].

Таким образом, сущность судебного правоприменения заключается в специальной процессуально-процедурной деятельности судебных органов и судей по рассмотрению и разрешению юридических дел и конфликтов на основании действующего законодательства, завершающейся вынесением обязательных судебных решений.

Современное судебное правоприменение неразрывно связано с внедрением информационных технологий, которые играют значимую роль в повышении эффективности судебной деятельности и доступности правосудия. Внедрение таких технологий является частью общегосударственной программы цифрови-

зации, направленной на оптимизацию государственных услуг и процессов управления.

Одним из наиболее значимых направлений использования информационных технологий в судебном правоприменении является электронный документооборот. Он позволяет существенно ускорить обмен документами между участниками процесса, сократить сроки рассмотрения дел, уменьшить вероятность потери документов и повысить прозрачность судебного разбирательства. Система электронного документооборота активно применяется в арбитражных судах, судах общей юрисдикции и Конституционном Суде Российской Федерации.

Кроме того, важным компонентом цифровизации судебного процесса является видеоконференцсвязь, позволяющая проводить судебные заседания дистанционно. Использование данной технологии особенно актуально в условиях пандемий, чрезвычайных ситуаций и удалённости участников судебного процесса. Видеоконференцсвязь обеспечивает участие сторон, свидетелей и экспертов без необходимости их физического присутствия в зале суда, что значительно расширяет доступ граждан к правосудию.

Автоматизированные информационные системы (АИС), внедряемые в судебную деятельность, также существенно влияют на эффективность правоприменения. Такие системы помогают автоматизировать процесс обработки судебных дел, мониторинга сроков рассмотрения, а также ведения судебной статистики и аналитики. В результате повышается прозрачность и оперативность судебных процедур, снижается нагрузка на судебный аппарат и уменьшается риск ошибок, связанных с человеческим фактором.

Однако процесс внедрения информационных технологий в судебное правоприменение сопряжен с рядом проблем и рисков. К числу основных из них относятся вопросы обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных участников процесса, а также риски технических сбоев, которые могут привести к нарушениям сроков рассмотрения дел и даже к потере важной информации.

Для успешного преодоления указанных проблем необходимо комплексное решение вопросов нормативно-правового регулирования использования цифровых технологий в судах, внедрения надежных систем защиты данных и регулярного обучения сотрудников судебной системы навыкам работы с информационными технологиями.

Таким образом, внедрение информационных технологий в судебное правоприменение открывает новые возможности для повышения качества и доступности правосудия, однако требует внимательного подхода к решению возникающих проблем и рисков цифровой трансформации судебной системы.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г. В. О формировании институтов права // Социология власти. 2009. № 6. С. 7-18.
2. Власенко Н.А., Гринева А.В. Судебные правовые позиции (основы теории). М.: Юриспруденция, 2009. 166 с.
3. Немытина М.В. Модели правового регулирования деятельности судов // Модели правосудия: сб. научных статей. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2008. С. 18-31.
4. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб, 2001.
5. Лебедев В.М. Правосудие и его демократические принципы // Судебная власть и правосудие в Российской Федерации. Курс лекций. М., 2011.
6. Жилин Г.А. О понятии правосудия по гражданским делам // Российское правосудие. 2008. № 4.
7. Кутько В.В., Белоусова К.А., Гусева А.А., Пожарова Л.А. Юридическая техника: учебное пособие. Белгород: изд-во ГИК, 2020. 231 с.
8. Аверин А.В. Судебная достоверность (постановка проблемы). Владимир: Изд-во «Транзит Икс», 2004. 312 с.
9. Аверин А.В., Гроза Ю.А. Правосудие и право. М.: Юрлитинформ, 2020. 440 с.
10. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.
11. Сенякин И.Н, Степин А.Б., Подмосковный В.Д. Судебное усмотрение в частном праве. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. 240 с.
12. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Монография. М.: Инфра – М, 2015. 157 с.
13. Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70-79.
14. Папкова О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 413 с.

Гелуненко Валерия Вадимовна,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

СВОБОДА МЫСЛИ: НОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ФЕНОМЕНА

Аннотация. В данной работе рассматривается взаимосвязь между свободой мысли и свободой слова, а также исследуется специфика конституционного регулирования свободы мысли, как одной из свобод, не подлежащей правовому регулированию, обосновывается невозможность ограничения свободы мысли даже в условиях чрезвычайного положения. Особое внимание уделяется конституционно-правовым гарантиям свободы мысли. Актуальность работы усиливается в контексте развития современных технологий, таких как искусственный интеллект, нейрочипы и т.д.

Ключевые слова: свобода мысли, свобода слова, права, свободы, гарантии, защита, ограничение, свобода массовой информации, идеология, пропаганда.

«Мир, каким мы его видим и представляем, зависит, следовательно, от сознания; но то, что мы мыслим о мире, зависит от того, как мы о нем мыслим» (Г.В. Мальцев) [1, с. 63]

Свобода слова относится к той группе прав и свобод, которые, «вытекают из закона для личности непосредственно, без юридических фактов, как наличные. Эти права для личности выступают сразу в стадии обладания. Для их приобретения не требуется специального юридического факта. Это касается многих политических, трудовых, личных и других прав и свобод (свободы слова, уличных шествий и демонстраций, свободы всех видов творчества и др.)» [2, с. 214].

В Конституции Российской Федерации «свобода слова наряду со свободой мысли гарантируется (ч. 1 ст. 29). Такой лексический дуэт в последовательности «свобода мысли – свобода слова» может интерпретироваться двояко: с одной стороны, свобода мысли является первичной по отношению к свободе слова (по словам Л.Н. Толстого, «Неясность слова есть неизменный признак неясности мысли»), с другой – свобода слова (устного или письменного) является формой выражения мысли. В данном случае конституционно закреплена «позитивная» формулировка свобода слова по принципу «свобода на…» [3, с. 38].

Свобода мысли представляет собой мыслительный процесс человека (духовный, интеллектуальный [4, с. 15-20]), который не предполагает исключительно вербального выражения, равно как и принуждения к этому. Результатом мысли, помимо прочего, может быть конституционно определенные слово, мнения, убеждения, а также идеи, взгляды и пр. Также важно отметить, что свобода мысли является, пожалуй, единственной свободой, которая выведена за рамки правового регулирования. Но стоит «субъекту мысли» ее артикулировать любым способом, включаются механизмы правового регулирования. Поскольку свобода мысли выведена за рамки правового регулирования, то она и не может быть ограничена извне, только сам субъект мысли может ее контролировать, ограничивать, иными словами, самоцензурировать. Или это может происходить в силу непредвиденных и непреодолимых обстоятельств (генетические, физические, ментальные заболевания). При этом важно отметить, что, если ограничение извне невозможно, то влияние или воздействие вполне возможно. Влияние на мысли человека возможно посредством пропаганды, агитации, цензуры, информации, которая распространяется в СМИ, интернете, на телевидении. Также отметим, что проблемой XXI века выступают цифровые технологии. По этому поводу существуют исследования [5, с. 97-106], которые устанавливают, что злоупотребление цифровыми технологиями (например, социальные сети, видеохостинг и т.д.) снижают когнитивные способности человека, в том числе и способности, связанные с глубоким мышлением. Сразу сделаем несколько ремарок. Во-первых, все вышеперечисленные способы воздействия не могут рассматриваться только лишь с негативной точки зрения. Во-вторых, мы не рассматриваем убеждающие воздействия (логическая аргументация, факты, надежные свидетельства, мнения авторитетных людей, объективные критерии и т.п. рациональные аргументы) как посягательства на свободу мысли [6, с. 18-26].

Конституционная формулировка гласит «каждому гарантируется свобода мысли». В качестве гарантий в данном случае выступают, средства, способы и механизмы «защиты свободы мысли от неправомерного воздействия на мозг, сознание медикаментозными препаратами или техническими средствами, незаконными экспериментами» [7, с. 76], которые содержатся в ряде нормативных правовых актах.

Например, в ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации, устанавливается, что никто, без добровольного согласия, не может подвергаться медицинским, научным или иным опытам. Допускаем, что данное положение можно толковать как запрет любых опытов, в том числе и на человеческий мозг.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1] регламентируется, что медицинская помощь в рамках клинической апробации оказывается с добровольного согласия пациента или его родителя, представителя (ч. 6 ст. 36.1), а также устанавливается запрет клинической апробации над лицами, заключенными под стражу, отбывающими наказание (ч. 5 ст. 26).

В Законе Российской Федерации от 2 июля 1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» «содержатся запреты воздействия на мозг человека, сознание медикаментозными или иными препаратами» [7, с. 76].

Согласно ч. 1-2 ст. 13 Конституции, ограничивается установление государственной или общеобязательной идеологии. Данной нормой устанавливаются гарантии свободы мысли, что обеспечивает человеку защиту от навязанных мыслей, выгодных, например, для государственной власти.

Одновременно ч. 5 ст. 29 установлены свобода массовой информации и запрет цензуры, которые поддерживают гарантии свободы мысли. В условиях свободы информации и отсутствии цензуры люди имеют возможность знакомиться с разными идеями, концепциями, теориями, мнениями, что расширяет кругозор и развивает критическое мышление. Говоря о запрете цензуры, мы не имеем в виду полное ее отсутствие, поскольку даже сам субъект может подвергать себя самоцензуре. А самоцензура, в разумных пределах, способствует формировании нравственности в обществе.

Разумные пределы ограничений установлены в Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»[2], в числе которых, запрещает использовать в радио, теле, видео, кинематографах и других СМИ скрытые вставки и техники воздействия на подсознание людей, которые вредят их здоровью (ст. 4).

Рассматривая правомерные ограничения и отталкиваясь от ранее высказанного тезиса о том, что свобода мысли является, пожалуй, единственной свободой, которая не подлежит правовому регулированию, следует обратить внимание на ч. 3 ст. 56, в которой определен перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению. В данном перечне отсутствует исследуемая нами свобода мысли. Полагаем, что отсутствие этой свободы, возможно, обусловлено тем, что законодатель, не разделяет понятия свобода мысли и свобода слова.

---

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.

[2] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета. № 32. 08.02.1992.

При этом вполне логично, что невозможно ограничить свободу мысли в любых обстоятельствах и даже в условиях чрезвычайного положения. Как отмечает М.В. Пресняков, «федеральный законодатель не может устанавливать такие ограничения свободы слова, которые приводили бы к утрате прав на свободу мысли и свободу убеждений, поскольку последние, и составляют реальное содержание данного права. При этом ограничиваются не свобода мысли или свобода убеждений, а вредоносный элемент объективной стороны ментального акта - призыв, агитация, разглашение, оскорбление и т.п.» [8, с. 48].

Касаемо ограничений прав и свобод личности поддержим вывод о принципах таких ограничений. Они «представляют собой совокупность руководящих положений, прямо или косвенно сформулированных в законе, а также основополагающих идей и начал, выработанных в рамках доктринальных исследований, определяющих условия правомерности ограничения прав и свобод личности. К таким принципам можно отнести следующие: соразмерность ограничений, запрет дискриминации в рамках ограничения прав и свобод личности, законность ограничений, сбалансированность конституционных ценностей, правовая определенность ограничений, недопустимость ограничения прав абсолютного характера» [9, с. 20].

В контексте исследований свободы мысли, в доктрине закономерно возникают вопросы: «зачем конституционно артикулируется свобода мысли? тем более что она выведана за пределы правового регулирования», «можно ее ограничить, контролировать, повлиять?». В силу своего понимания попытаемся представить собственную версию.

Итак, конституционные гарантии свободы мысли, необходимы, поскольку выступают ограничителем от незаконного воздействия на мысли, мнения, убеждения. Обозначенное воздействие может осуществляться посредством пропаганды, агитации, цензуры, СМИ, интернета, телевидения, медицинских вмешательств, опытов. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о незаконном воздействии, а не об убеждающем воздействии к которому могут относиться, например: авторские мнения, обоснованные доводы, дискуссии, полемики, научная апробация и т.д. Также думается, что данная конституционная формулировка опередила время, предвосхитив возможность влияния на мозг человека посредством новейших технологий, например нейрочипов. Отметим, что ограничение мысли извне невозможно, но вот влияние или воздействие вполне реально. Влияние на мысли человека возможно посредством пропаганды, агитации, цензуры, информации, которая распространяется в СМИ, интернете, на телевидении.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. Прометей. 1999. 419 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
3. Гелуненко В.В. Свобода слова в контексте изменения Конституции Российской Федерации // Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 6-10 ноября 2020 г.). Белгород. 2020. С. 37-42.
4. Нудненко Л.А. Конституционное право на свободу мысли и слова // Вестник московского городского педагогического университета. юридические науки. № 2. 2008. С. 15-20.
5. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке: монография / Под общ. ред. И.А. Герасимовой. М.: Университетская книга. 2017. 312 с.
6. Башаратьян М. К. Свобода мысли: правовой анализ // Право и политика. 2007. № 1. С. 18-26.
7. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации: Постатейный: М.: Юрайт. М. 2001. 303 с.
8. Пресняков М.В. Ментальные права: конституционное содержание и допустимость ограничений // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 45-53.
9. Мархгейм М.В., Лукьянова И.Ю. Правозащитные принципы конституционного ограничения прав и свобод личности в России // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3. № 3. С. 16-21.

Лукьянова Ирина Юрьевна
преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина
соискатель кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В статье проводится анализ существующих доктринальных исследований и практики Конституционного Суда Российской Федерации по

вопросам определения критериев правомерности и допустимости конституционных ограничений прав и свобод личности в России. На основе изученных позиций и с учетом соотнесения их с конституционными положениями был предложен авторский перечень таких критериев. В результате исследования был сформулирован вывод о том, что соответствие правоограничений таким критериям наделяет их особым свойством – свойством правозащитной определенности, благодаря которому ограничения становятся важнейшим инструментом конституционно-правовой охраны иных ценностей.

Ключевые слова. Критерии правомерности, правозащитная определенность, конституционное ограничение, права и свободы личности, Конституция Российской Федерации.

«Самое общее и вместе с тем самое важное, что можно сказать о праве, состоит в том, что оно принадлежит к организованным системам, которые упорядочивают и регулируют нашу жизнь» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : Монография. – М.: Норма, 2007. С. 5) [1, с. 5].

В статье 2 Конституции Российской Федерации 1993 г. осуществлено важное провозглашение человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности. Однако под государственной защитой находятся и иные ценности, такие как оборона и безопасность государства, жизнь и здоровье граждан, основы конституционного строя, основы нравственности и др. В стремлении их защитить, государство вправе применить правовые средства, направленные на ограничение прав и свобод человека (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). Однако не всякое ограничение является правомерным и допустимым в правовом демократическом государстве, а только то, которое соответствует установленным законом критериям.

В конституционном тексте неоднократно встречается термин «ограничение». Анализ его контекстуального употребления свидетельствует о том, что ограничение имеет двойственную природу и рассматривается в двух основных ипостасях. В ч. 2 ст. 19 и в ст. 79 Российской Конституции ограничение употребляется в негативном аспекте и по смыслу текста означает умаление, ущемление прав и свобод личности. В ч. 2 ст. 23, ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 56 конституционного текста ограничение рассматривается в ином аспекте – как инструмент защиты конституционных ценностей, приобретая при этом свойство правозащитной определенности.

Правозащитная определенность, как важнейшее свойство конституционного ограничения прав и свобод личности, обеспечивается за счет его соответствия определенным критериям, которые, хотя прямо и не закреплены в Кон-

ституции Российской Федерации, но непосредственно вытекают из ее положений и конкретизируются в решениях высшего органа конституционного контроля. При этом все они требуют конкретизации и толкования [2, с. 33]. Как отмечал Г.В. Мальцев, из конституционного положения (ч. 3 ст. 55) «может быть выведен ряд более конкретных принципов, способных контролировать и минимизировать любую деятельность в гражданском обществе и государстве по ограничению прав» [1, с. 670].

Саму правозащитную определенность будем определять, как свойство правоограничений, присущее им в силу их направленности на защиту конституционно охраняемых ценностей и соответствия конституционно-правовым критериям.

Вопросы, затрагивающие определение критериев правомерности ограничения прав и свобод человека, на сегодняшний день являются объектом многих доктринальных исследований [3, с. 14]. Некоторыми авторами предпринимаются попытки выявить такие критерии на основании зарубежной практики и практики межгосударственных органов, органов судебного толкования и правоприменения. Другие авторы особое внимание уделяют отдельному критерию, что в последнее время все чаще встречается в научном сообществе. Об этом говорят характер и содержание последних диссертационных исследований, посвященных вопросам конституционного ограничения прав и свобод личности (2016-2024 гг.). Так, докторская диссертация А.В. Должикова (2022 г.) посвящена исследованию принципа соразмерности [4]; вопросам оснований легализации ограничений уделял внимание К.А. Минаев (2016 г.) [5]; Н.А. Болдырев раскрыл сущность формальных и материальных критериев правомерности ограничений (2024 г.) [6]; исследование Е.А. Дербышевой посвящено принципу правовой определенности, который рассматривается в качестве одного из критериев правомерности правоограничений (2020 г.) [7].

Ссылаясь на практику Конституционного Суда Российской Федерации, В.Л. Лапаева выделяет лишь два критерия правомерности ограничений: соразмерность установленным в Конституции целям и сохранение существа конституционного права [8, с. 18]. Развивая мысль о критериях правомерного ограничения, Л.А. Краснобаева и Ю.И. Иванова, помимо названных критериев, относят еще необходимость, справедливость, законность, равенство прав и свобод [9, с. 222].

Критерии правозащитной определенности находят отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Так, Судом к числу таких критериев относятся следующие: соразмерность; необходимость (Постановление Конституционно Суда РФ от 11 апреля 2024 г. № 17-П); обеспечение баланса конституционно значимых ценностей (Постановление Конституционного Суда

РФ от 24 ноября 2023 г. № 54-П); согласованность правового регулирования; верховенство закона; формальная определенность (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2023 г. № 41-П); обоснованность; справедливость; дифференцированность (Постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2022 г. № 49-П) и др. Выработанные этим Судом правовые позиции о критериях правомерности правоограничений получили широкое распространение в доктринальных исследованиях. Между тем, за малым исключением в научных изысканиях не уделяется отдельное внимание согласованности таких критериев положениям Конституции Российской Федерации, что представляет особую значимость в рамках настоящего исследования.

В первую очередь, необходимо обратиться к ст. 2 конституционного текста, в которой человек, его прав и свободы провозглашаются в качестве высшей ценности Российского государства. В дополнение к сказанному, следует упомянуть здесь и положения ст. 18, в которой отмечается, что права и свободы человека определяют смысл, содержание и применения законов, а также сущность деятельности органов публичной власти. Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что первым и основополагающим критерием правозащитной определенности конституционного ограничения прав и свобод личности является ориентированность на права и свободы человека как на высшую ценность.

Приоритетность прав и свобод личности вовсе не означает, что они не могут быть ограничены на законных основаниях для защиты иных конституционно охраняемых ценностей. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы могут быть подвергнуты ограничениям только в правозащитных целях, а именно в целях защиты публичных интересов. Публичность таких интересов означает, что они представляют значимость для неопределенного круга лиц и способствуют обеспечению благоприятных условий жизнедеятельности различных социальных групп. Как правило, публичными интересами являются государственные интересы, ориентированные на интересы всего общества. В тексте Конституции к ним отнесены основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, оборона страны и безопасность государства. Исходя из этого, следующий критерий, вытекающих из ч. 3 ст. 55 конституционного текста, – соответствие ограничений легитимной цели.

Исследуемая норма отражает и иные критерии правозащитной определенности конституционного ограничения прав и свобод личности. Так, в частности, в ней установлено, что ограничения могут вводиться только федеральным законом. При этом нормы права, в которых определяются основные формы ограничений, должны соответствовать принципам определенности, ясности, недвусмысленности, непротиворечивости, на что неоднократно обращал внимание и

Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2021 г. № 42-П). Вводимые ограничения должны быть понятны как органам власти, принимаемым и применяемым положения нормативного правового акта, так и социальным индивидуальным субъектам конституционно-правовых отношений. Соответственно, следующий критерий, который будет нами выделен, – правовая определенность норм права, устанавливающих формы правоограничений.

Конституционные ограничения прав и свобод могут вводиться только в той мере, в какой это необходимо для защиты иных конституционно значимых ценностей. Это также отражено в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Из этого следует, что ограничения должны соответствовать критерию соразмерности, для которого конституционно установленной мерой будут являться определенные в Конституции Российской Федерации цели такой деятельности.

Критерий соразмерности правоограничений, однако, не так примитивен, как кажется на первый взгляд. Это обусловлено теми соображениями, что он носит наиболее оценочный характер. Оценку соразмерности того или иного ограничения осуществляет Конституционный Суд Российской Федерации. В рамках оценки их соразмерности Суд не просто исследует фактические обстоятельства каждого дела, а также определяет, достаточно ли используемых правовых средств для достижения легитимной цели; соотносятся ли они с характером и размером причиненного вреда или угрозы его причинения; было ли затронуто само существо конституционного права; учтены ли реальные условия развития общественных отношений; не было ли возможности применить иную меру, способную минимизировать ограничительный характер.

В ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации определен перечень прав и свобод, которые не могут быть ограничены в условиях введения чрезвычайного положения. Однако, анализ содержания указанных прав и свобод показал, что не все из них являются правами абсолютного характера. В одном из предшествующих научных исследований автора уже был сформулирован вывод о том, что правами абсолютного характера следует признавать следующие права: на защиту достоинства личности, чести и доброго имени, пользование родным языком, право определять и указывать свою национальную принадлежность, а также права, обеспечивающие государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. Названные права обладают абсолютным характером в силу их содержания и правовой природы, обусловленной естественным характером. Исходя из этого, подчеркнем, что одним из важнейших критериев правозащитной определенности конституционного ограничения прав и свобод личности, является запрет ограничения прав абсолютного характера.

Таким образом, основным свойством конституционного ограничения прав и свобод личности является правозащитная определенность, под которой в рамках настоящего исследования понимается свойство правоограничений, присущее им в силу их направленности на защиту конституционно охраняемых ценностей и соответствия конституционно-правовым критериям.

Не каждое правоограничение обладает свойством правозащитной определённости, а только то, которое соответствует установленным в Конституции Российской Федерации критериям. К числу таких критериев были отнесены следующие: ориентированность на права и свободы человека как на высшую ценность; соответствие ограничений легитимной цели; правовая определенность норм права, устанавливающих формы правоограничений; соразмерность ограничений конституционно установленным целям; запрет ограничения прав абсолютного характера. Несмотря на то, что такие критерии прямо не закреплены в конституционном тексте, они непосредственно вытекают из его содержания, конкретизируются и толкуются высшим органом конституционного контроля и в рамках доктринальных исследований.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г. В. Социальные основания права: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 800 с.
2. Плохова В. Критерии правомерного ограничения прав человека в структуре этого института в общетеоретических и отраслевых исследованиях // Юрислингвистика. 2024. № 34(45). С. 30-36.
3. Гумеров Л. А. Ограничение прав и свобод человека: проблемы правового регулирования и критерии судебного правоприменения // Конституционализация осуществления правосудия в условиях трансформации правовой системы России: общетеоретические и отраслевые аспекты: Сборник статей материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации. – Казань: Отечество, 2024. – С. 12-18.
4. Должиков А. В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Должиков Алексей Вячеславович. – Санкт-Петербург, 2022. – 1112 с.
5. Минаев К. А. Легализация ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации

на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Минаев Кирилл Александрович. – Саратов, 2016. – 22 с.
6. Болдырев Н. А. Ограничения как средства конституционно-правового регулирования прав и свобод человека и гражданина в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Болдырев Никита Андреевич, 2024. – 183 с.
7. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: специальность 12.00.01: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дербышева Екатерина Александровна, 2022. – 238 с.
8. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 14-24.
9. Краснобаева Л. А. Пределы и критерии ограничений прав и свобод человека // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах: Сборник статей международной научно-практической конференции. – Новополоцк: Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», 2016. – С. 221-225.

Нгатейо Акони Шани Павел
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВА ПРИНИМАТЬ МЕРЫ ПРОТИВ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются основания и пределы правовых обязательств государств по принятию мер против изменения климата в контексте практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Особое внимание уделяется доктрине позитивных обязательств, сформированной Судом на основе статей 2 и 8 Европейской конвенции о правах человека. Автор анализирует ключевые решения, включая недавнее дело *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz v. Switzerland*, в котором впервые прямо признано существование обязательства государств защищать население от последствий климатического кризиса.

Ключевые слова: изменение климата, Европейский суд по правам человека, позитивные обязательства, права человека, статья 8 ЕКПЧ, экологическая юриспруденция, климатическая справедливость.

«Мир нормативного широк и разнообразен, в нем представлены нормы различного типа и характера, имеющие разные назначения – от общей ориентировки социального поведения до конкретного указания на требуемый поступок. Точно так же и нормативный юридический мир не может быть сведенным к какому-либо одному виду норм, он так же включает в себя конструкции разнообразного назначения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 736).

Изменение климата является одной из главных проблем XXI века, в связи с чем возникает вопрос о роли государств в смягчении его последствий. Несмотря на то, что в Европейской конвенции о правах человека (далее – Европейская конвенция) окружающая среда прямо не упоминается, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд) постепенно разработал свод прецедентного права, признающий позитивные обязательства государств в вопросах окружающей среды.

Чтобы понять важность доктрины позитивных обязательств в области защиты окружающей среды в рамках системы Европейской конвенции о правах человека, следует напомнить, что Конвенция не содержит положений, прямо посвященных окружающей среде, не говоря уже об изменении климата. Кроме того, Европейский суд по правам человека неоднократно отказывался признавать существование автономного права на благоприятную окружающую среду, выводимого из других положений Конвенции [1, §52].

Однако, начиная с прецедентных решений по делам Пауэлл и Райнер против Великобритании [2, 1990] и Лопес Остра против Испании [3, 1994], Европейский суд сформировал так называемую «экологическую юриспруденцию», посредством которой он расширил защиту, предоставляемую Конвенцией на жертв экологических угроз. Суд считает, что в тех случаях, когда эти угрозы наносят ущерб эффективному осуществлению прав на жизнь и уважение частной и семейной жизни, гарантированных статьями 2 и 8 ЕКПЧ.

Тот факт, что Европейский суд основывал свои решения на эти две статьи Европейской конвенции, объясняется эволюционным толкованием этих положений. Такой подход позволил Суду определить не только «негативные обязательства», которые обязывают государства избегать любых действий, которые могли бы нарушить эти права, но и «позитивные обязательства», требующие от них осуществления соответствующих мер для обеспечения их эффективности. В частности, в некоторых решениях Суд подчеркивал обязательство государств защищать физических лиц от рисков, в том числе возникающих в результате загрязняющей деятельности третьих сторон [4, §52].

До вынесения решения по делу *Klima Seniorinnen* от 9 апреля 2024 года было не совсем понятно, можно ли распространить доктрину позитивных обязательств, разработанную в контексте ограниченных ситуаций, связанных с загрязнением окружающей среды, на такую системную проблему, как изменение климата.

Дело в том, что эта доктрина была разработана в отношении совершенно разных случаев, которые, тем не менее, характеризуются наличием четкой связи между конкретным источником риска (например, загрязняющей установкой) и вредом, причиненным определенным лицам (например, заболеванием). В таких обстоятельствах сравнительно легко привлечь государство к ответственности за непринятие необходимых мер для предотвращения ущерба. Изменение климата, с другой стороны, имеет особые характеристики, которые не вписываются в эту схему и значительно усложняют установление того, является ли обжалуемый ущерб результатом активного или пассивного поведения государства [5, с. 67].

Однако еще до того, как Европейский суд вынес решение по этому вопросу, некоторые национальные суды без колебаний выводили из статей 2 и 8 ЕКПЧ позитивное обязательство государства по борьбе с изменением климата. В частности, речь идет о деле *Urgenda*, которое в 2019 году рассматривал Верховный суд Нидерландов, который объявил о позитивном обязательстве Нидерландов внести свой вклад в борьбу с изменением климата и обязал парламент и правительство увеличить сокращение выбросов парниковых газов [6, 2019]. Вдохновленные этим прецедентом, истцы из нескольких европейских государств впоследствии использовали статьи 2 и 8 ЕКПЧ в качестве правовой основы, чтобы побудить национальные суды подтвердить существование позитивного обязательства, вытекающего из основных прав, в отношении климата [7, §37-67].

Решение по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz* против *Switzerland*, вынесенное Большой палатой ЕСПЧ 9 апреля 2024 года, подтвердило толкование, принятое некоторыми национальными судами. Как и в голландском деле *Urgenda*, в нем впервые прямо признается существование позитивного обязательства государств в соответствии с Конвенцией защищать людей от негативных последствий изменения климата. В частности, Суд заявил, что статья 8 ЕКПЧ охватывает «право отдельных лиц на эффективную защиту со стороны государственных органов от серьезного вреда их жизни, здоровью, благополучию и качеству жизни, вызванного неблагоприятными последствиями и рисками изменения климата» [8, §544]. Таким образом, данное положение соответствует позитивному обязательству государств «внести свой вклад в обеспечение такой защиты» путем принятия и осуществления мер, способных смягчить настоящие и будущие последствия изменения климата. Суд далее пояснил, что,

хотя выбор мер по реализации этого обязательства в принципе оставлен на усмотрение демократических властей, которые пользуются в этом отношении определенной свободой усмотрения, эта свобода не является неограниченной, и именно суды должны проверять, соответствуют ли меры, принятые политическими властями, правам, гарантированным Конвенцией [9, §543].

Хотя это решение не является окончательным ответом на многочисленные проблемы, которые климатический кризис ставит перед конституционными системами, тем не менее, оно представляет собой важный шаг вперед в защите экологических прав в Европе. Обязательство по защите климата, которое Европейский суд по правам человека в деле *KlimaSeniorinnen* вывел из статьи 8 Конвенции, также стало конституционным обязательством во многих национальных системах. Так, например, в Италии неисполнение позитивного обязательства, вытекающего из Конвенции, представляет собой возможное конституционное нарушение национального закона и является основанием для его отмены Конституционным судом [10, №79].

Анализ практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) свидетельствует о стремительной эволюции его подхода к вопросам изменения климата и роли государств в их решении. Несмотря на отсутствие в Европейской конвенции о правах человека прямого упоминания об охране окружающей среды, Суд последовательно расширяет сферу действия Конвенции, используя механизм позитивных обязательств и эволюционное толкование основных прав. Решение по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz v. Switzerland* закрепило правовой прецедент, согласно которому изменение климата признаётся не только экологическим, но и правовым вызовом, затрагивающим фундаментальные права человека.

Список цитируемой литературы

1. Европейский суд по правам человека. Постановление от 22 августа 2003 года «Дело Киртатос против Греции» (жалоба № 41666/98) // Официальные материалы ЕСПЧ. – § 52.
2. Европейский суд по правам человека. Постановление от 21 февраля 1990 года по делу «Пауэлл и Рейнер против Соединённого Королевства» (жалоба № 9310/81) // Официальные материалы ЕСПЧ.
3. Европейский суд по правам человека. Постановление от 9 декабря 1994 года по делу «Лопес Остра против Испании» (жалоба № 16798/90) // Официальные материалы ЕСПЧ.
4. Европейский суд по правам человека. Постановление от 22 августа 2003 года «Дело Киртатос против Греции» (жалоба № 41666/98) // Официальные материалы ЕСПЧ. – § 52.

5. Carducci M. Cambiamento climatico (diritto costituzionale) // Digesto delle discipline pubblicistiche. – Torino: UTET Giuridica, 2021. P. 67-89.
6. Urgenda Foundation v. The State of the Netherlands, Supreme Court of the Netherlands, 20 December 2019, ECLI:NL:HR:2019:2007.
7. J. Peel, H. Osofsky, « A Rights Turn in Climate Change Litigation? », Transnational Environmental Law. 2018. 7. Pp. 37-67.
8. Urgenda Foundation v. The State of the Netherlands, Supreme Court of the Netherlands, 20 December 2019, ECLI:NL:HR:2019:2007, para. 544.
9. Urgenda Foundation v. The State of the Netherlands, Supreme Court of the Netherlands, 20 December 2019, ECLI:NL:HR:2019:2007, para. 543.
10. Конституционный суд Италии. Решение № 79 от 28 марта 2022 г. по делу об усыновлении в особых случаях и признании родственных связей между усыновлённым и родственниками усыновителя // Официальный сайт Конституционного суда Италии. – URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI%3AIT%3ACOST%3A2022%3A79 (дата обращения: 14.04.2025).

Тураева Дагмара Саламбековна,
ассистент кафедры «Информационное право и юриспруденция»
Института цифровой экономики и технологического предпринимательства,
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова»
(Грозный, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты реализации демографической функции государства на территории России с IX по XVIII вв. На основе анализа нормативных источников, таких как «Русская Правда», Судебники XV–XVI вв., Соборное Уложение 1649 г., а также петровских реформ, исследуются правовые механизмы, направленные на регулирование семьи, брака, рождаемости, переселения и учёта населения. Особое внимание уделено роли церкви и изменению её положения в брачно-семейных отношениях. Делается вывод о постепенной эволюции правового регулирования и усилении роли государства в управлении демографическими процессами.

Ключевые слова: демографическая функция, правовое регулирование, «Русская Правда», Судебник, Соборное Уложение, переселение, брак, семья.

«Справедливость общечеловеческая, интергенерационная, исторически связывающая поколения людей отношениями, которые позволяют говорить в определённом смысле о единстве человечества. Согласно этому виду справедливости, каждое предшествующее поколение должно ради продолжения рода человеческого поставить на ноги последующую генерацию, своих детей и внуков, воспитать, дать им, не считаясь с трудами и затратами, порою в ущерб себе, всё, что нужно для будущей лучшей жизни» (Г.В. Мальцев) [1, с. 6].

Современные демографические вызовы, стоящие перед Российской Федерацией, вызывают необходимость обращения к историческим моделям правового регулирования воспроизводства населения. Демографическая функция государства традиционно охватывает совокупность норм, институтов и практики, направленных на увеличение численности населения, его охрану и воспроизводство. История российского государства с IX по XVIII вв. демонстрирует сложный и постепенный процесс формирования правовых основ этой функции.

На раннем этапе российской государственности основным источником права выступали обычаи, позднее зафиксированные в письменной форме в «Русской Правде». Этот памятник права, сложившийся в XI–XII вв., содержит положения, прямо или косвенно отражающие отношение к институту семьи и защите женского достоинства. Так, ст. 39 Русской Правды предусматривала наказание за умыкание невесты, похищение женщины с целью брака [2, с. 128].

Семья в Древней Руси выступала как хозяйственная и демографическая единица. Уже на этом этапе наблюдается стремление государства к охране брачно-семейных отношений. Принимая христианство в 988 г., Русь закрепляет религиозные нормы брака, вводя запреты на близкородственные браки и многожёнство, подчёркивая моногамию как основу репродуктивной и социальной стабильности [3, с. 122].

С усилением роли централизованной власти в XIII–XVI вв. усложняется структура правового регулирования, в том числе в сфере демографии. Принятый в 1497 г. Судебник Ивана III, а затем Судебник 1550 г. Ивана IV, содержали нормы, касающиеся брачных и наследственных прав. Например, ст. 60 Судебника 1497 г. устанавливала правила наследования при отсутствии сыновей, что опосредованно влияло на устойчивость семьи и её роль в передаче имущества [4, с. 91].

В этот период государство также стимулировало освоение новых земель. Переселенческая политика, хотя и не была закреплена в отдельных законодательных актах, реализовывалась на практике через поместную систему, при которой владельцы земель должны были привлекать население на свободные тер-

ритории [5, с. 195; с. 396]. Таким образом, демографическая функция проявлялась через механизм расширения землевладения и заселения.

XVII в. стал периодом систематизации правовых норм, в том числе касающихся населения. Главным сводом закона стало Соборное Уложение 1649 г., в котором отдельные статьи регламентировали семейные отношения, защищали честь женщин и права сирот. Глава XXII Уложения предусматривала наказания за прелюбодеяние, похищение женщин, а также устанавливались гарантии имущественных прав вдов и детей [6, с. 220]. Эти нормы свидетельствуют о более глубоком понимании важности семьи для общественной стабильности. Государство стремилось поддерживать традиционные формы брака, защищать нравственность и социальный порядок, что в свою очередь способствовало поддержанию рождаемости и сохранению населения.

В период царствования Петра I государственная демографическая политика приобретает черты централизованной стратегии. Основным инструментом государственного учёта населения стало введение подушной подати, реализованной с 1718 по 1724 гг. Это нововведение сопровождалось проведением ревизий в форме переписей мужского населения, на основе которых формировалась налоговая и военная система [7, с. 259].

Пётр I также проводил меры, направленные на увеличение численности населения. Среди них можно назвать ограничения на монашество для молодых мужчин, стимулирование ранних браков, введение санкций за холостую жизнь, что прямо свидетельствует о попытках вмешательства в «демографическое» поведение подданных [7, с. 259].

Кроме того, царь активно привлекал иностранных переселенцев, предоставляя им земельные участки и налоговые льготы, что способствовало увеличению населения в приграничных районах. Это также является частью демографической политики, направленной на освоение малонаселённых территорий и укрепление экономики [7, с. 259].

Церковь в России традиционно играла ведущую роль в регулировании брака. До XVIII в. именно духовная власть контролировала вступление в брак, его допустимость, вопросы развода и усыновления. Однако реформы Петра I изменили этот баланс. В 1721 г. был упразднён институт патриаршества и учреждён Святейший синод, подчинивший церковь государству [8, с. 253].

Одновременно начинается секуляризация брачно-семейной сферы. Вводятся светские нормы: устанавливается минимальный возраст вступления в брак, закрепляется необходимость согласия обеих сторон. Брак постепенно приобретает гражданский характер, а не исключительно религиозный. Эти реформы стали основой для дальнейшего развития светского семейного законодательства в России.

Таким образом, на протяжении IX–XVIII веков правовое обеспечение демографической функции государства в России прошло сложную эволюцию: от обычаев и норм «Русской Правды» до централизованных реформ Петра I. В различные периоды акцент делался на защиту семьи, поощрение рождаемости, регулирование переселения и учёт населения. Особую роль в формализации демографической политики сыграла церковь, чьё влияние в сфере семейных отношений сохранялось до XVIII в., после чего начало уступать позиции государству.

В целом, к концу XVIII в. сложились основы комплексного правового подхода к демографической функции, сочетающего организационно-правовые меры и религиозно-идеологические установки.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Справедливость возмездия и воздаяния: ретрибутивный подход // Социология власти. 2012. №2. С. 3-15.
2. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.
3. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М.: Эксмо, 2017. 800 с.
4. История государства и права СССР: в 2 ч. Ч. 1 / Под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1962. 679 с.
5. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 682 с.
6. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высшей школы. М.: МГУ, 1961. 444 с.
7. Павленко Н. И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1983. 591 с.
8. Карташёв А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М.: Терра, 1993. 685 с.

Агарков Денис Евгеньевич
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ РАКУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Автором в статье на основе анализа основе современного законодательства предпринята попытка выявить субъекты, инструменты и средства гарантирования единства экономического пространства Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическое пространство, единство, правовой принцип, конституционный строй, закон.

«Вера в экономику есть органическая часть нашего стремления к "материальному благополучию" человечества, она помогает людям продвигать свои интересы, но руководствоваться ею и воспринимать ее необходимо с учетом евангельской истины "не хлебом единым жив человек"» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 461)

Единство экономического пространства Российской Федерации выступает одним из принципов экономических основ конституционного строя и предполагает, что «Российская Федерация представляет собой состоящее из территорий ее субъектов пространство, на котором экономически функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, которые также предполагают единую инфраструктуру и проведение единой налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, обеспечивающей свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [3, с. 196-200].

В аналогичном ключе, с акцентом важности для федеративного государства, об этом принципе рассуждал М.В. Баглай. По его мнению, «конституци-

онный принцип, означающий общность правового регулирования и основных правил поведения людей в экономической сфере на всей территории государства. Он имеет особенно важное значение для федеративных государств, поскольку всегда существует практическая опасность расхождения законодательства федерации и ее субъектов, способного затруднить свободное перемещение товаров, капиталов и услуг и экономическую координацию в масштабах страны, нарушить равенство правовых условий для экономической деятельности и единый правовой статус граждан» [2, с. 155].

В России конституционная формулировка заявленного принципа включена в ч. 1 ст. 8 и выражена в том, что «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности»[1]. Как видим, правовая норма выдержана в гарантирующем ключе и в этой связи на основе действующего законодательства нами предпринята попытка выявить субъекты, инструменты и средства такого гарантирования.

Итак, согласно п. 2 ст. 18 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «Правительство Российской Федерации в области экономики… обеспечивает единство экономического пространства и свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств»[2].

Несмотря на то, что в приведенной норме указано обеспечение, мы относим Правительство Российской Федерации к субъектам гарантирования принципа единства экономического пространства. Данные тезис аргументируем словарной интерпретацией. Слово «обеспечить» определяют как «1) процесс снабжения кого-либо чем-либо в необходимом (достаточном) количестве; 2) возможность сделать что-либо реальным, выполнимым, действительным» [1, с. 47-51]. Таким образом, можно представить «обеспечение» в качестве «процесса, гарантирующего эффективное выполнение задач для достижения определенных целей» [1, с. 47-51].

Кроме того, дальнейший анализ законодательства позволил заключить гарантирующую роль российским Правительства заявленного принципа в определенной сфере, в частности, энергетической. Например, «до 1 января 2028 года в целях обеспечения безопасности Российской Федерации, защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц, обеспечения единства экономического пространства в сфере обращения электрической энергии Правительство

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 г.

[2] Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. 2020, 9 ноября.

Российской Федерации может устанавливать особенности осуществления на территории Донецкой Народной Республики прав собственников и иных владельцев объектов электросетевого»[1].

Аналогичные нормы присутствуют в законах для Луганской Народной Республики[2], Запорожской[3] и Херсонской областей[4].

Можем предположить, что к субъектам, гарантирующим рассматриваемый принцип относится глава муниципального образования. Это мы связываем с тем, что совершение главой муниципального образования действий, в том числе издание им правового акта, не носящего нормативного характера, влекущего нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу … единству правового и экономического пространства Российской Федерации, является основанием досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования по решению высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (ст. 21)[5].

Обеспечивать единство правового пространства могут не только представители публичной власти, но и предусмотренные средства и инструменты.

Так, ряд законов позволил нам сделать вывод о том, что сам законодательный акт обеспечивает единство экономического пространства. Назовем здесь ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ, согласно которой «Целями … Федерального закона являются: обеспечение единства экономического пространства в Российской Федерации путем установления требований к организации и осуществлению торговой деятельности»[6].

Подобная норма включена и в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[7].

Что касается иных средств, к примеру, в дефиниции опорной сети автомобильных дорог указано, что это «совокупность автомобильных дорог, обеспечи-

---

[1] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (ред. от 26.12.2024) // Российская газета. 2022, 6 октября.

[2] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» (ред. от 26.12.2024 г.) // Российская газета. 2022, 6 октября.

[3] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» (ред. от 26.12.2024 г.) // Российская газета. 2022, 6 октября.

[4] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» (ред. от 26.12.2024 г.) // Российская газета. 2022, 6 октября.

[5] Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. 2025, 26 марта.

[6] Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024 г.) // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

[7] Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 14.10.2024 г.) // Российская газета. 2006, 27 июля.

вающая бесперебойное движение транспортных средств, транспортную связанность территории Российской Федерации, единство ее экономического пространства»[1] (ст. 3).

Российское законодательство, формализуя определенные правоотношения, предписывает в их основе соблюдение принципа единства экономического пространства. В частности, целями Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» «являются развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение в Российской Федерации единства экономического пространства…»[2].

В аналогичном содержательном ключе ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»: «на территории Российской Федерации организации связи создаются и осуществляют свою деятельность на основе единства экономического пространства, в условиях конкуренции и многообразия форм собственности»[3].

В числе общих принципов организации экономических отношений в сфере электроэнергетики названо «единство экономического пространства в сфере обращения электрической энергии с учетом ограничений, установленных федеральными законами» (ч. 1 ст. 6)[4].

Дальнейших анализ показал на типичность формулировок, запрещающих нарушение принципа единства экономического пространства. К примеру, в ч. 4 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации легализована недопустимость установление «налогов и сборов, нарушающих единое экономическое пространство Российской Федерации и, в частности, прямо или косвенно ограничивающие свободное перемещение в пределах территории Российской Федерации товаров (работ, услуг) или финансовых средств, либо иначе ограничивать или создавать препятствия не запрещенной законом экономической деятельности физических лиц и организаций»[5].

В сопоставимом содержании ст. 4 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» также в качестве одного из принципов экспе-

---

[1] Федеральный закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025 г.) // Российская газета. 2007, 14 ноября.

[2] Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 26.12.2024 г.) // Российская газета. 2006, 15 марта.

[3] Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 26.12.2024 г.) // Российская газета. 2003, 10 июля.

[4] Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 25.10.2024 г.) // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024 г., с изм. от 21.01.2025 г.) // Российская газета. 1998. 6 августа.

риментального правового режима называет недопустимость нарушения единства экономического пространства на территории Российской Федерации[1].

Таким образом, исходя из осуществленного анализа российского законодательства следует, что формализованный конституционный принцип единства экономического пространства призваны гарантировать представители публичной власти (Правительство Российской Федерации, главы муниципальных образований), правовые средства (нормативные акты и запретительные нормы), иные неюридические средства и инструменты.

Список цитируемой литературы

1. Арзамаскин А.Н. Определение понятия «Правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. №6. С. 47-51.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 768 с.
3. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Комаров А.Г. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 196-200.

Аль Талабани Мохаммед Азад
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Ирак)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ СНГ

Аннотация. В статье на примере правовых актов СНГ, как региональной интеграции, рассмотрены правовые аспекты обеспечения безопасности лично-

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024 г.) // Российская газета. 2020, 6 августа.

сти в условиях цифровой трансформации; особое внимание уделено формированию единого цифрового правового пространства, обеспечивающего защиту фундаментальных прав и свобод человека.

Ключевые слова: права личности, информационная безопасность, правовое регулирование, цифровизация, СНГ.

«Основное назначение права – поддерживать и охранять порядок, который в основе своей наследуется обществом от прошлых поколений, базируется на исторических и культурных традициях, модернизируется лишь в тех пределах, которые не ставят под угрозу устойчивость системы».
(Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 47)

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни особую актуальность приобретает научное осмысление зарубежного опыта правового регулирования обеспечения безопасности личности. Полагаем, указанная тема требует всестороннего анализа не только с позиции защиты прав человека в условиях цифровой трансформации, но и с учетом наднациональных правовых усилий (Содружества независимых государств (далее – СНГ), опосредованных как общемировыми тенденциями, так и региональными интеграционными процессами.

Следует подчеркнуть, что современный этап глобального развития характеризуется сменой технологических укладов, тотальной цифровизацией общественно-государственных отношений, а также масштабной трансформацией социального порядка. Эти процессы сопровождаются не только прогрессивными изменениями, но и существенными рисками для правового статуса личности, включая вопросы информационной безопасности, защиты персональных данных, обеспечения конфиденциальности, свободы выражения мнения и других основополагающих прав и свобод личности.

В условиях, когда цифровые технологии проникают во все сферы жизни – от образования и медицины до государственного управления и трудовой занятости, – требуется не просто адаптация правовых норм, но и системная трансформация подходов к защите прав человека. Здесь особое значение приобретает концепция цифрового правового пространства, «формирующегося как совокупность согласованных, сбалансированных и совместимых правовых режимов, обеспечивающих устойчивую защиту прав личности в условиях цифровизации» [2, с. 90].

При этом важной характеристикой цифровой эпохи является мультиаспектное изменение модели взаимодействия между личностью и государством. Возникают новые форматы социальной самопрезентации, цифровой идентично-

сти, формы участия в публичной жизни (включая электронное голосование, цифровую петиционную активность), что требует нормативного закрепления новых правовых институтов и механизмов защиты. Более того, особую значимость приобретают вопросы цифровой автономии личности, включая такие аспекты, как право на информационное самоопределение, защиту от алгоритмической дискриминации, регулирование цифровой репутации и обеспечение права на «цифровое забвение».

В этом контексте представляется значимым изучение наднациональных норм стран СНГ, содержащих уникальные юридические подходы к институционализации и гармонизации законодательства в условиях общего правового и цифрового пространства. Следует отметить, что с момента образования Содружества Независимых Государств «как формы межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве, в рамках данного объединения сложился устойчивый вектор правовой интеграции, нацеленный на сближение правовых систем государств-участников» [1, с. 116]. Этот вектор подкрепляется как политико-правовыми актами, так и деятельностью специализированных органов.

Анализ действующих программных документов СНГ, в том числе Концепции дальнейшего развития Содружества от 18 декабря 2020 года[1], позволил сделать вывод о нарастающем значении унификации законодательства государств региона, особенно в цифровой сфере. В этом документе прямо указано на необходимость сближения правовых норм в ключевых сферах многостороннего сотрудничества, в том числе посредством использования общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 2.3). На наш взгляд, такое сближение особенно актуально в контексте правового регулирования цифровой среды, включая вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности личности.

Стратегия обеспечения информационной безопасности (от 25 октября 2019 года) предписывает необходимость нормативного обеспечения реализации фундаментальных прав граждан[2]. В частности, подчеркивается значимость прав на получение, хранение, распространение полной, достоверной и своевременной информации, а также защита персональных данных. Этот документ выводит информационную безопасность за рамки традиционно государственного интереса и рассматривает её как элемент конституционно-правового механизма, обеспечивающего защиту личной сферы, цифровой идентичности и информационной автономии граждан. Следует отметить, что тем самым информационная безопасность в правовом понимании тесно сопрягается с понятием цифровых

[1] https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6363#text (дата обращения 11.03.2025 г.).
[2] https://e-ecolog.ru/docs/mUnTBGPCVSS8fg2QpeBeO/full (дата обращения 11.03.2025 г.).

прав человека и требует соответствующей трансформации правовых механизмов их реализации и защиты.

Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в области обеспечения информационной безопасности отражает понимание цифровой среды как арены формирования новых вызовов, требующих совместного реагирования[1]. В правовой плоскости данный документ фиксирует необходимость использования информационно-коммуникационных технологий не только как инструмента модернизации, но и как средства противодействия угрозам безопасности (ст.ст. 2, 3 и др.).

С учетом изложенного, крайне важной задачей на уровне СНГ является разработка и внедрение модельного законодательства в области цифровых прав и информационной безопасности личности. Такой подход позволит не только устранить существующие правовые коллизии и несогласованности, но и обеспечить формирование общего цифрового пространства, в рамках которого будет реализовываться интеграционный потенциал Содружества. Уже сегодня Межпарламентская ассамблея СНГ предпринимает важные шаги в этом направлении – в частности, посредством принятия Хартии социальных прав и гарантий граждан СНГ, а также Модельного информационного кодекса, содержащих нормы о защите прав личности в цифровой среде.

Особого внимания требует обеспечение прав граждан в условиях массового использования технологий «больших данных». Создание таких инфраструктурных объектов, как Единый федеральный информационный регистр населения в России, требует разработки правовых механизмов надзора, аудита и экспертной оценки, направленных на предупреждение злоупотреблений и утечек данных. Межгосударственная координация в этой сфере должна быть усилена, особенно с учетом трансграничного характера цифровых угроз и глобальной природы цифровых платформ.

При этом необходимо учитывать и преодолевать существующие барьеры, среди которых: «недостаточная рецепция актов МПА СНГ в национальные законодательства; отсутствие унифицированных критериев и стандартов в сфере программного обеспечения и технических решений; повышенные риски в условиях централизации информационных ресурсов» [3, с. 108-114]. Эти проблемы подчеркивают важность своевременной правовой интеграции, направленной на защиту граждан и обеспечение устойчивого цифрового развития.

Таким образом, устойчивое развитие государств СНГ возможно только при условии соблюдения баланса между цифровой трансформацией и сохранением фундаментальных прав и свобод человека. Правовая модель будущего

[1] https://e-cis.info/upload/iblock/ec6/ec6f4d3aa5fa70a6035f045f4e840762.pdf?ysclid=m9u6iivbhc257180585 (дата обращения 11.03.2025 г.).

должна строиться на основе конституционной философии, исходящей из признания высшей ценности человека и его достоинства. Только при таком подходе возможно формирование эффективного, справедливого и устойчивого цифрового правопорядка, в котором безопасность личности будет гарантирована не декларативно, а посредством конкретных правовых институтов и механизмов, основанных на общих для государств СНГ принципах и ценностях.

Список цитируемой литературы

1. Комарова В.В. Правовое пространство СНГ: права человека в условиях цифровизации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. №. 1 (21). С. 115-120.
2. Смирных С.Е. Вопросы информационной безопасности стран Содружества Независимых Государств в международном публичном и международном частном праве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №. 2. С. 82-92.
3. Прокофьева Т.В. Совершенствование противодействия киберпреступности на пространстве содружества независимых государств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. №. 4 (849). С. 108-114.

Бархатов Егор Дмитриевич
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермский государственный национальный
исследовательский университет (ПГНИУ),
(Пермь, Россия)

ИНСТИТУТ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ МУЖЧИН: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы формирования института репродуктивных прав мужчин с учетом концептуальных и юридических проблем.

Ключевые слова: репродуктивные права, институт репродуктивных прав мужчин, традиционные ценности

«Ключевая проблема образования институтов права в развивающемся обществе состоит в обеспечении легитимности субъектов процесса, то есть юридического институтогенеза» (Г.В. Мальцев) [1].

«Современное общество стремительно развивается». Так говорят многие ученые. Действительно, создаются новые институты права. Право бессмысленно без человеческого общества, поскольку мы сами его придумали как инструмент сдерживания и компромиссов. Еще Т. Гоббс отмечал, что отсутствие всеобщей власти над людьми ведёт к полному хаосу [2]. Довольно смело и пессимистично выглядит утверждение, но мы пришли к полному декадансу семейных ценностей. Это произошло по нескольким причинам: экономический спад как Российской Федерации, так и мировой экономики в целом; создание мнимого образа «успешной жизни» и психологических тренингов, транслируемых мошенниками через социальные сети; нарастающая «война полов» радикально настроенных феминисток и абсурдных «мужских движений»; подложное отцовство; «однобокий» институт вспомогательных репродуктивных технологий; запредельное число расторжений брака; кишащие пробелами нормы об алиментных обязательствах и абсолютно несостоятельный в нынешнем обществе институт семейного права. На основании вышесказанного, смеем предположить, что современное общество не стремительно развивается, а стремительно деградирует. Мы считаем, что нужно бить тревогу.

Для достижения относительного успеха в борьбе с данным кризисом, общество должно осознать идею Категорического императива Канта: «поступай так, как бы ты хотел, чтобы поступали другие, на основе идеалов равенства и справедливости без извлечения личной выгоды» [3, с. 472]. Несмотря на то, что в семейном законодательстве Российской Федерации, брак позиционируется как добровольный, свободный и равный союз мужчины и женщины, мы не наблюдаем соблюдения принципов Преамбулы и Категорического императива на практике.

Что такое справедливость в праве и как ее понимать? Бернхард Сутор считал, что: «Справедливость нуждается в действующем праве, а оно в свою очередь зависит от минимальной степени воли в стремлении к справедливости у граждан» [4, с. 100]. С учетом современных тенденций, справедливости в обществе мы, предположительно, не увидим. Основу для понятия «справедливость» заложил Джон Роулз. Он считал, что нельзя назвать справедливым общество, часть членов которого получает меньше благ, чем остальные. Важен каждый человек, поэтому нельзя компенсировать чьим-то страданием выгоды для остальных. В этом контексте, примером служит ситуация перенасыщения общества «уязвимыми» группами. В итоге, все социальные группы населения оказались «уязвимыми», корме гетеросексуальных белых мужчин. Данную ситуацию можно назвать «эффект повестки».

Феминистская эпистемологиия критикует теорию справедливости Джона Роулза за то, что она не способна объяснить несправедливость и иерархию, за-

ложенные в семейных отношениях. Стоит отметить, что феминистская критика идей Роулза не учитывает факт, что брачно-семейные отношения напрямую регулируются государством. Более того, Роулз предполагал, что субъекты должны быть априори равными вначале во избежание ситуаций правового неравенства, но в брачно-семейных отношениях мужчина и женщина изначально неравны, ввиду их физических и физеологических гендерных характеристик. Роулз писал о том, что государство в спорных и конфликтных ситуациях не должно поддерживать ни одну из сторон. Требование нейтральности государства, как обобщение либерального принципа веротерпимости, является основополагающим признаком либерализма Роулза [5].

Несмотря на то, что равенства в семейном законодательстве нет априори, и данный факт послужил отправной точкой к вышеуказанной проблеме, государству необходим взвешенный механизм регулирования данных общественных отношений. Необходима грамотная реализация юридического институтогенеза, на основе существующей проблематики и общественных мнений. На территории Российской Федерации стремительно падает рождаемость. Государство делает все возможное для выхода из демографического кризиса. Агитация населения к созданию семьи в крайне невыгодных экономических условиях, введение льгот и преференций многодетным семьям на рынке недвижимости это лишь немногие примеры. Отметим также инициативы введения налога «на одиночество».

По сути своей, назревает биовласть. Реализация этой власти крайне тяжела, поскольку необходимо создать взвешенный и справедливый механизм сдержек и противовесов. Государство реализует техники дрессуры и муштры, призванные одновременно увеличить экономическую полезность тела и его политическую «послушность» [6, с. 231].

Рассуждая в ключе биовласти государства над обществом, можно отметить, что народ, по сути своей, не суверенный. Шмитт писал: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [7, с. 15]. Видя скачок биомедицинских технологий и радикальных социальных движений, государство предпринимает попытки законодательного регулирования нетипичных общественных отношений, жертвуя временем на общественное одобрение данных актов.

Технологический прогресс и развитие общества приводит к безумству населения и законов. Мы наблюдаем это сейчас. Агамбен писал: «Однажды человечество будет так же просто играть с законом, как дети играют с вышедшими из употребления предметами – не для того, чтобы восстановить их обычное использование, а для того, чтобы освободить их от пользы вообще» [8].

Действительно, что главный страх любого государственного механизма – это страх неизвестности. Некоторые современные технологии ведут именно к полной неизвестности, а в перспективе – к моральному разложению и уничтожению общества.

Возникает вопрос: «Как законодательно урегулировать возникшее социальное напряжение?»

Концепция репродуктивных прав мужчин стремится к определенной цели (Благу), направленной на защиту законных прав и интересов как биологических отцов и матерей, так и детей через формальное закрепление в нормативных правовых актах. С морально-этической стороны этот вопрос очень сложный, поскольку необходимо в полной мере учесть законные интересы матери ребенка, так и не пожертвовать интересами биологического отца.

В перспективе данная концепция содержит следующее:

1. Введение на конституционном уровне понятия «отцовство» как дополнение к ст. 38 Конституции Российской Федерации. Создание института отцовства наравне с материнством, учитывая физиологические особенности субъектов;

2. Отойти от презумпции отцовства. Рассматривать отцовство преимущественно в биологическом смысле, нежели в юридическом;

3. Изменить нормы об алиментных обязательствах на основании вышесказанного;

4. Реформирование института вспомогательных репродуктивных технологий на территории Российской Федерации, который также включает в себя крайне дискуссионные нормы об искусственном прерывании беременности женщиной.

5. Тотальный пересмотр семейного законодательства Российской Федерации, на основе всего вышесказанного.

Подводя итог, отметим, что необходимо обратить на данные проблемы внимание, со стороны государства. Отсутствие должной вовлеченности государства в брачно-семейных отношениях мужчин и женщин привели к законодательным пробелам, которые прямо морально разлагают общество, обесценивая тем самым политику сохранения традиционных ценностей. В любом случае, государству не удастся полностью урегулировать неравенство между мужчинами и женщинами в браке или нет, но концепция репродуктивных прав мужчин, предположительно, служит отправной точкой к решению вышеизложенных проблем.

«Каждому человеку приходится идти на компромиссы, потому что у него есть свой предел, и он должен реально смотреть на вещи» (Berserk, 1997. S1 E19).

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г. В. О формировании институтов права // Социология власти. 2009. № 6. С. 7–18.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России. Научная электронная библиотека.: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs Leviafan.pdf (дата обращения 20.03.2025).
3. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. 1442 с.
4. Сутор Б. Малая политическая этика // Политическая и экономическая этика; пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 365 с.
5. Litvinenko N.S. Kontseptsiya spravedlivosti Dzhona Rolza // Logos, 2006. №. 1. P 28. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/52/02.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
6. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Раздел 3. Дисциплина. М.: Ad Marginem, 1999. 518 с.
7. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-ц, 2000. 333 с.
8. Agamben, G. State of Exception. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 64. [Электронный ресурс]. URL: https://ratical.org/ratville/JFK/State-Of-Exception-Agamben-2005.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

Билык Кирилл Владимирович
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Симферополь, Россия)

Научный руководитель:
Нифанов Алексей Николаевич
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В данной статьей представлены результаты анализа конституционно-правовых норм, формализующих вопросы воспитания личности. Установлено конституционное многообразие заявленных положений – от субъективных прав и обязанностей граждан до обязательств различных уровней

публичной власти. Текущее законодательство конкретизирует конституционные векторы с учетом многообразия субъектов и объектов воспитательной деятельности.

Ключевые слова: воспитание, субъективное право, обязанность, государство, дети, родители.

«При помощи огромного множества разнообразных по виду и содержанию социальных норм можно создавать практически бесконечное число программ индивидуального и группового поведения, заменять неудачные формы деятельности лучшими, непрерывно совершенствовать стиль поведения и образ жизни общества» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 514.)

Воспитание относится к числу междисциплинарных феноменов, внимание которому уделяют науки социально-гуманитарной разновидности и педагогика. При этом важность воспитания в его различных ракурсах неоспорима – от конкретной воспитательной работы, «целью которой является формирование у детей системы определенных качеств, взглядов, убеждений»[1] [23, с. 23-28], до принятия на государственном уровне Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р).

В юридической науке сформирована теория правового воспитания[2] [3] [4] [5][6][20; 21, с. 179-182; 22; 24; 25] с собственными подходами, методологией к дефинированию и позиционированию. Вместе с тем, воспитание как многогранная деятельность является и объектом правового регулирования. В условиях новых вызовов и угроз с учетом национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г. [18], считаем обоснованным взглянуть под новым ракурсом на законодательную конкретизацию конституционного регулирования вопросов воспитания. В рамках данной работы исследовательское внимание уделим именно этому аспекту.

---

[1] Мудрик А.В. Воспитание: явление, институт, понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 1. С. 23-28.

[2] Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. 80 с.

[3] Губаева Т.В., Гумерова З.З. Правовое воспитание: парадигмальный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 179-182.

[4] Матевосова Е.К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 26 с.

[5] Организация и эффективность правового воспитания / ред-кол.: Керимов Д.А., Кобец Н.Г., Мицкевич А.В., Сухарев А.Я. М.: Мысль, 1983. 285 с.

[6] Правовая культура и правовое воспитание (проблемы соотношения): моногр. / под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2014. 201 с.

Итак, в актуальной редакции Конституции Российской Федерации воспитание упоминается 9 раз [1]. Далее приведем эти положения в совокупности с конкретизирующими их нормами текущего законодательства.

Так, в ст. 26 Конституции России легализовано право каждого на свободный выбор языка воспитания (ч. 2).

Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» упоминает воспитание в своей преамбуле, отмечая, что «государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности» [10].

Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» уточнят заявленную конституционную норму в части выбора языка воспитания (ст. 10). Так, «граждане Российской Федерации, относящие себя к определенным этническим общностям, имеют право на … выбор языка воспитания и обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации» [8].

В ст. 11 приведенного Федерального закона формализован механизм обеспечения национально-культурными автономиями права на выбор языка воспитания. В числе обеспечительных мер, например, создание частных дошкольных образовательных организаций или групп в таких организациях, воспитание в которых осуществляются на национальном (родном) языке.

В ст. 38 Конституции России воспитание детей обозначено равным правом и обязанностью родителей (ч. 2).

В контексте субъективных прав конституционно каждому гарантируется социальное обеспечение … для воспитания детей (ч. 1 ст. 39).

С позиции законодательства в плоскости субъективных прав легализованное право на эстетическое воспитание и художественное образование скорее является конкретизацией конституционного права на образование (ст. 13 Основ законодательства Российской Федерации о культуре) [17].

Важно, что в текущем законодательстве благоприятные условия воспитания граждан обеспечивают право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [14]).

В свою очередь Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» гарантийно устанавливает общие требования к организации воспитания обучающихся (ст. 12.1) [15]. В качестве приме-

ра, «воспитание обучающихся при освоении ими основных образовательных программ в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, осуществляется на основе включаемых в образовательную программу рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы, разрабатываемых и утверждаемых такими организациями самостоятельно, если иное не установлено настоящим Федеральным законом» (ч. 1) [15].

В Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» установлены санитарно-эпидемиологические требования к условиям отдыха и оздоровления детей, их воспитания и обучения (ст. 28) [11]:

– «в организациях отдыха и оздоровления детей, дошкольных и других образовательных организациях независимо от организационно-правовых форм должны осуществляться меры по профилактике заболеваний, сохранению и укреплению здоровья обучающихся и воспитанников» (ч. 1) [11];

– «программы, методики и режимы воспитания и обучения детей допускаются к применению при наличии санитарно-эпидемиологических заключений. Использование технических, аудиовизуальных и иных средств воспитания и обучения, учебной мебели, учебной и иной издательской продукции для детей осуществляется при условии их соответствия санитарно-эпидемиологическим требованиям» (ч. 2) [11].

Системообразующей, на наш взгляд, является ч. 4 ст. 67.1, появившаяся в обновленном тексте Конституции в 2020 г. В соответствии с ней государство создает условия, способствующие воспитанию в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Важно обязательство государства при обеспечении приоритета семейного воспитания, и обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Здесь целесообразно привести формализованные в Семейном кодексе Российской Федерации формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей (Раздел VI) [4]:

– выявление и устройство детей, оставшихся без попечения родителей (Глава 18);

– усыновление (удочерение) детей (Глава 19);

– опека и попечительство над детьми (Глава 20);

– приемная семья (Глава 21);

– устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Глава 22).

Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации определяет предназначение опеки и попечительства, а также условия их установления. В

частности, опека и попечительство над несовершеннолетними устанавливаются также в целях их воспитания (ч. 1 ст. 31) [2].

В продолжение приведенных норм положения Федерального закона от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», устанавливающие:

– «документированную информацию об условиях жизни и воспитания несовершеннолетних подопечных, которая создается в целях осуществления органами опеки и попечительства контроля за условиями содержания, воспитания и образования ребенка после передачи в семью в установленном порядке» (ст. 6.1) [12];

– «документированную информацию о гражданине, желающем принять ребенка на воспитание в свою семью, которая создается в целях учета сведений о таких гражданах в государственном банке данных о детях, обеспечения доступа таких граждан к содержащейся в региональном банке данных о детях и федеральном банке данных о детях документированной информации о детях, оставшихся без попечения родителей, а также оказания органами опеки и попечительства содействия таким гражданам в выборе детей, которых гражданин желал бы принять на воспитание в свою семью» (ч. 1 ст. 7) [12].

Еще в трех конституционных нормах вопросы воспитания распределены по уровням власти в федеративном государстве, а также в качестве конкретного объекта полномочий Правительства России.

Так, установление единых правовых основ системы воспитания и образования (п. «е» ст. 71) находится в ведении Российской Федерации. В совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся: общие вопросы воспитания (п. «е» ст. 72) и создание условий для достойного воспитания детей в семье (п. «ж.1» ст. 72).

Объективно, как за органом государственной власти универсальной компетенции, Правительству Российской Федерации адресовано создание условий для развития … воспитания экологической культуры (п. «е.6» ч. 1 ст. 114).

Как показал дальнейший анализ законодательства, приведенные нормы связаны между собой и это подтверждают установления Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», согласно которым Правительство Российской Федерации [2]:

– участвует в установлении единых правовых основ системы воспитания (п. 4 ч. 1 ст. 13);

– обеспечивает приоритет семейного воспитания детей (п. 2 ст. 15);

– обеспечивает создание условий для достойного воспитания детей в семье (п. 3 ст. 15);

– обеспечивает создание условий, способствующих … воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (п. 5 ст. 15).

В данном смысловом ключе и положения Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», легализующие полномочия различных органов публичной власти в сфере патриотического воспитания молодежи и духовно-нравственного воспитания молодежи (ст. 7.2) [16]. Например,

– «Правительство Российской Федерации утверждает комплекс мер по патриотическому воспитанию молодежи и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации и организует его реализацию» (п. 1 ч. 1) [16];

– «органы государственной власти субъектов Российской Федерации утверждают региональный комплекс мер по патриотическому воспитанию молодежи и духовно-нравственному воспитанию молодежи с учетом положений, предусмотренных комплексом мер по патриотическому воспитанию молодежи и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации, социальных потребностей молодежи, национальных традиций, региональных, местных и этнокультурных особенностей соответствующего субъекта Российской Федерации и организуют его реализацию» (п. 2 ч. 1) [16];

– «мониторинг эффективности патриотического воспитания молодежи и духовно-нравственного воспитания молодежи в Российской Федерации является частью мониторинга реализации молодежной политики и представляет собой деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о деятельности органов публичной власти и иных субъектов, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики, по патриотическому воспитанию молодежи и духовно-нравственному воспитанию молодежи в порядке, предусмотренном статьей 12 настоящего Федерального закона (ч. 3) [16].

В аспекте предметов ведения и легализации разновидностей воспитания, приведем ст. 14 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», посвященную военно-патриотическому воспитанию граждан. В соответствии с приведённой нормой, «Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления совместно с Министерством обороны Российской Федерации, иными федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых настоящим Федеральным законом предусмотрена военная служба, и должностными лицами организаций обязаны систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан» (ч. 1) [9].

Данное положение важно, поскольку «подготовка, полученная гражданами в военно-патриотических молодежных и детских объединениях, общественно-государственных организациях, осуществляющих военно-патриотическое воспитание и участвующих в развитии военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта, учитывается призывными комиссиями при определении вида и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации, а также других войск, воинских формирований и органов, в которых они будут проходить военную службу по призыву» (ч. 2) [9].

Кроме того, «финансирование деятельности по военно-патриотическому воспитанию граждан осуществляется за счет средств федерального бюджета. Дополнительное финансирование этой деятельности может осуществляться за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, средств местных бюджетов и внебюджетных средств с согласия собственников этих средств» (ч. 3) [9].

Как ранее нами заявлялось, воспитание позиционируется содержательно широким феноменом, опосредующим широкий круг его субъектов и объектов. Данное подтверждает и действующее законодательство. В частности, воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению, адресовано исправительным учреждениям (ч. 1 ст. 110 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации) [5].

В числе многочисленных субъектов воспитания граждан – политические партии. Это одна из основных целей их деятельности (ч. 4 ст. 3) [13].

Важность рассматриваемых вопросов подчеркивается установлением административной (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, 5.35 [3]) и уголовной ответственности (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [6]).

Таким образом, на конституционном уровне вопросы воспитания формализованы в различных структурных частях документа и связаны со всеми как с субъективными правами, обязанностями граждан, так и обязательствами различных уровней публичной власти. На наш взгляд, такой конституционный подход подчеркивает значимость вопросов воспитания личности, а законодательство конкретизирует его с учетом многообразия субъектов и объектов воспитательной деятельности.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
8. Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (ред. от 01.04.2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.
9. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
10. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
11. Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024 г.) // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
12. Федеральный закон от 16.04.2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 17. Ст. 1643.
13. Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
15. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
16. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024 г.) // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.
17. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 25.12.2023 г.) // Российская газета. 1992, 17 ноября.

18. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // 2015. № 23. Ст. 3357.
20. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. 80 с.
21. Губаева Т.В., Гумерова З.З. Правовое воспитание: парадигмальный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 179-182.
22. Матевосова Е.К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 26 с.
23. Мудрик А.В. Воспитание: явление, институт, понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 1. С. 23-28.
24. Организация и эффективность правового воспитания / ред-кол.: Керимов Д.А., Кобец Н.Г., Мицкевич А.В., Сухарев А.Я. М.: Мысль, 1983. 285 с.
25. Правовая культура и правовое воспитание (проблемы соотношения): моногр. / под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2014. 201 с.

Бойченко Елена Михайловна
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПОДХОДЫ К СТРУКТУРИРОВАНИЮ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и нормативные подходы к структурированию публичной власти в Российской Федерации. На основе анализа конституционных изменений 2020 года и актуальных научных дискуссий раскрываются особенности узкого и широкого понимания структуры

публичной власти. Автор делает вывод о необходимости комплексного, сбалансированного подхода к развитию публичной власти в современных условиях.

Ключевые слова: публичная власть, Конституция Российской Федерации, структура, государственная власть, муниципальная власть

«… юриспруденция вырабатывает свою систему категорий, отвечающую функциям права в части формализации поведения людей там, где это является необходимым. Общественный престиж права в огромной степени основан на его способности «держать форму» против всякой расслабленности и размягчения структур, аморфности безгранично свободных состояний, сопутствующих кризисам и социальному регрессу» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 429).

Конституционно-правовое оформление института публичной власти в Российской Федерации, осуществлённое посредством поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году, ознаменовало собой новый этап в структурировании системы управления государством. Данный процесс явился отражением как внутренней эволюции системы государственной и муниципальной власти, так и откликом на современные вызовы, требующие повышения эффективности публичного управления.

Следует отметить, что сама по себе категория «публичная власть» долгое время оставалась вне рамок конституционного регулирования, представляя собой, скорее, теоретико-доктринальную конструкцию. Внесение данного термина в Основной закон придало ему нормативную определённость, что, в свою очередь, вызвало необходимость переосмысления сложившихся в правовой науке и практике подходов к соотношению государственной и муниципальной власти. Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации, «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти», что стало принципиально новым положением, отражающим стремление к согласованному функционированию публичных институтов.

В этой связи представляется важным выделение двух основных подходов к пониманию структуры публичной власти: узкого и широкого. Узкий подход, отражённый, в частности, в статье 2 Федерального закона от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», исходит из идеи функционального объединения всех существующих органов государственной и муниципальной власти, взаимодействующих в пределах своих компетенций. В то же время широкий подход, представленный, например, К. И. Корсун, предполагает интеграцию в систему публичной власти не только органов власти, но и иных субъектов, оказывающих влияние на процессы государственного управле-

ния – политических партий, общественных объединений, консультативных и экспертных структур [1, с. 103].

В научной дискуссии наблюдается расхождение мнений относительно включения общественной власти в состав публичной. Так, В. Е. Чиркин придерживается позиции, согласно которой «публичная власть ограничивается исключительно государственными и муниципальными формами, ссылаясь на её публично-правовую природу» [2]. При этом А. Н. Чертков подчёркивает, что «исключение общественной власти из состава публичной подрывает её демократическую легитимность и идейную связь с принципом народовластия» [3]. Более того, интеграция структур гражданского общества в систему публичной власти позволяет повысить её эффективность, гибкость и соответствие общественным запросам.

Конституция России своей ст. 71 отнесла организацию публичной власти к исключительному ведению Российской Федерации, а положения статей 80 и 83 отразили ключевую роль Президента Российской Федерации в обеспечении согласованности в работе всей системы. В развитие этих положений были приняты два ключевых федеральных закона – от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» и от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», определившие состав и функции участников единой системы публичной власти.

Анализируя содержание этих актов, можно выделить три уровня системы публичной власти: федеральный, региональный и муниципальный, первые два из которых представляют ее государственную разновидность. В нормативной формулировке представлена совокупность органов, включая как традиционно определяемые органы государственной власти, так и «иные государственные органы». Именно эта категория вызывает значительную научную дискуссию. С одной стороны, «её бланкетный характер позволяет гибко адаптировать систему к реальным изменениям в публичной сфере» [4]. С другой – неопределённость перечня таких органов порождает опасения относительно чрезмерного расширения рамок публичной власти и включения в неё субъектов, изначально не обладающих необходимым публично-правовым статусом.

К числу подобных спорных субъектов можно отнести государственные корпорации, такие как «Ростех», или акционерные общества с государственным участием. Несмотря на то, что они нередко выполняют государственно значимые функции, их организационно-правовая форма и цели деятельности не всегда соотносятся с задачами защиты прав и свобод человека и гражданина, что прямо закреплено в Федеральном законе от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». В противоположность этому,

примером действительно интегрированного в систему «иного государственного органа» выступает Прокуратура Российской Федерации, обладающая чёткой публично-правовой направленностью своей деятельности.

Анализируя современную структуру публичной власти, нельзя не отметить рост значимости субъектов, официально не включённых в перечень государственных или муниципальных органов, но фактически реализующих властные полномочия. К ним относятся, прежде всего, государственные корпорации, акционерные общества с государственным участием, унитарные предприятия, а также иные субъекты, действующие в рамках модели «публично-частного партнёрства». Это явление можно объяснить распространением концепции New Public Management, получившей развитие в западных странах в 1980–1990-е годы, и акцентировавшей внимание на результативности, эффективности и децентрализации.

Однако данная модель не лишена недостатков, о чём свидетельствует переход ряда государств к концепции Good Governance, «предполагающей расширение участия граждан и общественных структур в принятии управленческих решений» [5]. Таким образом, актуализируется задача интеграции потенциала негосударственных институтов в процесс публичного управления на основе партнёрства и взаимной ответственности.

Особое внимание в современных реалиях заслуживает трансформация публичной власти на наднациональном уровне. В условиях усиления многополярности международных отношений возрастает значение союзных структур, таких как ОДКБ, ЕАЭС, Союзное государство России и Белоруссии [6]. Это требует выработки новых подходов к структурированию публичной власти, включающих не только вертикаль власти внутри государства, но и горизонтальные связи между субъектами в рамках межгосударственного взаимодействия.

Учитывая развитие конституционной доктрины и закрепление в Конституции России категории «единой системы публичной власти», целесообразно сформировать нормативно устойчивую модель, предполагающую дифференцированное, но согласованное функционирование всех уровней власти, включая федеральный, региональный и муниципальный. Особую роль здесь играет принцип «государственного единства», закреплённый как в преамбуле, так и в новой редакции статьи 67^1 Конституции Российской Федерации. Как подчёркивает М.В. Мархгейм, «конституционные положения, формализовавшие государственное единство, получили не только воспроизведение в качестве нормы высшей юридической силы, но и конкретизацию в государственно-территориальном и публично-организационном системных срезах» [7].

Таким образом, структура публичной власти в Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую в себя ор-

ганизационные, функциональные и содержательные подсистемы. Законодательно закреплённая модель задаёт институциональные рамки, однако реальная властная структура значительно шире и динамичнее. В перспективе развитие публичной власти в России будет зависеть от способности обеспечить баланс между централизацией и децентрализацией, государственным контролем и гражданским участием, национальными интересами и международным сотрудничеством.

Список цитируемой литературы

1. Корсун К. И. Публичная власть в Российской Федерации: структура, содержание, взаимодействие элементов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1(40). С. 103–104.
2. Чиркин В. Е. Конституционное право. М., 2013. С. 116-117.
3. Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19-23.
4. Полторацкая К. Б. Структура публичной власти как основа государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации : материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Омск, 2022. С. 298-302.
5. Саликов М. С. Трансформация института публичной власти в современной России: плюсы и минусы // Юридические исследования. 2023. №. 12. С. 1-14.
6. Мархгейм М. В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3(103). С. 24-31.
7. Мархгейм М. В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8(147). С. 66-72.

Бутов Андрей Юрьевич
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель
Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия
)

ПОНЯТИЙНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ «НАРОД»

Аннотация. В статье представлены результаты авторского анализа многообразия доктринальных подходов к определению категории «народ». Как итог предложено авторское видение комплексной характеристики народа в качестве национально-этнического, суверенно-пространственного и электорально-ценностного субъекта.

Ключевые слова: народ, многонациональный народ, государствообразующий народ, нация, гражданство.

«Недопустимость поворота к худшему – это неписанный правовой принцип, который не является универсальным для всех правовых сфер и ситуаций, но применяется там, где нужно предупредить, предотвратить незаслуженные утраты или ухудшение статуса лиц вследствие объективного изменения обстоятельств». (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 672-673)

В конституционном праве объясним непрекращающийся научный интерес к категории «народ». Вариативность конституционно-правовой легализации народа опосредует множественность доктринальных подходов к его определению и характеристике.

Предваряя специальные юридические интерпретации, приведем словарное определение народа как «населения государства, жителей страны; нации, национальности или народности; основной трудовой массы населения страны; людей, групп людей» [1]. Как видим, использован широкий содержательный подход, фактически отождествляющий различные по своей природе и характеристике феномены. Полагаем, такой подход неприемлемым для юридической науки. Хотя он и имеет место быть. В частности, С.А. Кузнецов «дает характе-

ристику понятию "народ" как населению той или иной страны, а также относит его к трудовой массе населения» [2, с. 597]. С позиции Д.Н. Ушакова народ и население являются тождественными с равным значением [3, с. 337].

Распространен подход, согласно право народов на самоопределение аффилируют с нацией. Так, М.В. Золотарева признает субъектом самоопределения именно нацию как совокупность граждан одного государства, независимо от их этнической принадлежности [4]. Полагаем, данный подход заслуживает самостоятельности и не приравнивает нацию к народу, хотя и акцентное внимание делает на гражданах одного государства, исключая этническую принадлежность.

Справедливо отметить усилия наднационального сообщества в попытке выработать юридически выверенную дефиницию народа, предпринятую в специальном докладе ЮНЕСКО. «В нем отмечалось, что "народ" есть группа людей, которые обладают многими или всеми следующими характеристиками:

a) общими историческими традициями,

b) расовой или этнической общностью,

c) культурной однородностью,

d) языковой общностью,

e) территориальными связями,

g) общей экономической жизнью» [5, с. 98-107]. Приведенные характеристики охватывают ретроспективные, национально-культурные и социально-экономические аспекты. Представляется, такой подход, может претендовать на универсальность в характеристике народа, но не способствует отграничению от смежных категорий.

Что касается современной конституционно-правовой науки, то мы разделяем высказанное мнение о целесообразности «говорить о широком и узком смыслах понятия "народ"» [6]. Так, Т.А. Дураев и Н.В. Тюменева предлагают в широком смысле народ определить совокупностью «людей, проживающих на территории одного государства, связанных с ним через гражданство (подданство), а также имеющих общность интересов. В узком смысле под народом понимают общность людей одной национальности, имеющих свой родной язык, обычаи и традиции. Таким образом, условный "водораздел" между аспектами одного понятия можно провести посредством национально-культурного критерия» [7, с. 570-578].

Обозначенный широкий содержательный подход разделяет Н.Н. Аверьянова: «Конституция России, безусловно, понимает в глобальном смысле всех граждан государства, которые в своей совокупности и составляют тот самый народ» [8, с. 40]. Аналогично мнение у С.В. Нарутто и Н.Е. Таевой [9, с. 92].

Крен в политическую плоскость у юридического содержания понятия «народ» (как субъекта конституционно-правовых отношений, в сугубо формально-юридическом значении), которое включает в себя всех граждан государства, наделённых активным избирательным правом [10, с. 14-18].

В данном же направлении мнение Д.А. Авдеева отмечающего, что народ следует трактовать как «совокупность граждан Российской Федерации, обладающих избирательными правами и свободами» [11, с. 49].

В критическом ключе приведем мнение Л.А. Нудненко. Она считает, что народ как субъект конституционно-правовых отношений проявляет себя в случае проведения референдума или выборов на федеральном уровне [12, с. 25]. Недостатком считаем отсутствие в ее определении критерия гражданства государства, а также указание на народовластные процессы только федерального уровня.

Обоснованы многочисленные интерпретации народа через конституционную формулу многонационального народа Российской Федерации как субъекта, который по Конституции России признан носителем суверенитета и источником власти в государстве [13, с. 110-112].

По мнению Р.М. Гибадуллина, Конституция 1993 г. содержит этатистское представление о российской идентичности в виде понятия «многонациональный народ», выражающего идею нации как надэтнической государствообразующей общности [14, с. 74-78].

Не исключая приведенные доктринальные подходы в науке конституционного права, все-таки базовым остается высказанная позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «многонациональный народ России представляет собой совокупность граждан различных национальностей и вероисповеданий, соединенных общей судьбой и сохраняющих исторически сложившееся государственное единство»[1].

Еще один распространенный подход к определению народа связан с его сопряжением с правовым режимом или правовым порядком. Для примера определение К.С. Гаджиева, который «под народом понимает совокупность людей, связанных в определенный стабильный порядок жизнеустройства единой и самостоятельной правовой системой» [15].

В данном же содержательном ключе определение народа «в виде общности граждан, связанных общим правовым режимом и согласием поддержать со-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона "О политических партиях" в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации "Православная партия России" и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

зданное и легитимированное им государство в целях достижения общего для всех интереса» [16, с. 85-88].

Мы уважительно относимся к каждому из приведенных подходов, однако считаем, что категория «народ» для раскрытия всех граней требует комплексного подхода. Здесь нам импонируют, к примеру, мнения С.А. Авакьяна и М.П. Фомиченко.

Так, «С.А. Авакьян, рассматривая [народ] с позитивистской точки зрения, настаивает на том, что именовать его необходимо именно народ (или многонациональный народ) Российской Федерации, дабы избежать путаницы в использовании терминологии. Народ, по мнению ученого, постоянно выступает в качестве субъекта конституционно-правовых отношений, т.к. фактически обеспечивает правовое состояние властвования; также имеет место и другое правовое состояние, в рамках которого народ является основой государства, последнее же служит народу; участвует в правоотношениях в случае принятия конституции государства» [17, с. 41].

Более структурировано мнение М.П. Фомиченко о том, что «российская Конституция в понятие "народ" вкладывает три базовых значения:

1) народ как политическая общность (многонациональный народ Российской Федерации), источник и субъект публичной власти;

2) народ как территориальная общность, как население определенной территории (п. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации);

3) народ как наднациональная политико-территориальная общность, обладающая правом на равноправие и самоопределение» [18, с. 7а].

На наш взгляд, с учетом отечественного конституционно-правового и многообразия доктринальных подходов народ целесообразно характеризовать как: национально-этнический субъект, суверенно-пространственный субъект и электорально-ценностный субъект.

Список цитируемой литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 70000 слов. М.: «Русский язык», 1993. 915 с.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
3. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современно русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
4. Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 1999. 150 с.
5. Журек О.Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 99. С. 98-107.

6. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1997. 716 с.
7. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Том14. № 3. С. 570-578.
8. Аверьянова Н.Н. Конституционная правосубъектность «народа» как обладателя права на землю // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 38-42.
9. Нарутто С.В., Таева Н.Е. Конституционное право России: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2022. 487 с.
10. Боков Ю.А. Об определении конституционно-правового термина «народ» // Юридическая наука. 2019. № 10. С. 14-18.
11. Авдеев Д.А. Российское конституционное право. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. 276 с.
12. Нудненко Л.А. Конституционное право России. М.: Юрайт, 2011. 581 с.
13. Докторова А.Т., Степанова А.А. Народ субъекта Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 110-112.
14. Гибадуллин Р.М. Постсоветский дискурс нации как проблема межэтнического единства России // Власть. 2010. № 1. С. 74-78.
15. Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: Гардарики, 1994. 400 с.
16. Саудаханов М.В. Народ в конституционном строе: теоретико-правовой анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 85-88.
17. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2010. 863 с.
18. Фомиченко М.П. Права народов: Российское измерение // Представительная власть. 2006. № 4 (70).

Гаврилина Татьяна Александровна
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Стерлитамак, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Юридического института НИУ БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА ДОСТУПА К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовых гарантий, закрепленных в конституционных актах некоторых государств. В статье раскрывается проблема равенства возможностей получения гарантированного права на высшее образование.

Ключевые слова: право на высшее образование, бесплатное высшее образование, равенство, недискриминация, гарантии.

«В принципе, все, что нужно интересу от права, – это усиливающие гарантии. Даже очень сильный в социальном плане человек не настолько силен, чтобы пренебречь юридической помощью, поддержкой права. Самый благоприятный с этой точки зрения вариант – тот, при котором интерес получает непосредственное выражение в субъективном праве» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 343).

Конституционные гарантии права на высшее образование представляют собой комплекс организационных, управленческих, правовых мер, направленных на создание условий получения высшего образования в соответствующем государстве.

Основная задача, которая ставится перед государством и его государственными органами, заключается в обеспечении доступности высшего образования и его качества, для чего создается соответствующая нормативная база.

Правовая регламентация реализации права на высшее образование формируется исходя из формы государственного устройства. В государствах с федеративной формой государственного устройства правовое регулирование бази-

руется на принципах распределения предметов ведения между федерацией и её федеральными территориями. Как правило, централизованное правовое регулирование содержит лишь общие контуры системы высшего образования, а сам законодательный массив децентрализован и представлен нормативными актами соответствующих земель (субъектов, штатов, территорий). Данная модель наглядно представлена в законодательстве Германии, Соединенных Штатах Америки, Бельгии и др.

В то же время в тех государствах, где сфера высшего образования отнесена к предметам совместного ведения федерации и её административных территорий, законодательная основа является более централизованной, и её архитектура более четко выражена. В качестве примера, следует указать правовое регулирование высшего образования в России, согласно ст. 72 ее Конституции, общие вопросы образования и науки находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов. Что касается унитарных государств, то коллизий правового регулирования между центром и муниципалитетами здесь мы также не обнаруживаем, образовательное законодательство является единым для всех территорий (например, Франция, Испания, Польша, Мальта и др.).

Хотя равноправие и социальная справедливость объявляются неотъемлемыми атрибутами демократического общества, в правовых системах многих государств отмечается неравенство возможностей при поступлении и обучении в университетах.

Гендерное равенство является одной из острых проблем высшего образования во многих странах. Вместе с тем большинство демократических государств не только провозглашают равенство прав мужчин и женщин в деле получения высшего образования, но и действительно не допускают дискриминацию по половому признаку. Во многих европейских государствах, странах Азии и Америки, женщины не испытывают трудностей при поступлении в высшие образовательные учреждения. Так, анализируя равенство доступа к высшему образованию в Англии, П. Болтон и Дж. Льюис установили, что у британских женщин гораздо больше шансов поступить в университет, чем у мужчин [1]. В то же время у мужчин больше шансов получить высококвалифицированную и высокооплачиваемую работу. Как указывают исследователи, средний заработок мужчин-выпускников примерно на 9% выше, чем у женщин, через год после окончания учебы [1].

Однако существуют государства, в которых женщины испытывают серьезную дискриминацию в области образования (Афганистан, Буркина-Фасо, Мозамбик, Чад, Нигер, Танзания). Доклад о глобальном гендерном разрыве за 2023 год показывает все ещё сложную ситуацию с женским образованием вообще [2].

К сожалению, позитивных изменений в ближайшее время в указанных странах ожидать не приходится.

Одна из проблем сегрегации лиц, желающих обучаться в высших учебных заведениях, связана с финансированием обучения. В политических и научных кругах регулярно ведутся споры относительно бесплатности высшего образования. Действительно, данные вопрос следует отнести к числу высокой дискуссионности.

Массовизация высшего образования напрямую коррелирует с финансовой аспектизацией. Исследование законодательства большинства государств демонстрирует, что государства не принимают на себя социальных обязательств в части обеспечения бесплатного высшего образования, поскольку это представляется сложно реализуемой задачей.

Потому востребованными оказались системы, в которых наряду с возможностями получить бесплатное высшее образование предоставляется и право обучаться на коммерческой основе.

Запрос общества о необходимости гарантирования бесплатного высшего образования, как правило, не принимает во внимание комплекс предпосылок, условий, необходимых для реализации данной цели, а также негативных последствий, которые могут быть весьма неожиданными.

В мире не мало государств, которые на законодательном уровне закрепили гарантии бесплатного высшего образования, среди которых присутствуют Аргентина, Бразилия, Венгрия, Греция, Исландия, Куба, Ливан, Польша, Саудовская Аравия, Турция, Уругвай, Финляндия, Чешская Республика, Шри-Ланка. В Германии существует номинальная плата за обучение, которая составляет сравнительно небольшую сумму от 60 до 400 евро в семестр. Аргентина, Куба, Норвегия и Финляндия предоставляют право получения университетского образования всем гражданам, получившим школьное образование. В большинстве же случаев, речь не идет о всеобщем доступе, государства с целью сбалансирования финансовой нагрузки на бюджет устанавливает определенное число мест, на которые осуществляет прием студентов на текущий период.

Обосновывая ошибочность представлений о равенстве применительно к бесплатному высшему образованию, А. де Гайардон (Gayardon, A. de), указывает, что внедрение бесплатного высшего образования является дорогим мероприятием, и при этом не гарантирует улучшения его доступности или качественности [3]. Политика гарантирования бесплатного высшего образования является эгалитарной и может создавать неравенство, тогда как те же усилия могут быть направлены на создание справедливых способов помочь студентам оплачивать высшее образование. Стоит признать в определенной степени оправданной такую точку зрения, поскольку не редко в университеты на бюджетные места по-

ступают лица, у которых имеется финансовая возможность оплачивать обучение. И наоборот, большое число абитуриентов и обучающихся испытывают сложности в этом вопросе и вынуждены отказываться от получения высшего образования именно по экономическим причинам.

Можно ли Россию отнести к странам, которые гарантируют бесплатное высшее образование? На этот вопрос следует ответить утвердительно, поскольку каждый абитуриент, успешно прошедший конкурсный отбор, получает доступ в высшее учебное заведение за счет средств государственного финансирования. Благодаря реализации комплекса мер Национального проекта «Науки и университеты» и государственной программы «Приоритет-2030» планируется повысить доступность бесплатного высшего образования (не менее 50 % выпускников школ, завершивших обучение по программам среднего общего образования, обеспечены бюджетными местами для очного обучения в образовательных организациях высшего образования) к 2030 году. Содержание бесплатного высшего образования, по мнению С.В. Демановой, включает разнообразные академические права, которые включают помимо права получать университетское образование без внесения платы со стороны обучающегося, также стипендиальную поддержку, возможность пользоваться информационными и библиотечными ресурсами, прочей инфраструктурой образовательного учреждения [4, с. 107].

В другой группе стран находятся государства, в которых либо вовсе отсутствуют какие-либо гарантии бесплатного высшего образования, либо основное финансирование производится за счет негосударственных средств. В качестве примера, стоит указать Южную Корею, в которой более 60 % расходов на высшее образование были получены из частных источников. Необходимо подчеркнуть, что уровень образования в Южной Корее имеет огромное социальное значение, а конкуренция за поступление в ведущие университеты является чрезвычайно высокой [5]. Именно поэтому студенты и их родители, которые финансируют обучение в высшем учебном заведении, крайне мотивированы, чтобы получить высшее образование.

В других странах, таких как Канада и Великобритания, высокая плата за обучение является препятствием для доступа к высшему образованию для молодых людей из семей с низким доходом [6, с. 37].

Необходимо указать на четкую закономерность социально-экономического статуса обучающегося с результатами обучения в университетах Англии, которую обнаружил П. Болтон и Дж. Льюис [1]. Данная закономерность демонстрирует, что студенты из районов с более высоким уровнем депривации, где существуют серьезные проблемы, связанные с удовлетворением основных потребностей, с большей вероятностью не завершают обучение в выс-

шем учебном заведении. Также существует четкая связь между депривацией – уровнем жизни и получением дипломов о высшем образовании первого или второго уровня (бакалавриат, магистратура) и переходом на высококвалифицированную работу или высшее образование. Учащиеся из районов с более высоким уровнем депривации имеют более низкие результаты, чем учащиеся из районов с низким уровнем депривации [2].

Сравнительные исследования показывают, что отбор студентов основан на принципе меритократии, который устанавливает прямую зависимость права обучения на наиболее престижных направлениях и способностей абитуриента, для чего в университетах проводятся вступительные испытания и конкурсный отбор [6, с. 35]. Меритократический принцип сводится к образовательной сегрегации, когда более способным и талантливым студентам предлагается обучение, соответствующее их уровню.

Отдельно следует указать на точку зрения П.М. Уайта и Д.М. Ли, которые проблему доступности высшего образования напрямую увязывают с географическим фактором, а именно удаленностью места жительства абитуриента до места расположения учреждения университетского типа. В своей статье авторы доказывают, что чем дальше в географическом аспекте проживает лицо, тем меньше статистическая вероятность поступления в высшее учебное заведение [7, с. 826-847]. Вместе с тем обратим внимание на такой важный аспект данной проблемы, как финансовая составляющая. Поскольку жители сельской местности обычно обладают меньшими материальными возможностями, необходимыми для обучения в высших учебных заведениях, постольку доступность данного уровня образования снижена. Тем самым следует констатировать географическое неравенство при реализации права на высшее образование.

Подытоживая, можно сделать вывод, что несмотря на четкую правовую закрепленность гарантий права на высшее образование в основном законе страны социально-экономические и географические факторы существенно влияют на реализацию указанного конституционного права.

Список цитируемой литературы

1. Bolton P., Lewis J. Equality of access and outcomes in higher education in England. UK Parliament Library. 2024. https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9195/

2. Global Gender Gap Report 2023. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf

3. Gayardon A. de. Free higher education: Mistaking equality and equity. International Higher Education, 2017: (91): 12-13.

4. Деманова С.В. Содержание конституционного права на получение бесплатного высшего образования в современной России. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2012;1:106-113.
5. 6. Mani D. Education in South Korea. Education system profiles. 2018, October 16. https://wenr.wes.org/2018/10/education-in-south-korea
6. Kamanzi P.C., Goastellec G., Pelletier L. (2021). Mass university and social inclusion: The paradoxical effect of public policies. Social Inclusion, 2021; 9(3): 32–43. https://www.researchgate.net/publication/353386308_Mass_University_and_Social_Inclusion_The_Paradoxical_Effect_of_Public_Policies
7. White P.M., Lee D.M. Geographic inequalities and access to higher education: is the proximity to higher education institution associated with the probability of attendance in England? Research in Higher Education. 2020; 61(7) : 825–848.

Гафуров Денис Витальевич
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ГАРАНТИЙ ПРАВ НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. Основываясь на результатах анализа научных и формальных источников, автором представлен территориальный аспект планирования в области здравоохранения в качестве элемента гарантирования конституционного права каждого на охрану здоровья.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, гарантирование права на охрану здоровья, здравоохранение, территориальное планирование

«…человеческие проекты, целевые программы создаются, как известно, ради определенных социальных потребностей и интересов. Образ правопоряд-

ка, спроектированный для будущего, формируется на базе знаний, отражающих динамику разнообразных потребностей и интересов, находящихся в области объективно-субъективного бытия, а также на основе чисто субъективных замыслов, желаний, намерений и иных волевых устремлений, которые во многом предопределяют нормотворческий процесс…» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 28)

Территориальное планирование является основной формой организации деятельности любой отрасли исходя из обозначения функциональных зон, на которых планируется размещение объектов федеральной, региональной или муниципальной формы собственности. Расположение медицинских организаций путем оценки основных критериев, направленных на повышение основных показателей, влияющих на здоровье населения, зависит от правильного планирования социальной инфраструктуры в области здравоохранения. Именно правильное территориальное планирование в области здравоохранения гарантирует гражданам России право на охрану здоровья.

Пристальное внимание, которое уделяется совершенствованию организации охраны здоровья в России, является существенным доказательством высокого значения данной сферы в социальном государстве. В системе нормативного правового регулирования конституционно закрепляются основные критерии и позиции, которые влияют на организацию доступной и качественной медицины.

В ст. 41 Конституции Российской Федерации правами и обязанностями наделяются сразу несколько субъектов: граждане, которым адресована бесплатная медицинская помощь на территории Российской Федерации и медицинские учреждения, которые непосредственно оказывают медицинскую помощь. Одновременно конституционной ст. 72 закреплено, что координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, входит в предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Важно отметить, что конституированные термины «доступность» и «качество» применительно к медицинской помощи являются основными индикаторами правильной организации системы здравоохранения.

Доступность медицинской помощи населению является важным принципом развития сильного социального государства, отражающего экономические возможности как для самой страны в целом, так и для отдельного гражданина. Доступная и качественная медицинская помощь занимает одно из ведущих мест в системе социальных благ современного общества [1].

Значение доступности медицинской помощи связано с обеспечением свободного доступа населения к медицинской помощи вне географических, экономических, социальных и языковых барьеров.

Обеспечение оказания доступной медицинской помощи населению является обязательством государственной системы здравоохранения, которое в равной степени должно быть реализовано на территории всех субъектов Российской Федерации.

Государственная политика в области здравоохранения направлена на достижение определенных индикаторов, отражающих здоровье граждан. Пристальное внимание государство уделяет территориальному планированию здравоохранения, с целью минимизации негативных факторов, представляющих угрозу для пациентов.

В этом контексте отметим, что на здоровье человека могут оказать влияние факторы, которые не находятся под контролем государства (генетическая предрасположенность к определенным заболеваниям, воздействие негативных условий жизни и т.д.). Следовательно, право на охрану здоровья является достижимым уровнем психофизического благосостояния, но не безусловным правом быть здоровым.

Одной из основополагающих целей территориального планирования в системе здравоохранения является организация необходимых условий, которые будут обеспечивать доступность оказания медицинской помощи населению, а также повысят значимость используемых ресурсов [2].

В соответствии со ст. 9 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ в ряду принципов территориального планирования – учет интересов граждан, обеспечение устойчивого развития территорий, в том числе социальной инфраструктуры. Доступность медицинской помощи является одним из важнейших факторов, учитываемых при разработке схем территориального планирования, содержащих в том числе сведения о размещении на соответствующей территории объектов здравоохранения.

Организация грамотного территориального планирования зависит от наличия необходимой социальной инфраструктуры в регионе. Под социальной инфраструктурой стоит понимать комплекс отраслей и видов деятельности, направленных на организацию доступной системы здравоохранения, образования, транспорта и т.д.

Термин «территориальное планирование» включает в себя два главных понятия: «территория» и «планирование». По определению авторов В.В. Побирченко и Е.А. Шутаевой, «под территорией следует понимать участок земной поверхности, имеющий на момент исследования поддающиеся определению природные, политико-административные и другие границы, географиче-

ское положение и обладающий определённым общественно-значимым потенциалом» [3].

Если мы дополняем данное понятие предметной областью, в нашем случае это здравоохранение, то понятие территориального планирования в области здравоохранения можно изложить так: территория, включающая в себя определенный участок, наделенный административно-правовым статусом, на котором располагается здание или комплекс зданий с целью оказания медицинской помощи.

По мнению авторов И.А. Деева, А.В. Поликарпова, О.С. Кобяковой и др., «использование при территориальном планировании … критериев при комплексной оценке размещения МО позволяет учитывать региональные климатические, географические, инфраструктурные, социальные и прочие особенности субъектов Российской Федерации» [4].

Также основные принципы, которыми необходимо руководствоваться при оценки территориального планирования, с учетом доступности и качества в области здравоохранения, закреплены в ст. 10 Федерального закона Российской Федерации от 23 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (ФЗ № 323). Указанной статьей к основным принципам отнесены: транспорт на доступность к медицинской организации; приближенность медицинской организации к месту жительства, работы, учебы; свободу выбора медицинской организации к ее прикреплению; кадровую оснащенность и преодоление кадрового голода по основным специальностям, необходимым для организации работы медицинского учреждения.

Для реализации вышеизложенных принципов приказом Минздрава России от 27 февраля 2016 г. № 132н «О Требованиях к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения исходя из потребностей населения» определены требования по транспортной доступности медицинской помощи в экстренной и неотложной формах, он перечисляет основные требования по обеспечению шаговой доступности медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. Также в приказе определены основные виды медицинских организаций и их структурных подразделений с указанием рекомендуемой численности обслуживаемого населения.

Более детально размещение медицинских организаций и их структурных подразделений в зависимости от численности населения и расстояния до ближайшей медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь, регламентировано приказом Минздравсоцразвития России от 15 мая 2012 г. № 543н «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению».

Определенное значение в разработке территориального планирования в области здравоохранения имеет Приказ Минздрава России от 6 августа 2013 г. № 529н «Об утверждении номенклатуры медицинских организаций», который определяет их по виду деятельности, а также по подчиненности и территориальному признаку (федеральные, региональные, муниципальные, межрайонные, районные, в том числе центральные, городские в том числе центральные).

При научном подходе к понятию территориального планирования в области здравоохранения необходимо обращать внимание на принципы построения территориальной системы управления качеством медицинской организации.

Так, по мнению А. Л. Линденбратена (и др.), «территориальная система управления качеством и безопасностью медицинской деятельности является применением «инновационных методов управления», базирующихся на компетентной стратегии», которая направлена на целесообразное построение маршрутной сети медицинских организаций [5].

В рамках анализа обстановки оказания медицинской помощи жителям, проживающим на определенной территории Российской Федерации, развитие социальной инфраструктуры является важным условием при планировании организации медицинской помощи населению, которому зачастую недоступно получение квалифицированных услуг в сфере здравоохранения «в шаговой доступности» в связи с отдаленностью населенного пункта от областных центральных организаций здравоохранения.

Доступность качественной медицинской помощи зависит от пропорциональной потребности в ней населения. Барьеры в организации своевременной доступной медицинской помощи напрямую усугубляют проблемы со здоровьем не только отдельного человека, но и населения в целом из-за отсутствия профилактических мероприятий по выявлению ранних форм заболеваний.

Сегодня здоровье граждан страны, включая средний уровень продолжительности жизни; технические инновации в области здравоохранения; успешность борьбы с ранее неизлечимыми болезнями; реализация профилактических мероприятий, направленных на снижение риска заболеваний и формирование иммунитета к возбудителю болезней, а также качество оказания медицинской помощи нуждающимся в ней напрямую определяет уровень развития государства.

В свою очередь, вышеуказанные критерии во многом зависят от государственной политики, направленной на территориальное планирование, определяющее доступность и качество оказания медицинской помощи в соответствующем регионе.

Таким образом, территориальное планирование в области здравоохранения в значительной степени влияет на реализацию конституционного права на охрану здоровья, так как является основным аспектом в организации медицинской помощи на территории России.

Список цитируемой литературы

1. Сметанин В. Н. Обеспечение доступности медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования // Актуальные вопросы современной науки. 2014. №34.
2. Качагин Е.А. Маркетинг территорий / Е.А. Качагин, А.Ю. Мартынова. – Ульяновск: УлГТУ, 2014. – 127 с.
3. Шутаева Е.А., Побирченко В.В. Территория как ресурс социально-экономического и общественного развития // Инновационная наука. 2016. №8-1.
4. Деев, А. В. Поликарпов, Н. А. Голубев И.В. [и др.] Оценка критериев, влияющих на размещение медицинских организаций в малочисленных и труднодоступных населенных пунктах. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22. № S9. С. 29-36.
5. Линденбратен А. Л., Лудупова Е. Ю., Гришина Н. К., Сердюковский С. М. Методические принципы управления качеством медицинской деятельности на территории // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. №5.

Гетьман Ксения Алексеевна
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель
Сафронова Елена Викторовна
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ГЕНЕЗИС НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ВОЗЗРЕНИЯХ Л.А. КАМАРОВСКОГО

Аннотация. Генезис науки международного права в России, произошедший во второй половине XIX века, связан с именами выдающихся юристов, среди которых Л.А. Камаровский занимает особое место. Русский правовед теоретизировал природу и предназначение международного права, выделяя различные подходы к пониманию международного права. Леонид Алексеевич рассматривал международное право как результат жизненных условий народов мира, подчеркивая его объективный характер по сравнению с моралью и политикой.

Ключевые слова: генезис науки, международное право, Л.А. Камаровский, международное общение, юриспруденция.

«Необходимо следить за системностью новаций, их последовательностью, объемом, который не должен превышать реальные возможности системы, не скатываясь к хаосу» (Г.В. Мальцев) [1, с. 196-197].

Проблема генезиса любой научной дисциплина тесно связана с обоснованием ее предметного статуса как обособленной сферы (отрасли) научного знания. Наука международного права возникала в разных странах не одновременно, отражая закономерности развития научного академического юридического знания. В России генезис науки международного права пришелся на вторую половину XIX столетия. Он был связан с именами выдающихся юристов-международников, среди которых особое место принадлежит фигуре Л.А. Камаровского. Труды Леонида Алексеевича заложили основы понимания международного права как обособленной системы юридического знания, способствуя его генезису как самостоятельной юридической дисциплины.

Для генезиса науки международного права в системе русской юриспруденции необходимо было создать теоретическую базу, которая бы обосновала существование международного права как самостоятельной системы правового знания. Также для становления науки международного права требовалось разработать методологический аппарат, поскольку метод обычно позволяет отличал одну научно-правовую дисциплину от других юридических наук.

Отправной точкой для рассуждений Л.А. Камаровского является его понимание предмета науки международного права как совокупности «юридических норм и институтов, определяющих взаимные отношения государств и их подданных» [2, с. 3].

Определение предмета науки – один из шагов на пути ее генезиса. В самом общем смысле предметом науки международного права является само международное право как таковое – социальное явление, отождествляемое с юридической формой системы международного общения государств. Однако понимание международного права также разнилось среди первопроходцев рассматриваемой научной дисциплины.

Л.А. Камаровский выделял четыре основных подхода к пониманию природы международного права, каждый из которых раскрывает различные аспекты его функционирования. Первый подход рассматривает международное право как систему юридических норм, которые регулируют отношения между государствами на высшем уровне международного взаимодействия. Второй подход заключается в том, что международное право изучает внешнюю сторону жизни

государств в их совместной деятельности как международного союза народов мира. Третий подход расширяет сферу действия международного права – оно регулирует не только поведение государств на мировой арене, но и отдельных лиц. Наконец, четвертый подход рассматривает международное право как универсальный свод правил сношения государств друг с другом, который не имеет национальной основы.

Леонид Алексеевич отмечает ошибку писателей исторического направления (представителей исторической школы права), и возражает против нее, указывая, что международное право представляет собой «цельную, стройную систему норм, которая не может быть различаема по различным эпохам истории человечества» [2, с. 4]. Здесь важно отметить, что Л.А. Камаровский не противопоставляет эти подходы жестким образом, скорее один подход позволяет выводить из него некоторые следствия, которые составляю существо другого подхода.

Л.А. Камаровский отмечал, что взаимодействие между племенами и народами существовало на протяжении истории, но не стало основой для международного права, так как основывалось на традициях и морали, не обладающих систематичностью. До появления международного права государства не осознавали общие интересы, что мешало созданию коллективных начал. Генезис международного права стал возможен только с пониманием государствами необходимости объединения своих интересов и подчинения воле коллективных принципов.

Анализируя систему международного права, Л.А. Камаровский выделял три основные области:

- Публичное международное право – регулирует отношения между суверенными государствами.

- Частное международное право, которое включает в себя гражданское и уголовное право.

- Социальное международное право – формируется в результате соглашений внутри отдельных международных союзов.

Камаровский Л.А. считал, что для генезиса науки международного права необходимы условия, при которых оно в принципе может существовать. Первым условием является наличие нескольких взаимодействующих друг с другом государств. Это взаимодействие создает основу для формирования международных отношений, которые требуют упорядочения. Идея всемирного государства (как одного целого) «должна быть признана вполне несостоятельной как на основании истории, так и в силу доводов разума» [2, с. 6].

Вторым условием является общность высокой культуры, связывающая эти государства. Культурное сходство ценностей разных народов способствует формированию общих представлений, которые могут быть положены в основу

международного права. Общая культура создает предпосылки для взаимопонимания между народами, что облегчает процесс согласования международных норм. Культурная общность также способствует развитию международного права как инструмента, отражающего общие устремления государств.

Третье условие – осознаваемая солидарность государств в деле достижения общих целей. Осознавая свою общую ответственность за мировое человечество, государства склонны к созданию правовых механизмов, которые укрепляют международный порядок. Такая солидарность становится движущей силой для развития международного права.

Камаровский Л.А. подчеркивал положительный характер международного права, рассматривая его как результат (продукт) жизненных условий народов мира. Он считал, что международное право возникает из необходимости регулировать отношения между государствами. Их взаимодействие требует наличия общих правил, которые могут быть признаны всеми участниками международного общения. Однако русский правовед также признавал, что нормы международного права, признанные всеми цивилизованными государствами (преимущественно европейскими государствами, из-за чего на первых порах наука международного права рассматривалась главным образом как европейское право или право общей «христианской республики» – общего правового пространства европейских христианских государств), все еще крайне несовершенны, неполны и непоследовательны.

Камаровский Л.А. обосновывал самостоятельный статус науки международного права, отграничивая его (международное право) от других форм социальной нормативности. Одним из отличий международного права от нравственности (морали) является его объективный и внешний характер. Международное право представляет собой систему формальных норм, которые регулируют отношения между государствами. Эти нормы имеют определенные источники и подлежат применению в соответствии с юридическими процедурами. Нравственность является внутренним порядком жизни человека, основанным на личных убеждениях и ценностях. Мораль не имеет формализованных механизмов принуждения.

Наконец, Л.А. Камаровский обосновал место международного права в системе юридического знания, что стало ключевым шагом на пути его признании как самостоятельной науки. Он доказывал, что международное право тесно связано с другими правовыми дисциплинами, однако при этом имеет свои уникальные характеристики. Правовед подчеркивал, что международное право выполняет функцию поддержания международного порядка мира, что выделяет его среди других отраслей права. Его теоретические разработки способствовали

интеграции международного права в общую структуру правовых наук в системе русской юриспруденции.

Камаровский Л.А. рассматривал международное право как уникальную систему, основанную на взаимодействии суверенных государств. Он подчеркивал, что в основе международного права лежит принцип суверенитета, который определяет, что каждое государство обладает верховной властью на своей территории и равноправно с другими государствами в международных отношениях. Не все участники международного общения суверенны в полном смысле слова – в мире еще встречаются отношения вассалитета и колониальной зависимости. По большей части эти примеры – «положения переходные, временные либо к полному слиянию, либо к совершенному отделению стран зависимых от их верховных правительств» [3, с. 16]. Здесь автором подразумевается процесс суверенизации.

Русский правовед также акцентировал внимание на роли обычаев формировании норм международного права. Он видел в международных обычаях выражение коллективной воли государств, которые, повторяя определенные практики, постепенно придают им юридическую силу. Договоры являлись более формализованным инструментом, который позволял государствам явно и конкретно закреплять свои обязательства на мировой арене.

Он считал, что принципы международного права (уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела и мирное разрешение споров) являются фундаментальными для общения народов на мировой сцене истории. Эти принципы не только направляют поведение государств, но и служат основой для разработки конкретных правил.

Здесь необходимо отметить, что, по мнению В.И. Лайтмана, одним из элементов учения Л.А. Камаровского было то, что «любое государство обладает независимостью, что предполагает исследование невмешательства как правового принципа» [4, с.119].

Иными словами, Л.А. Камаровский видел в международном праве лишь инструмент, служащий исключительно интересам суверенных государств. Однако такая интерпретация не в полной мере отражает взгляды Л.А. Камаровского. Хотя он действительно уделял значительное внимание роли государств, его работы также содержат идеи о необходимости международного сотрудничества и создания механизмов для мирного разрешения споров, что предполагает более широкое понимание международного права.

Таким образом, будучи одним из первопроходцев в области международного права в русской юриспруденции Л.А. Камаровский обеспечил генезис этой научной дисциплины, сформировав теоретические рамки ее функционирования как обособленной отрасли научного знания. Его теоретические разработки, ос-

нованные на анализе природы международного права, позволили не только определить предмет и метод этой науки, но и обосновать его место в системе юридического знания. Наследие Л.А. Камаровского продолжает оказывать влияние на современную науку международного права.

Список цитируемой литературы:

1. Мальцев Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой / Г. В. Мальцев ; Международный юридический ин-т при Министерстве юстиции Российской Федерации. – Москва : Международный юридический ин-т при Минюсте России, 2005. – 200 с. – ISBN 5-902416-06-X. – EDN QXJOLB.
2. Камаровский Л. А. Международное право. – Москва : Типо-литография Г.И. Простакова, 1905. – 118 с.
3. Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права // Ученые записки Императорского Московского университета. Вып. 10. – Москва : Университетская типография, 1895. – 207 с.
4. Лайтман В. И. Принципы невмешательства во внутренние дела государств и уважения прав человека: проблемы соотношения и взаимодействия // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2020. № 19(19). С. 116-125. – EDN ZHYTTK.

Дружинина Юлия Алексеевна
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В ОБЛАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ И КОСМЕТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматриваются юридические коллизии в области определения и разграничения косметологических и косметических услуг (в частности, пирсинг, татуаж, удаление волос, эпиляция). Также представлены определения ряда понятий, в числе которых юридическая коллизия, косметологическая услуга, косметическая услуга, дермальный татуаж, перманентный татуаж, косметический пирсинг, эпиляция. Сделан вывод, что о необходимости формирования единой терминологии в сфере регулирования исследуемых услуг.

Ключевые слова: косметологические услуги, косметические услуги, юридические коллизии, пирсинг, татуаж.

«Юридическая сверхрегламентация (так же как и дефицит права) приводит к результатам, прямо противоположным задачам правового регулирования в обществе. Огромная масса норм в той или иной сфере, разрозненных и слабо согласованных между собой, созданных в разное время и с разными целями, даёт возможность применяющим норму, придать любому своему решению своему решению юридически обоснованного. В итоге – резко снижается уровень управляемости и рациональности регулируемых социальных процессов…» (Г.В. Мальцев Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 367, 368)

В юридической науке есть несколько точек зрения на возможное толкование юридической коллизии (иначе именуемой рядом исследователей как «конкуренция правовых норм»). Так, Т.Н. Радько указывает, что «это всегда противоречие, конкуренция двух и более норм, претендующих на регулирование одних и тех же отношений, это также своеобразное противоречие, поскольку отсутствует чёткость, ясность решения возникшей проблемы; две нормы, конкурируя, порождают противоречие для правоприменителя» [1, с. 394]. Напалкова И.Г. оценивала юридические коллизии «как правовые явления, вносящие существенные дефекты в системное построение права, усложняющие правоприменение и снижающие юридическую эффективность» [2, с. 29]. Таким образом, юридические коллизии ведут к явно негативным последствиям будь то неопределённость или сложность в точной интерпретации применения норм, что особенно фатально в регулировании услуг, связанных со здоровьем человека.

Косметологические услуги согласно Приказу Минздрава России от 13 октября 2017 г. №804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» отнесены к числу медицинских, что указывает на необходимость получения лицензии их осуществлять. Такие услуги, опираясь на Приказ Минздравсоцразвития России от 18 апреля 2012 г. № 381н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю "косметология"», можно определить как комплекс лечебно-диагностических и реабилитационных мероприятий, направленных на сохранение или восстановление структурной целостности и функциональной активности покровных тканей человеческого организма (кожи и её придатков, подкожной жировой клетчатки и поверхностных мышц).

Косметические услуги, согласно ГОСТу 57137-2016 [3] относятся к бытовым непроизводственным – услугам, направленным на поддержание нормальной жизнедеятельности потребителя и удовлетворения его эстетических и духовных потребностей, частично связанных с изменением материальной основы. В частности, косметическая услуга (услуга по уходу за кожей лица и тела) – это физическое и химическое воздействия на кожу лица и тела, брови и ресницы клиента в целях их омоложения, а также придания лицу индивидуальной выра-

зительности с использованием средств декоративной косметики для удовлетворения эстетических потребностей клиента в соответствии с модой. Для реализации косметических услуг наличие лицензии не требуется.

В регулировании указанных услуг участвуют различные нормативные правовые акты, направленные в первую очередь на установление требований к безопасности их оказания, а также акты, определяющие их номенклатуру. И, если ряд услуг достаточно точно можно отнести к бытовым (например, услуги по маникюру, педикюру, макияж, услуги парикмахерских и т.д.), то ряд имеет разногласия, для наглядности представленные в табличном виде:

Сравнение номенклатур бытовых и медицинских услуг

№	Бытовые услуги (Номенклатура бытовых услуг [4])	Медицинский услуги (Номенклатура медицинских услуг)
1	96.02.13.116 Услуги по косметическому татуажу, пирсингу	А17.30.001 Дермапигментация (перманентный татуаж)
2	96.02.13.116 Услуги по косметическому татуажу, пирсингу 96.09.19.122 Услуги салонов татуировок, салонов пирсинга	А21.01.010 Пирсинг
3	96.02.19.112 Услуги по косметическому комплексному уходу за кожей тела, удалению волос с помощью косметических средств	А14.01.012 Проведение депиляции А14.01.013 Проведение эпиляции

Рассмотрим первое противоречие – татуаж. Согласно ГОСТу 55700-2021 [5] косметический татуаж – это услуга косметического характера и назначения по удовлетворению эстетических потребностей клиента путём введения пигментов под кожу человека. При этом отмечается, что татуаж, тату и татуировка – это синонимы. Косметический татуаж имеет две вариации: эпидермальный и дермальный.

Эпидермальный татуаж в наиболее простом объяснении характеризуется понятием «временная татуировка». Дермальный татуаж – технология косметического татуажа, выполняемая профессиональным инструментом через эпидермальный слой кожи с введением в собственную дерму на кончике иглы специальных пигментов для перманентного татуажа (т.е. долговременного), художественной татуировки, камуфляжного татуажа (т.е. с целью камуфляжа эстетических дефектов кожи лица или тела).

Дермапигментация (перманентный татуаж) же есть медицинское вмешательство инвазивного характера (т.е. связанного с проникновением через кожу), применяемое для косметологической коррекции нарушений и дефектов тканей путём введения красящих веществ (пигментов) в слой кожи, называемый дер-

мой. Верховный Суд Российской Федерации при этом также отмечает в своём Решении от 06 марта 2023 г. № АКПИ23-79 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующей номенклатуры медицинских услуг, утв. приказом Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н), что не всякая услуга, поименованная в Номенклатуре медуслуг, является исключительно медицинской. В частности, дермопигментация имеет рекомендованные медицинские показания: косметологическая коррекция врождённых или приобретённых дефектов внешности пациентов, таких как шрамы и рубцы, образовавшиеся вследствие травм, ожогов, операций, стрии (участки растяжения кожи), гиперпигментированные или депигментированные участки кожи.

Таким образом, и дермальный татуаж, и дермапигментация связаны с проникновением в кожу красящего пигмента и перманентностью (долговременностью эффекта), однако цели проведения процедур отличны: дермальный татуаж направлен на эстетическое усовершенствование, дермапигментация – на коррекцию дефектов внешности. При этом не понятна граница между, например, камуфляжем эстетических дефектов кожи лица и тела (относится к бытовой услуге) и коррекцией врождённых и приобретённых дефектов (относится к медицинской услуге). Различие также осложняется тем, что в настоящее время применяется множество терминов, которые подразумевают примерно одно и тоже: перманентный татуаж, перманентный макияж, камуфлирование, микроблейдинг (микропигментирование), пудровое напыление, дермография, дермопигментирование, полуперманентный татуаж и т.д. Такое разнообразие обусловлено, с одной стороны, способом нанесения пигмента, видом усовершенствования (например, маскировка белых пятен, шрамов или оформление бровей), с другой стороны, маркетинговым ходом – путем переименования процедуры с целью формирования «нового» продукта и последующего привлечения клиентов. Однако такая путаница в терминологии ведёт к сложности разграничения услуг, подлежащих лицензированию, к безопасности их оказания и проблематичности защиты прав потребителей.

Далее рассмотрим пирсинг. Согласно ГОСТу 59454-2021 [6] косметический пирсинг – это услуга по установке специальных украшений в мягкие ткани ушных раковин, хрящевые участки носа и ушных раковин, а также в кожные складки тела с целью удовлетворения эстетических потребностей клиента. Понятия медицинский пирсинг законодателем не дано. Конечно, можно предположить, что к нему, например, могут относиться перфорация ушей для установки слуховых аппаратов или катетеризация вен, то есть, согласно логике данной в решении Верховного Суда Российской Федерации от 06 марта 2023 г. № АКПИ23-79, различие между косметическим и медицинском будет состоять

в цели проводимой процедуры – эстетическое усовершенствование или наличие медицинских показаний к такому вмешательству.

При этом, как справедливо отмечают П.С. Кудашева и Ю.С. Поваров, ввиду популярности пирсинга у несовершеннолетних «перечень косметологических услуг не должен сужаться в пользу бытовых, особенно учитывая провозглашённый законодателем приоритет охраны здоровья такого пациента. Даже несмотря на простоту вмешательства и наличие медицинской квалификации персонала, организационный компонент процедуры, имеющий место при оказании медицинской услуги (обязательное лицензионное требование), не менее значим для безопасности здоровья ребёнка» [7, с. 23].

Далее – удаление волос. Согласно ГОСТу 55321-2023 [8] удаление нежелательных волос – это процедура, проводимая с помощью горячего, тёплого или холодного воска, сахара, шёлковой нити, пинцета, мёда, иначе, согласно Решению Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № АКПИ19-639 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующей номенклатуры медицинских услуг, утв. приказом Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н» – услуга по шугарингу, восковой и механической коррекции волосяного покрова проблемных зон, с использованием парфюмерно-косметических средств немедицинским персоналом. Эпиляция же услуга, осуществляемая в медицинских организациях с использованием лекарственных средств и медизделий медицинскими работниками. В данном случае, Верховный Суд Российской Федерации апеллирует к тому, что внесение эпиляции в Номенклатуру медуслуг направлено на обеспечение таких основных принципов охраны здоровья, как приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, её доступность и качество медицинской помощи. Данное решение было вынесено на иск, в котором истец ссылалась на то, что медицинская услуга как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направлены на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение, поскольку эпиляция как процесс удаления волос с кожи человека не может быть отнесён к медицинской услуге, а рост волос является естественным процессом жизнедеятельности организма человека и не включён в перечень заболеваний человека, предусмотренный Международной классификацией болезней (МКБ-10).

В связи с этим обнаруживается явное противоречие: Верховный Суд Российской Федерации при регулировании татужа апеллирует именно к цели оказываемой услуги, разграничивая эстетическое усовершенствование или устранение дефектов внешности, при удалении же волос – акцент сделан на безопасности оказываемой услуги. Более того, такие судебные решения, как известно, носят ориентировочный характер и не могут применяться как обязательные.

Итак, правовое регулирование косметических и косметологических услуг в настоящее время можно назвать разобщённым. При общих попытках регулирования косметических услуг национальными стандартами и толковании Верховным Судом Российской Федерации косметологических услуг сохраняется конфликт терминов, используемых при их определении. В связи с чем видится необходимость в формировании единой терминологии в сфере регулирования данных услуг.

Список цитируемой литературы

1. Радько Т.Н. Теория государства и права. Учебник. М.: Юнити-Дана. 2004. 496 с.
2. Напалкова И.Г. Юридические коллизии в нормативно-правовой сфере: проблемы определения понятия и классификации // Вестник юридического факультета Южного фед. ун-та. 2021. Т.8. №1. С. 25-29.
3. ГОСТ Р 57137-2016. Национальная Российская Федерация. Существование стандарта обслуживания населения. Термины и определения: Приказ Росстандарта от 11.10.2016 № 1356-ст. М.: Стандартинформ, 2016.
4. Об утверждении собирательной классификационной группировки видов экономической деятельности «Бытовые услуги» к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и собирательной классификационной группировки продукции (товаров и услуг) «Бытовые услуги» к Общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008): Приказ Минпромторга России от 10.05.2016 № 1471 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 22.08.2016. №34.
5. ГОСТ Р 55700-2021. Национальный Российский стандарт. Услуги бытовые. Косметический татуаж. Общие требования: Приказ Росстандарта от 23.04.2021 № 276-ст. М.: Стандартинформ, 2021.
6. ГОСТ Р 59454-2021. Национальный Российский стандарт. Услуги бытовые. Косметический пирсинг. Общие требования: Приказ Росстандарта от 23.04.2021 N 277-ст). М.: Стандартинформ, 2021.
7. Кудашева П.С., Поваров Ю.С. Особенности оказания эстетических медицинских услуг несовершеннолетним пациентам // Актуальные проблемы правоведения. 2021. №1 (69) С. 19-24.
8. ГОСТ Р 55321-2023. Национальный Российский Стандарт. Услуги по населению. СПА-услуги. Общие требования: Приказ Росстандарта от 18.07.2023 № 555-ст. М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

Елизаров Евгений Дмитриевич
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западного государственного университета
(Курск, Россия)

СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и содержания учредительного юридического процесса как одной из форм позитивной юридической деятельности в системе публичной власти. На основе анализа научной литературы и категориального аппарата общей теории права уточняется понятие «сущность» применительно к юридическим процессам, выделяются признаки, позволяющие определить специфику учредительного процесса в отличие от иных разновидностей юридических процедур. Автор раскрывает содержание учредительного процесса как совокупности стадий создания, реорганизации и ликвидации государственных органов и должностных лиц, описывает его процедурно-процессуальную форму, субъектный состав, цели, результаты и особенности юридических дел. Формулируется определение учредительного юридического процесса как нормативно закреплённой организационно-правовой деятельности управомоченных субъектов, направленной на формирование структуры публичной власти.

Ключевые слова: учредительный процесс, юридический процесс, публичное право, сущность, содержание, организационно-правовая форма, юридическая процедура.

«Ключевая проблема образования институтов права в развивающемся обществе состоит в обеспечении легитимности субъектов процесса, то есть юридического институтогенеза. Она требует определенности в отношении тех, кто должен создавать институты, кто участвует в их конструировании, кто отвечает за качество институтов и надлежащее их функционирование в общественной жизни» (Г.В. Мальцев) [1, с. 7].

Как представляется, прежде чем приступить к непосредственному исследованию сущности учредительного юридического процесса (далее – учредительного процесса), целесообразно уяснить значение самого понятия «сущность», особенно в контексте правовой науки. Это тем более важно, что в научных публикациях термин часто используется без пояснения, как нечто само со-

бой разумеющееся. Между тем, сущность – одна из ключевых категорий общей теории права, без понимания которой невозможно полноценное исследование.

Согласно словарному определению, сущность – это: а) «самое главное и существенное в чём-либо, внутреннее содержание, суть»; б) «внутренняя основа предметов, определяющая их глубинные связи и отношения, которые обнаруживаются и познаются в явлениях» [2, с. 314].

Следовательно, для выявления сущности явления необходимо установить его характерные признаки. В науке подчеркивается, что сущность проявляется через совокупность устойчивых признаков и свойств [3, с. 11, 54; 4, с. 282]. Керимов Д.А. в этом контексте предлагает рассматривать сущность как совокупность юридически значимых черт и характеристик правового явления [5, с. 42].

Нередко в научной литературе в качестве синонима сущности используется категория «природа». Словари определяют природу как внутреннюю основу, сущность чего-либо. По мнению И.С. Куксина, категории сущности и природы тождественны и взаимозаменяемы в правовой теории [6, с. 75]. Тем не менее, в настоящем исследовании предпочтение отдано термину «сущность», который будет раскрыт через выделение признаков учредительного процесса.

Первое существенное обстоятельство, которое необходимо учитывать при анализе сущности учредительного процесса, заключается в том, что он представляет собой разновидность юридического позитивного процесса. Второе обстоятельство связано с его специфической структурой: учредительная деятельность включает в себя три элемента – создание, реорганизацию и ликвидацию государственных органов и должностных лиц. Эти компоненты формируют основу соответствующего правового механизма, который по своей природе не является монолитным, а состоит из логически взаимосвязанных, но самостоятельных юридических процедур.

Учредительный процесс завершается принятием соответствующего правового решения (акта), оформляющего результат – учреждение, изменение или прекращение деятельности государственного органа. При этом каждая стадия учредительного процесса имеет свою специфику, но все они направлены на достижение одной цели, что предполагает существование единого правового механизма, основанного на диалектической взаимосвязи этих процедур.

Изучение признаков учредительного процесса основывается на анализе научных подходов к характеристике юридического процесса в целом. Явич Л.С. подчёркивал, что сущность правовых явлений скрыта под внешними проявлениями, и задача науки состоит в выявлении этих глубинных характеристик [7, с. 24]. В отечественной теории права юридический процесс описывается через совокупность признаков: правовая регламентация, стадийность, участие управо-

моченных субъектов, завершённость в форме правового акта [8, с. 51–65; 9, с. 19; 6, с. 17; 10, с. 17].

Особенности учредительного процесса проявляются в следующем: а) он представляет собой результативную, правовую, целенаправленную деятельность, основанную на нормах права; б) характеризуется специфическим субъектным составом, в который входят органы государственной власти, должностные лица, общественные объединения, а также иные управомоченные субъекты [11, с. 5]; в) основан на процессуальных правовых отношениях, возникающих на базе организационно-правовых норм [12, с. 204]; г) обладает целевым назначением — достижение итогового результата в виде создания, реорганизации или ликвидации органа власти [13]; д) результат выражается в конкретном правовом акте, имеющем нормативную силу; е) предметом рассмотрения в данном процессе выступают особые юридические дела, отличающиеся от споров и правонарушений своей конструкцией и целеполаганием; ж) процесс имеет оригинальную процедурно-процессуальную форму, где преобладают организационные процедуры, направленные на правовую реализацию актов учредительного характера.

На основании проведённого анализа предлагаем следующее определение: сущность учредительного юридического процесса заключается в процедурно-процессуальной деятельности управомоченных субъектов, направленной на создание, реорганизацию и ликвидацию государственных институтов. Данный процесс представляет собой нормативно закреплённую форму организационно-правового воздействия в системе публичного управления и должен быть признан самостоятельной категорией общей теории права.

В свою очередь, содержание учредительного юридического процесса позволяет охарактеризовать его как специализированную разновидность юридического процесса, обладающую собственными признаками, функциями и значением в системе права, особенно в рамках реализации публичной власти, и включает в себя цель, результат, субъектный состав, процессуально-правовые отношения, результаты в виде соответствующих правовых актов.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. О формировании институтов права // Социология власти. 2009. № 6. С. 7-18.

2. Словарь русского языка. Т. 4. М., 1984.

3. Беляев В.П., Беляева Г.С., Ларина О.Г. Юридическая деятельность и ее процессуальное оформление: общетеоретические аспекты. Монография. Курск: ЮЗГУ, 2015. 182 с.

4. Беляева Г. С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281-293.
5. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 471 с.
6. Куксин И.С. Юридический процесс, сущность и значение // Современная право. 2008. № 6. С. 75-78.
7. Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юрид. лит., 1982. 175 с.
8. Теория юридического процесса / под общей ред. проф. В.М. Горшенева, Харьков: Высшая школа, 1985. 192 с.
9. Краснов Н.И., Иконицкая И.А. Процессуальные вопросы советского земельного права. М.: Наука. 1975. 150 с.
10. Грешнова Н.А. Принцип состязательности в юридическом процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015 26 с.
11. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Вып. 1. Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1979. С. 5-10.
12. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М.: Норма, 2003. 233 с.
13. Мызникова Е.А. Цели в праве и правовые цели: категориальное соотношение // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 6 (55). С. 118-122.

Карпенко Татьяна Николаевна
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Тонков Евгений Евгеньевич
профессор кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор педагогических наук, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ПРАВОЗАЩИТНАЯ МИССИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК

Аннотация. Основываясь на анализе научных и формальных источников, акцентирована правозащитная миссия юридических клиник. Сделан вывод о роли юридической клиники, которая создает необходимые условия для реализации права граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, способствует повышению уровня социальной защищенности граждан и обеспечению их доступа к правосудию.

Ключевые слова: конституционное право, юридическая клиника, квалифицированная юридическая помощь, негосударственная система бесплатной юридической помощи.

«Подобно субъективному праву, а зачастую вместе с ним, законный интерес обеспечивается правовыми гарантиями… Объем и количество гарантий определяются в ходе правовой институционализации на стадии правотворчества, от них напрямую зависит эффективность прав и законных интересов в качестве юридических институтов» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 371).

Конституция Российской Федерации[1], закрепив человека, его права и свободы в ранге высшей ценности, а государство определив обязанным субъектом в части признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2), содержит конкретизирующие эти императивы нормы, способы и средства. В их числе квалифицированная юридическая помощь, которая представлена в ст. 48 в качестве и права, адресуемого «каждому», и гарантии ее получения. Уточняющим конституционным положением является то, что в предусмотренных законом случаях «юридическая помощь оказывается бесплатно».

Отсутствие закрепленного на законодательном уровне определения понятия «квалифицированная юридическая помощь» создает повод для научных дискуссий.

Так, Ботнев В.К. в своем исследовании, опираясь на мнения ученых о данной категории, указывает, что «квалифицированная юридическая помощь – это активная интеллектуальная деятельность специалиста в области права, направленная на достижение положительного результата для доверителя, оказанная с обязательным соблюдением профессиональных стандартов и этических норм» [1, с. 67].

Кулеш Е.А. отмечает, что «квалифицированная юридическая помощь всегда оказывается лицами, имеющими высшее юридическое образование и определенные навыки, знания в области юриспруденции, появившиеся в результате хотя бы минимального опыта работы в данной сфере» [2, с. 194].

На данный момент на законодательном уровне исключительно адвокатская деятельность определяется как квалифицированная юридическая помощь несмотря на то, что адвокаты – не единственные субъекты оказания юридической помощи.

---

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

В приведенных определениях акцентировано внимание на наличии высшего юридического образования у лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь. Применительно к деятельности юридических клиник, в работе которых участвуют непосредственно обучающиеся по юридическим специальностям, находящиеся лишь в процессе получения высшего образования, под руководством опытных наставников, появилось свое определение понятия «квалифицированная юридическая помощь».

После того, как 30 сентября 2022 года Ассоциация юридического образования одобрила Стандарты деятельности юридических клиник при оказании бесплатной юридической помощи, вузы-члены Ассоциации стали руководствоваться данными Стандартами. Согласно Стандартам, «Квалифицированная юридическая помощь – юридическая помощь, содержание которой соответствует нормам и принципам права, действующим в момент ее оказания, направленная на реализацию или защиту прав, свобод и законных интересов лица, намеренного их реализовать или защитить, оказанная в разумный срок при соблюдении норм профессиональной этики»[1].

Можно заключить, что квалифицированная юридическая помощь не всегда оказывается специалистами с высшим юридическим образованием. Однако, роль наставничества со стороны юристов-профессионалов, осуществляющих контроль за качеством выполненной работы, имеет важное значение как для результата работы с обращением нуждающихся в юридической помощи, так и для процесса обучения будущих юристов. Стандарты деятельности юридических клиник при оказании бесплатной юридической помощи являются первый шагом на пути к определению требований к качеству работы юридических клиник.

В целях создания условий для реализации указанных конституционных положений действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»[2] (далее – Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ), закрепляющий гарантии реализации права граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи и организационно-правовые основы деятельности участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи по правовому информированию и правовому просвещению населения.

Согласно вышеуказанному федеральному закону, к участникам государственной системы бесплатной юридической помощи в соответствии с данным законом отнесены органы исполнительной власти федерального и регионального уровней, органы управления государственных внебюджетных фондов, госу-

---

[1] https://codolc.com/files/b7/79/b779de04903a5a3f8cecc9611bfdb670.pdf.

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 24.06.2023 г.) // СЗ РФ. 2011 г. № 48 ст. 6725.

дарственные юридические бюро и адвокаты. Негосударственная система формируется на добровольной основе и состоит из негосударственных центров бесплатной юридической помощи, создаваемых некоммерческими организациями, профессиональными объединениями юристов, и юридических клиник, создаваемых образовательными учреждениями высшего профессионального образования.

Говоря об отличиях этих двух систем, заслуживает внимания мнение Васильева А.А., утверждающего, что «с помощью государственной системы бесплатной юридической помощи государство предоставляет квалифицированные юридические услуги как непосредственно (например, через государственные юридические бюро), так и опосредованно (например, путем финансирования предоставления таких услуг адвокатами). В рамках же негосударственной системы бесплатной юридической помощи обязанность государства сводится к обеспечению и поддержке деятельности негосударственных субъектов бесплатной юридической помощи» [3, с. 11].

Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ определены виды бесплатной юридической помощи, к которым отнесены правовое консультирование в устной и письменной формах, составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях. Данный перечень не является исчерпывающим, так как законом допускается оказание и иных видов бесплатной юридической помощи, не запрещенных законодательством Российской Федерации.

Статья 20 вышеуказанного федерального закона закрепляет категории граждан, имеющих право на получение квалифицированной юридической помощи на безвозмездной основе. Однако, субъектам Российской Федерации предоставлено право расширить данный перечень не в противоречие с нормами федерального законодательства. Так, согласно данным, размещенным на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации, за 2022 год в число граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, вошло 34 018 744 человека (32 247 307 человек – в 2021 году)[1].

Кроме того, в последнее время наблюдается тенденция увеличения количества обращений граждан за бесплатной правовой помощью, о чем свидетельствует статистика, приведенная Министерством юстиции Российской Федерации: «в 2022 году бесплатная юридическая помощь оказана только в 735 618 случаях (в 2021 году – 366 088), из них 283 851 (в 2021 году – 264 435) государственными юридическими бюро и адвокатами (158 596 случаях государственными юридическими бюро, 125 155 – адвокатами), 80 928 негосударственными

[1] Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru. (дата обращения: 01.05.2023).

центрами оказания бесплатной юридической помощи (в 2021 году – 61 068), 38 835 юридическими клиниками (в 2021 году – 39 585)»[1].

Из всех субъектов, наделенным правом оказывать бесплатную правовую помощь особый интерес представляют юридические клиники. Их уникальность состоит в том, что они создаются на базе высших учебных заведений в виде структурных подразделений или научных центров, а к оказанию бесплатной правовой помощи допускаются обучающиеся под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование.

Судя по данным, размещенным на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации, на сегодняшний день в России насчитывается всего 217 юридических клиник[2]. С целью реализации Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ данное ведомство наделено полномочием по ведению и размещению в сети Интернет списка юридических клиник всех субъектов Российской Федерации[3].

Важным отличием юридический клиник от других субъектов бесплатной юридической помощи является то, что данные подразделения имеют сразу две цели: обучение студентов навыкам практической работы и предоставление социально незащищенным слоям населения правовой помощи на безвозмездной основе [4, с. 68]. По-нашему мнению, ни одна из этих целей не может признаваться приоритетнее другой.

В рамках реализации задач и функций, возложенных на юридические клиники, в Белгородской области сложилась практика заключения договоров о сотрудничестве с органами публичной власти и организациями, среди которых Уполномоченный по правам человека, прокуратура, федеральная служба судебных приставов, АНО «Центр развития юридических клиник» и др.

Цели данного сотрудничества, как правило, включают:

– создание условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой, как мы уже отмечали, бесплатно в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации;

---

[1] Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru. (дата обращения: 01.05.2023).

[2] Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru. (дата обращения: 01.05.2023).

[3] Приказ Минобрнауки России от 28.11.2012 № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи»: зарегистрировано в Минюсте России 19.12.2012 № 26198 // Российская газета. № 298. 26 декабря 2012 года.

– формирование и развитие государственной системы бесплатной юридической помощи, а также содействие развитию негосударственной системы бесплатной юридической помощи и ее поддержке со стороны государства;

– создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию.

Соглашения между юридическими клиниками и соответствующими органами и организациями могут определять следующие формы взаимодействия: организация тематических встреч обучающихся с их сотрудниками с целью повышения уровня знаний студентов по конкретным вопросам юридической практики; привлечение представителей органов и организаций к проведению научно-практических конференций, семинаров; совместные приемы граждан с действующими сотрудниками для разрешения наиболее сложных юридических вопросов, изложенных в обращении; организация выездных занятий, встреч обучающихся с сотрудниками органов и организаций с целью приближения процесса обучения к практике работы, разъяснения законодательства и др.

Отметим, что общественно полезная деятельность юридических клиник не ограничивается предоставлением гражданам правовых консультаций и составлением документов. Немаловажным направлением деятельности данного подразделения является правовое просвещение населения, направленное на формирование правильного, позитивного отношения к закону, правопорядку, правовым и иным институтам современного государства и общества в соответствии с Конституцией России.

Осознавая важность правового информирования, юридические клиники выступают организаторами занятий, направленных на повышение правовой грамотности, которые, как правило, проводятся для несовершеннолетних обучающихся общеобразовательных учреждений и высших учебных заведений, а также лиц пожилого возраста.

Подводя итог изложенному, отметим, что бесплатная юридическая помощь представляет собой важный инструмент, необходимый для обеспечения реализации общезначимого принципа справедливости и конституционной защиты прав и свобод человека и гражданина, преимущественно для той их категории, кто не имеет возможности оплатить услуги юриста.

Будучи включённой в осуществление правозащитной миссии, юридическая клиника содействует реализации конституционного права каждого на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, повышению уровня социальной защищенности и обеспечению доступа к правосудию.

Учитывая, востребованность юридических клиник, в качестве рекомендации может служить идея увеличения числа юридических клиник и поддержки их развития со стороны государства.

Список цитируемой литературы

1. Ботнев В.К. Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина: Дис. … докт.юрид.наук. Москва, 2013. 329 с.
2. Кулеш Е.А. Право на бесплатную юридическую помощь и право на квалифицированную юридическую помощь: соотношение и практическая реализация // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 192-194.
3.Васильев А.А. Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Саратов, 2012. 26 с.
4. Закомолдин Р.В., Закомолдин А.В., Гончарова К.С. К вопросу о выстраивании системы бесплатной юридической помощи населению // Юрист. 2022. № 6. С. 67-74.

Киреев Кирилл Петрович
аспирант кафедры конституционного и международного права Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О РАЗНОВИДНОСТИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. В работе на основе теоретических аргументов представлено авторское обоснование сопоставления наблюдения в публично-правовых отношениях со сложной разновидностью института права.

Ключевые слова: наблюдение, отрасль права, отрасль законодательства, правовой институт, институт законодательства.

«Институт как регулятор несет в себе гораздо большую мощность, чем отдельная правовая норма… Институты позволяют организовывать регулирование на более высоком качественном уровне, чем это возможно при многих других видах факторного и нормативного регулирования» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 396).

Выработанные в юриспруденции теоретические позиции и законодательные установления способствуют корреляции наблюдения с публично-правовыми отношениями. Вместе с тем, как нами было замечено, правовые нормы о наблюдении, а также их научное исследование характерны и для частных отраслей законодательства и права. В этой связи представляется целесообразным обоснование формирования сложного правового института наблюдения. В пользу данного тезиса приведем ряд теоретических аргументов.

Конечно, и в настоящее время актуальна мысль Л.И. Дембо, высказанная им еще в середине прошлого века о том, что в литературе «принято злоупотреблять этим термином, применять его очень широко, к любому правовому явлению, не вкладывая в этот термин по существу какого-либо конкретного содержания» [1 4, с. 88-98]. Однако, полагаем, наблюдение в его множественном проявлении в рамках различных отраслей права и законодательства, как раз является самостоятельным правовым явлением, подлежащим институционализации.

Определение правового института, данное Л.И. Дембо отличается широким содержанием и сведено к совокупности норм, очерчивающих определенное «типизованное правоотношение» [1 4, с. 88-98]. Хотя «в советской правовой науке наблюдается сложившаяся традиция, в соответствии с которой юридический институт определяется как структурный элемент системы права (в том числе правовых отраслей и подотраслей)» [2, с. 101-104].

К примеру, с позиции В.С. Якушева, правовой институт образует «основанная на законе совокупность норм, призванных регулировать в рамках предмета данной отрасли права определенное, обладающее относительной самостоятельностью общественное отношение, а также связанные с ним производные отношения» [3 15, с. 66].

Сохраняется данный подход и в настоящее время. В частности, Е.А. Джалилова определяет правовой институт как «основанную на законе совокупность норм, призванных регулировать в рамках предмета данной отрасли права определенное, обладающее относительной самостоятельностью общественное отношение, а также связанные с ним производные отношения» [4 5, с. 22-31].

В подобном варианте в числе признаков правового института называют: «комплексность, сферу воздействия, систематизацию норм по предмету регулирования, единство и законодательный замысел, структурность» [4 5, с. 22-31].

На наш взгляд, современные правовые институты не следует сопоставлять исключительно с конкретной отраслью права или законодательства. В этой связи в доктринальном аспекте нам более импонирует определение правового института в качестве «специфического комплекса правовых норм, расположенных в определенной системе и обособленных единством правоотношения (разновидностью общественных отношений), а именно режимом (предметом, методом и принципами) правового регулирования» [2, с. 101-104]. При таком подходе авторы считают, что «основным и главным критерием обособления норм права в отдельный институт является наличие особой совокупности однородных отношений, определяющих специфику правовых норм, выделяющую их и одновременно придающую им внутреннее юридическое единство, поскольку без соответствующих отношений необходимость конструирования того или иного юридического института теряло бы смысл. В этой связи юридический институт позволяет объединить содержание позитивного права (норм права), реализацию субъективного права и соответствующие общественные отношения, подлежащие правовому регулированию» [2, с. 101-104].

Как пример содержательно широкой интерпретации – определение правового института как «норм права, обеспечивающих относительно законченное регулирование в пределах определенного участка общественных отношений данного вида или рода» [5 11, с. 145]. На данное определение обратил внимание А.Ф. Малый, комментируя, что оно «позволяет учитывать при характеристике института в системе права и законодательства не только предмет и метод правового регулирования, но и определенным образом систематизированные нормативные правовые акты, в т.ч. и их иерархию. Возможно, данная позиция в ближайшее время станет доминирующей. В научном плане данная конструкция позволяет соединить содержание права (институт права) и его форму (институт законодательства)» [6 7, с. 91-96]. Нам представляется высказанное мнение перспективным в части разрешения вопросов сопоставления институтов права и законодательства.

Хотя справедливо отметить и сторонников сопряжения правового института с нормативным правовым актом или его частями. К примеру, С.А. Костишина указывает, что «в настоящее время главным критерием признания самостоятельности института права служит наличие консолидирующего элемента в виде отдельного нормативного правового акта или его обособленного раздела» [7 6, с. 80].

Однако мы все-таки склоняется к противовесу концепции формализации –

«идее об определяющем значении в институциональном процессе содержательного компонента» [4 5, с. 22-31].

Как справедливо отмечает А.Ф. Малый, «нормы, образующие конкретные правовые институты, могут содержаться в различных источниках права, а не только, например, в нормативных правовых актах» [6, с. 91-96].

В рамках противоположной содержательной концепции «создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя» [8 3, с. 82] и «правовые институты формируются и развиваются параллельно с нормативными правовыми актами, в отдельных случаях определяя их структурные особенности» [9 13, с. 357].

Завершая теоретическое исследование институтов права, целесообразно обратить внимание на их разновидности для сопоставления с предлагаемым нами правовым институтом наблюдения.

Итак, в юридической науке традиционно выделяют «специальные / простые (призваны регламентировать определённые общественные отношения, как однолинейное развитие событий) и общие / сложные (включают в себя несколько специальных правовых институтов) институты права» [4 5, с. 22-31].

В рамках еще одной классификации правовые институты подразделяют на унитарные и комплексные. При этом, дискуссия ведется вокруг последней разновидности, поэтому и в настоящее время «в юридической литературе широко обсуждается вопрос о существовании комплексных отраслей и комплексных институтов. Одни ученые придерживаются мнения о существовании в структуре права как комплексных институтов, так и комплексных отраслей, другие – отвергают идею существования комплексных отраслей» [10 8, с. 357-362]. Хотя комплексные институты в той или иной форме упоминались уже с середины XX столетия [11 1; 12 9; 13 12, с. 42-45].

Для уяснения содержания комплексного правового института обратимся к его отличительным признакам, выделенным В.М. Сырых: «1) нормы одной отрасли права применяются в другой отрасли; 2) нормы закрепляются, как правило, в источниках отрасли, которая их заимствует; 3) нормы проходят существенную переработку, модификацию применительно к специфике предмета и/или метода заимствующей их отрасли; 4) нормы применяются только в пределах одной, заимствующей их отрасли права» [14 10, с. 22-27].

В дополнение указывают, что «выделение комплексных правовых институтов в структуре системы права связано, безусловно, с возникновением смежных, пограничных общественных отношений, которые не могут быть урегулированы нормами только одной из отраслей права, и требуют расширительной регламентации. Подобные конструкции находятся «на стыке» отраслей, предмет

правового регулирования которых схож и обладает некоторыми общими чертами» [15 14, с. 98-14].

С точки зрения приведенных классификационных критериев, полагаем, что наблюдение является все-таки сложным институтом права, поскольку характеризуется наличием однородных групп отношений в рамках частных и публичных отраслей права и законодательства с присущими им предметами правового регулирования. Исходя из нашего акцентного внимания к наблюдению в рамках публично-правовых отношений (с императивным участием государства и установленных общих интересах), считаем, что базовым в сложном правовом институте наблюдения является конституционная разновидность.

Список цитируемой литературы

1. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88-98.
2. Беляева Г.С., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 101-104.
3. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 61-67.
4. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 22-31.
5. Теория государства и права / под ред. В.Д. Перевалова. М.: Норма, 2004. 616 с.
6. Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2. С. 91-96.
7. Костишина С.А. Институциональный подход в современной юридической науке // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 5 (54). С. 80-82.
8. Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 263 с.
9. Цинцадзе Н.С. Традиционные неформальные правовые институты в российском частном праве: понятие, признаки и проблемы идентификации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 11 (115). С. 353-362.
10. Потапенко Е.Г. Комплексные образования в системе российского права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3-1. С. 357-362.
11. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. 396 с.

12. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.-Л.,1947. 283 с.
13. Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42-45.
14. Сырых В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22-27.
15. Чуева И.А. Ударные комсомольские стройки как комплексный правовой институт // Новый ракурс. 2021. № 4. С. 98-104.

Коваленко Александр Сергеевич
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ ОБ АРБИТРАЖНОЙ ФУНКЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается развитие философско-правовых представлений различных исторических периодов о главе государства как «арбитре», определяется влияние философских и паровых представлений о роли главы государства на законодательство, а также влияние зарубежных идей об арбитражной функции главы государства на отечественную науку.

Ключевые слова: глава государства, арбитр, разделение властей, философы.

«Основная и самая благородная задача современной науки состоит в раскрытии тайн «организации жизни на Земле» на базе всех отраслей научного знания, возможно, в первую очередь общественного, этического знания» (Г.В. Мальцев) [1, с. 40].

Несмотря на довольно большое количество исследований арбитражных функций тех или иных государственных органов, вопрос об использовании согласительных процедур Президентом Российской Федерации, как одного из инструментов исполнения данной функции остается малоизученным. В связи с этим актуальным является изучение истории развития научных представлений о главе государства как арбитре и сути данной функции.

Исторически глава государства, так или иначе, был призван сохранять гармонию в обществе и обеспечивать эффективное функционирование государства, при этом представления о данной функции главы государства на разных

этапах исторического развития преднауки и науки различались. Условно можно выделить следующие периоды в изучении данного вопроса:

1. Древний Восток и Античность – основное внимание уделяется анализу нравственных качеств главы государства;

2. Средние века – представление о главе государства как арбитре, который судит сам и назначает судей;

3. Новое и Новейшее время – представления об арбитражной функции главы государства складываются в рамках теории и механизма разделения властей.

На Древнем Востоке и в Античном мире философы уделяли много внимания идеальному образу главы государства, в частности, его нравственным качествам. Философы Древнего Востока и Античности видели идеал государства в правлении той или иной группы, например, правителей-философов, которая и обеспечивала стабильность и мир в государстве. Однако, идея о главе государства как об «арбитре», обеспечивающем функционирование государства, получило свое развитие в Средние века.

Для философско-правового знания Средних веков характерно понимание арбитражной функции главы государства как обязанность хранить мир между подданными. Ярким примером средневекового понимания арбитражной функции главы государства являются работы создателя «Кутюмов Бовезии» Филиппа де Бомануара (далее – Ф. Бомануар). Ф. Бомануар пишет, что король «может делать для общего блага (le commun pourflt) любые установления, какие захочет; и то, что он установил, должно соблюдаться…, дали ему [королю] власть судить за их преступления, управлять ими и делать установления над ними» [2, с. 459]. Другим представителем средневековой концепции главы государства, как «хранителя мира» является Фома Аквинский (далее – Ф. Аквинский). В своем политическом трактате «О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей» он писал: «вот к чему должен более всего стремиться правитель совокупности, – к тому, чтобы сохранить единство мира» [3, с. 102]. Анализируя идеи средневековых философов и правоведов, можно прийти к выводу, что они рассматривают главу государства, а именно монарха, как «хранителя мира» для всего общества, а не только между государственными органами, а глава государства – арбитр – понимается именно как лицо, вершащее правосудие и назначающее судей.

Средневековая концепция глава государства «хранитель мира» нашла свое отражение в трудах философов и правоведов Нового времени. Например, Томас Гоббс связывал выживание общества с властью монарха. Философ писал о том, что «общество и государство в лице монарха, стали участниками договора, который наделяет государство неограниченной силой для защиты общества» [4, с. 133]. Однако, не смотря на влияние средневековых представлений, взгляды

философов и правоведов Нового времени на арбитражную функцию главы государства кардинально изменились. Данная функция главы государства стала рассматриваться через призму теории разделения властей, а сам глава государства стал рассматриваться как арбитр между ветвями власти.

Так, например, стоит отметить концепцию разделения властей французско-швейцарского философа Анри-Бенжамена Констан де Ребека (далее – Б. Констан). В рамках своей трактовки разделения властей Б. Констан выделял такую ветвь власти, как королевская. По мнению философа, в системе разделения властей должна быть нейтральная ветвь власти, которая будет уравновешивать остальные ветви. Б. Констан обосновывает особое положение данной ветви власти следующим образом: «Королевская власть располагается среди всех этих четырех властей, но она выше их, обладает силой одновременно высшей и опосредующей, будучи при этом заинтересована не в нарушении равновесия, но, напротив, в его поддержании» [5, с. 39]. Таким образом, Б. Констан для исполнения функции арбитра наделяет королевскую власть специфическими правами, например, умерять ветви власти и улаживать конфликты между ними. При этом, с точки зрения философа, если монарх выполняет арбитражную функцию в государстве, то он должен быть освобожден от ответственности и должен быть лицом неприкасаемым.

Идеи Б. Констана нашли свое отражение в Конституции Орлеанского Королевства Франция от 14 августа 1830 г. (Конституционная хартия 1930 г.) (далее – Хартия). Так, например, согласно ст. 12 Хартии особа Короля неприкосновенна и священна [6]. Анализируя другие положения хартии можно прийти к выводу, что королевская власть располагается над другими ветвями власти.

В России Нового времени идеи Б. Констана также нашли поддержку. Так, например, отечественному философу и правоведу Павлу Ивановичу Новгородцеву (далее – П.И. Новгородцев) импонировала идея о главе государства, как неприкасаемом арбитре, разрешающем разногласия между ветвями власти. В одной из своих работ П.И. Новгородцев писал, что «в этом стремлении найти орган для соглашения отдельных властей сказывается верная мысль, вытекающая из правильного понимания недостатков теории Монтескье» [7, с.202–203].

Влияние идей Б. Констана в отечественной философской и юридической литературе заметно и в Новейшее время. Русский юрист и ученый Александр Семенович Алексеев (далее – А.С. Алексеев) в 1907 г. издал работу «Безответственность монарха и ответственность правительства», в которой анализировал работы зарубежных философов в области государства и права. В данной работе А.С. Алексеев отстаивал позицию монарха как арбитра между ветвями власти, в случае перехода России к конституционной монархии. Специфика идей А.С. Алексеева заключается в том, что арбитражная функция главы государства вы-

текает из его безответственности. По мнению ученого «монарх безответственен потому, что он наряду с народным представительством является органом верховным» [8, с. 16] и именно поэтому должен выполнять лишь арбитражную и представительскую функции.

В Новейшее время координационно-арбитражная функция главы государства закреплена в конституциях различных стран, например, ст. 85 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. и ст. 5 Конституции Французской Республики от 4 октября 1958 г. Однако, она не перестала быть предметом изучения. Так, например, Сергей Сергеевич Алексеев, анализируя опыт подготовки проектов Конституции писал, что ст. 85 Конституции «призвана определить некий эталон властных функций Президента, направлений и пределов его государственной деятельности как «гаранта» и в известном отношении – «арбитра» [9, с. 77]. Таким образом, в современной отечественной литературе есть точка зрения, согласно которой арбитражная функция президента является его главной функцией. При этом, не смотря на достаточно большое количество исследований арбитражных функций тех или иных государственных органов, вопрос об использовании согласительных процедур Президентом Российской Федерации как одного из инструментов исполнения данной функции остается малоизученным.

На основе всего вышесказанного можно прийти к следующим выводам: во-первых, представления о главе государства как арбитре были на всех этапах развития права и государства, при этом данные представления не однородны; во-вторых, представления философов и правоведов о статусе главы государства как арбитре нашли отражение в исторических памятниках права и в действующем законодательстве; в-третьих, отечественные ученые внесли значительный вклад в исследование вопроса об арбитражной функции главы государства, при этом, на них оказали значительное влияние идеи Б. Констана.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Изд-во Норма, 2007. 800 с.
2. Бомануар Ф. Кутюмы Бовези // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Изд-во Мысль, 1999. Т. II. Европа: V–XVII вв. С. 453–463.
3. Аквинский Ф. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / пер. и коммент. А. Марей // Социолог. обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 96–128.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. / сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М.: Изд-во Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545.

5. Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. М: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 592 с.
6. Étrennes constitutionnelles offertes au roi et à la nation, contenant : la charte du 14 août 1830 ; la charte de 1814, et la déclaration des chambres du 7 août 1830 qui modifie cette charte ; le procès-verbal d'acceptation de la déclaration des chambres et de la prestation du serment de S. M. Louis-Philippe Ier, roi des Français ; et le calendrier pour l'année 1831. Paris, 1831. P. 3–13.
7. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права проф. П.И. Новгородцева: учения нового времени, XVI-XIX вв. 3-е изд. М.: Изд-во Типо-лит. Н. А. Яшина, 1914. 234 с.
8. Алексеев А.С. Безответственность монарха и ответственность правительства. – М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1907. 70 с.
9. Алексеев С.С. У истоков конституции России (субъективные заметки) // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 3 (30). С. 56–84.

Коротовских Арсений Андреевич
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется дискуссионный вопрос о том, соответствуют ли общеправовому принципу равенства существующие различия в уровне обеспеченности социальных прав граждан в различных субъектах Российской Федерации. Приводятся примеры, иллюстрирующие указанные различия. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о допустимости существования указанных различий, поскольку они позволяют учесть региональную специфику путем установления дополнительных гарантий социальных прав граждан.

Ключевые слова: социальные права, федерализм, субъекты Российской Федерации, совместное ведение, региональное законодательство.

«Конечно, уверенный взгляд в будущее человек обретает в результате действия многих благоприятствующих факторов, но политика благосостояния и соответствующие меры, проводимые государством, имеют с этом отноше-

нии преимущественное значение» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 260).

Согласно п. «ж» ст. 72 Конституции Российской Федерации, социальная защита, включая социальное обеспечение, относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Анализ гарантий социальных прав граждан, закрепленных в законодательстве различных субъектов Российской Федерации, свидетельствует о том, что в различных регионах объем указанных гарантий для одних и тех же категорий граждан является неодинаковым. В первую очередь, это обусловлено различным экономическим положением регионов, так как некоторые из них являются более обеспеченными, в связи с чем имеют больше объективных материальных возможностей в создании дополнительных гарантий социальных прав граждан, проживающих на соответствующей территории.

Так, субъектом Российской Федерации, в котором традиционно наблюдается наиболее высокий уровень обеспеченности социальных прав граждан, можно назвать г. Москву. Ярким примером может служить особый подход г. Москвы к установлению региональной социальной доплаты к пенсии. Постановлением Правительства г. Москвы от 17 ноября 2009 г. № 1268-ПП установлена доплата к пенсии в двух возможных величинах: до размера прожиточного минимума пенсионера в г. Москве и до городского социального стандарта. При этом, если прожиточный минимум пенсионера в г. Москве на 2025 г. установлен в размере 17 897 рублей, то городской социальный стандарт на этот же год составляет уже 25 850 рублей, что на 44,4% выше прожиточного минимума в г. Москве.

В то же время, по мнению А.В. Трутаевой, такая ситуация, когда ввиду различий в уровне экономической, бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации возникают существенные различия и в степени гарантированности социальных прав лиц, проживающих на их территории, недопустима с юридической точки зрения, поскольку приводит к неравенству социально-правового статуса граждан в пределах различных субъектов Российской Федерации [1, с. 169].

Подобная позиция была ранее также высказана судьей Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононовым в его особом мнении при принятии определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2005 г. № 462-О.

Возможным вариантом решения данной проблемы, по мнению А.В. Трутаевой, является законодательное закрепление на федеральном уровне определенных «рамочных» объемов социального обеспечения, которые должны

быть гарантированы каждым из регионов за свой счет. В то же время, автором обоснованно признается невозможность реализации такого механизма [1, с. 169]. Исходя из ст. 8 Бюджетного кодекса Российской Федерации федеральные органы не вправе устанавливать для регионов обязанности, которые те будут в дальнейшем вынуждены выполнять за свой собственный счет. В случае, если федерация желает гарантировать некий единый объем социального обеспечения для граждан, проживающих во всех регионах, она должна самостоятельно нести расходы по предоставлению его гражданам, не возлагая эти обязательства на регионы.

При этом стоит учитывать, что экономическое неравенство между регионами всегда неизбежно ввиду комплекса географических, климатических, исторических причин [2, с. 39]. Частично компенсировать обусловленное этими объективными факторами неравенство в социально-правовом статусе граждан, проживающих на территориях различных субъектов Российской Федерации, может сама федерация посредством субвенций из федерального бюджета в бюджеты тех субъектов Российской Федерации, которые сталкиваются с социально-экономическими трудностями.

Необходимо также учитывать, что наличие у субъектов Российской Федерации полномочий по установлению дополнительных гарантий социальных прав граждан позволяет в значительной степени учесть региональную специфику и обусловленные этим особые потребности граждан, проживающих на соответствующей территории. Ярким примером могут служить закрепленные в законодательстве некоторых субъектов Российской Федерации гарантии социальных прав коренных малочисленных народов (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), лиц, занимающихся оленеводством (Ненецкий автономный округ), лиц, подвергшихся воздействию радиации вследствие испытаний на Семипалатинском полигоне (Алтайский край).

Такие гарантии учитывают территориальные особенности региона, в связи с чем возможность их установления особенно значима, так как позволяет более точечно и конкретно решать те проблемы, которые наиболее актуальны для соответствующего субъекта Российской Федерации, делая региональные власти ближе к населению.

Данной точки зрения придерживается и большинство представителей научного сообщества. Так, Я.В. Гайворонская полагает, что предоставление подобных дополнительных гарантий, способствующих повышению уровня материального благосостояния граждан, не нарушает пределов полномочий субъекта Российской Федерации, а дополняет федеральное регулирование [3, с. 126]. О необходимости учитывать специфику каждого из регионов, обусловленную комплексом неповторимых объективных факторов, предопределяющих асим-

метрию федерации, пишет О.М. Гвоздева, при этом подчеркивая и необходимость обеспечения в целом единого смысла основных прав и свобод человека [4, с. 269].

М.И. Акатнова также отмечает, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации способны реально оценивать нуждаемость отдельных категорий граждан в дополнительной социальной поддержке с учетом финансовых возможностей регионального бюджета [5, с. 151]. Иными словами, именно региональные власти, находясь ближе всего к своему населению, способны в большей степени, чем федеральные органы, понять конкретные актуальные потребности своих граждан и максимально адресно реализовать те меры в области социального обеспечения граждан, которые будут наиболее эффективны.

Таким образом, в различных субъектах Российской Федерации объем гарантий социальных прав для одних и тех же категорий граждан является неодинаковым, что обусловлено различным экономическим положением регионов, в связи с чем некоторые из них имеют больше объективных материальных возможностей в создании дополнительных гарантий социальных прав граждан, проживающих на соответствующей территории. Тем не менее, представляется, что указанные различия не нарушают единства социально-правового статуса граждан Российской Федерации; наличие у субъектов Российской Федерации полномочий по установлению дополнительных гарантий социальных прав граждан позволяет в значительной степени учесть региональную специфику и обусловленные этим потребности граждан, проживающих на соответствующей территории.

Список цитируемой литературы

1. Трутаева А.В. Перспективы развития модели распределения полномочий органов власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере социального обеспечения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2 (47). С. 164-171.

2. Никитина Е.Е. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11 (227). С. 35-48.

3. Гайворонская Я.В. Региональное правотворчество: понятие, принципы, правовое регулирование // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17. № 2. С. 120-137.

4. Гвоздева О.М. Совместное ведение Российской Федерации и её субъектов по обеспечению социально-экономических прав граждан // Омский научный вестник. 2006. № 8 (44). С. 267-273.

5. Акатнова М.И. Разграничение компетенций в правовом регулировании социального обеспечения в условиях федерализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 2 (115). С. 144-152.

Ласкавая Мария Анатольевна
аспирант кафедры конституционного и административного права,
ассистент кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Статья посвящена анализу форм территориальной автономии в Российской Федерации в дореволюционный и советский периоды. Автор рассматривает правовые и административные механизмы автономии, их эволюцию и связь с этнополитическими стратегиями государства. Особое внимание уделяется различиям между дореволюционной и советской моделями автономии, а также их роли в формировании современной федеральной структуры России. Исследование опирается на историко-правовой и сравнительный подход.

Ключевые слова: автономия, федерализм, административно-территориальные единицы, децентрализация, региональная автономия, национальная автономия

«Общественное развитие слишком часто находится в нестабильном состоянии, в нем много неполадок и срывов, но право должно придавать ему устойчивые формы, сохранять и поддерживать именно те порядки, которые наилучшим образом отвечают интересам людей» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. 800 с.) [1, с. 115].

История российской государственности восходит к позднему Средневековью и раннему Новому времени. На протяжении всей своей истории Российское государство не только характеризовалось значительным территориальным разнообразием, но и принимало множество различных форм правления и государственного устройства: от экспансионистской, но неустойчивой ранней державы до абсолютистской монархии и империи, жестко авторитарного однопартийного государства в советский период, и, наконец, первоначально слабой, но со временем все более централизованной федерации. В каждый из этих периодов мно-

гие территориальные единицы управлялись на основе особых правил, а различия в административных решениях были во многом обусловлены этническим, религиозным и языковым многообразием.

Кроме того, территориальное устройство современной России продолжает претерпевать модификации, о чем свидетельствует процесс объединения «материнских субъектов» с автономными округами в середине 2000-х г.г., принятия в состав Федерации иностранных государств и их части в 2014 и 2022 г.г., при этом российский контроль над территориями присоединенных регионов остается нестабильным, о чем свидетельствуют заявления российских государственных должностных лиц (например, комментарий Губернатора Херсонской области: «Херсонская область вошла в состав России в сентябре 2022 года по итогам референдума. Киев не признает его легитимность. Сейчас под контролем Москвы находится 75 процентов территории региона, а правобережье Днепра, в том числе город Херсон, удерживают ВСУ». // https://ria.ru/20250405/stolitsa-2009539410.html или https://ria.ru/20250307/saldo-2003535576.html)

Тем не менее, на фоне такой неопределенности и изменений сохраняются определенные исторические закономерности в территориальной организации России. Связь поколений в контексте культурных и правовых традиций продемонстрировал Мальцев Г.В. в одном из своих последних научных трудов «Культурные традиции права» [2].

Некоторые из традиций территориального устройства России связаны со взаимосвязью географической экспансии, культурного многообразия и территориальной автономии. Другие касаются вопросов политической коммуникации и пределов осуществления государственной власти, а также необходимости поиска компромиссов между разными уровнями государственной власти, различными центрами принятия решений и политическими элитами разных.

Федералистские идеи в дореволюционный период. В период Российской империи федерация не рассматривалась как возможный вариант территориального государственного устройства. Проект децентрализации, направленный на предоставление регионам большей политической власти, противоречил бы унитарной, моноцентрической логике российской автократии. Таким образом, подобные идеи существовали лишь в умах отдельных интеллектуалов, революционеров и либеральных политиков имперской России.

Так, например, российский антрополог, философ и профессор Казанского университета А.П. Щапов в своих лекциях ставил под сомнение необходимость «централизации» в российской истории и противопоставлял ей концепцию *«областничества»*, то есть власти регионов [3].

В ходе своей вступительной лекции на кафедре русской истории 12 ноября 1860 г. «Общий взгляд на историю Великорусского народа» он говорит: «У

нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации, развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории. <…> С эпохи утверждения Московской централизации в наших историях все общéе и общéе говорится о внутреннем быте различных провинций; нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографические, бытовые и экономические особенности областей; не изображаются моральные, политические и физико-географические условия их внутреннего развития и быта; местное саморазвитие, внутренняя жизнь областей оставляются в стороне, а вместо того на первом плане рисуются действия государственности, развитие единодержавия, централизации» [3].

Более того, профессор Щапов выступал за усиление этой власти в будущем конституционном устройстве: в начале 1860-х годов он читал избранным студентам тайные лекции, в которых утверждал, что «местная самобытность» (земская самобытность) регионов империи могла бы в полной мере раскрыться только «в конфедеративном союзе всей страны» [3]. Щапов подчеркивал значение регионального самоуправления, включая экономическую и культурную автономию в рамках федеральной или конфедеративной системы. Его взгляды были вдохновлены революционными мыслителями, такими как поэт Кондратий Рылеев (1795–1826), который писал о конфедеративной идентичности русских региональных сообществ, и Николай Огарев (1813–1877), соратник известного мыслителя и писателя Александра Герцена [4, с. 46]. Николай Огарев выступал за созыв «земского собора» с «представителями от всех округов, избираемыми всеми сословиями», а также за федеральное государственное устройство [4, с. 46].

Однако подобные дискуссии оставались неизвестными большинству населения. Лишь после революции 1905 года, когда царь был вынужден пойти на уступки, включавшие гражданские свободы, конституцию и парламент, дебаты о федерализме и автономии стали достоянием широкой общественности. Польские, украинские и другие активисты и депутаты в первой Государственной думе открыто выступали за автономию и даже за федеральные решения как в своих публикациях, так и в парламентских речах. В то же время российские либералы, такие как Федор Кокошкин (1871–1918), отмечали, что консерваторы продолжали воспринимать любые призывы к региональной автономии как «федералистскую» угрозу территориальной целостности России [5, с. 7]. Даже в условиях конституционного правления федерализм оставался клеймом. Региональная автономия, напротив, как более мягкая форма децентрализации, давно существовала в рамках имперского правления, хотя и в ограниченном виде.

Территориальная экспансия и развитие автономий. Продолжающееся географическое расширение империи привело к распространению территориальных автономий с начала XIX века. Существовало два основных типа автоно-

мий: те, которые включали значительное вмешательство центра, и те, которые не включали этого, в основном из-за отсутствия доступа и ресурсов. Первый тип включал наиболее важные территории, такие как Финляндия (1809), Бессарабия (1812) и Польша (1815).

Второй тип включал территории, такие как Абхазия (1812–1864), которые были интегрированы в Российскую империю, но оставались автономными, с российским присутствием, едва заметным за пределами гарнизонов; к ним также относились большие части Сибири. Особенно стоит отметить, что Сибирская реформа 1822 г. ввела «Степные думы» для кочевых бурятов, якутов и других народов (которые просуществовали до начала XX века), и хотя эти думы занимались сбором государственных налогов и податей, а их главы должны были быть утверждены российскими генерал-губернаторами, они оставались автономными в принятии большинства административных, финансовых и правовых решений.

Второй тип также включал территории, которые достигли де-факто автономии на протяжении ряда лет (при этом настаивая на том, что они хотят оставаться частью империи), но никогда не были официально признаны автономными: например, Гурийская республика (1902–1906) на Южном Кавказе, управляемая местным крестьянским движением и грузинскими меньшевиками [6].

Советские автономии в условиях квази-федерализма. Впервые Россия была определена как федерация с введением советской политической системы. В частности, вслед за Октябрьской революцией, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3 (16) января 1918 г. провозглашала: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик» (ст. 1, п. 2) [7]. Несмотря на это заявление, первая Конституция РСФСР 1918 г., а также последующие основные законы 1925 и 1937 г.г. не обладали типичными чертами демократических федераций. Упомянутые конституции лишь признавали возможность создания автономных территориальных единиц в регионах, населенных народами, не относящимися к великорусскому населению. Однако автономия этих единиц реализовывалась в основном в языковом и культурном аспектах, хотя в определенные периоды она также использовалась для привлечения местных элит [8].

Реализация подлинной политической децентрализации не могла быть согласована с социалистической формой государства, основанной на принципах единства государственной власти и двойного подчинения.

Последней Конституцией РСФСР 1978 г. все еще признавалось существование автономных республик, автономных областей и автономных округов на территориях, традиционно заселенных нерусскими этническими группами. По-

мимо этого, остальная часть территории РСФСР была дополнительно разделена на края, области и города республиканского значения («административно-территориальные единицы» высшего уровня), а также районы, города, поселки и сельские населенные пункты («административно-территориальные единицы» низшего уровня).

Однако между концом 1980-х и началом 1990-х годов, наряду с процессом распада СССР, все вышеупомянутые автономные территориальные единицы и административно-территориальные единицы высшего уровня претерпели значительные изменения, что привело к формированию некоторых характерных черт демократических федераций в рамках РСФСР, которая, в свою очередь, была основным «основателем» СССР.

В 1989 г. Верховный Совет РСФСР был преобразован из однопалатного в двухпалатный законодательный орган с верхней палатой (Совет Национальностей), представляющей территориальные интересы.

Более того, после распада Советского Союза в марте 1992 г. был подписан Федеративный договор, которым были заложены основы, впоследствии закрепленные конституционно. Оно перераспределило полномочия между центром и автономными республиками, распространив этот принцип на автономные области, автономные округа, края, области и города Москва и Санкт-Петербург. Это, в свою очередь, с одной стороны, расширило контроль Конституционного Суда над нормативными актами, принятыми этими субъектами, а с другой – сделало Конституцию более «жесткой», поскольку больше не было возможности вносить конституционные поправки, касающиеся федеративного устройства России, без согласия этих субъектов [9].

Наконец, благодаря введению в Конституцию принципа разделения властей официальное название «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» было изменено на «Российская Федерация/Россия». Параллельно с этим процессом, который с 1989 г. формально признавал все бывшие автономные территориальные единицы и административно-территориальные единицы высшего уровня как составные части обновленной федерации, в административно-территориальных единицах низшего уровня был введен принцип самоуправления (местного самоуправления).

В одном из редких существующих обзоров автономии в российской истории О.Е. Кутафин начинал свое изложение с любопытного наблюдения. Он напомнил, что, хотя в имперской России действительно сосуществовали различные виды региональных автономий, ни одна из них не использовала термин «автономный». Возможно, это было связано с настаиванием центра на божественной и неделимой власти царя, а также с необходимостью избегать терминов, которые могли бы поставить под сомнение целостность унитарного госу-

дарства. Именно упомянутый выше Федор Кокошкин ввел понятия «автономный край» и «автономная область» в своей книге по российскому государственному праву 1908 года, определяя их как территориальные единицы, находящиеся между провинциями с самоуправлением и несамостоятельными государствами. Оба понятия были приняты в раннем Советском Союзе, где их региональное значение, однако, было заменено национальным [10].

Первая мировая война и Русская революция привели к появлению множества автономий и деклараций независимости. Финляндия, Польша, Литва, Латвия и Эстония, среди прочих, стали независимыми государствами. Другие, такие как Украинская Народная Республика и Молдавская Демократическая Республика, сначала провозгласили свою автономию в рамках Российской империи (в июне и декабре 1917 г.), а затем и независимость (в январе 1918 г.). Закавказская Демократическая Федеративная Республика просуществовала как независимое образование всего месяц в 1918 г., после чего ее составные части – Грузия, Азербайджан и Армения – объявили о своей независимости. Эта независимость продлилась, как и в случае с Украиной, до 1920–1921 годов, когда большевики одержали победу в Гражданской войне. Белорусская Народная Республика существовала менее года (в 1918 г.), прежде чем ее руководство было вынуждено отправиться в изгнание. Дальше на восток «Алашская автономия» контролировала значительную часть территории современного Казахстана с конца 1917 г. до середины 1919 г., в то время как самопровозглашенная «Туркестанская автономия» просуществовала чуть более двух месяцев в зимний период 1917–1918 г.г. Все эти попытки демократического территориального самоопределения были поглощены зарождающимся большевистским государством. Молдавия, напротив, была аннексирована Румынией в 1918 г. и позднее вновь включена в состав Советского Союза в 1940 г.

Аргумент о том, что советская власть была чуждым русским насаждением с минимальной местной поддержкой, популярен в бывших советских республиках, но он также подвергается сомнению. Растущая архивная документация, особенно в Центральной Азии, свидетельствует о том, что местные активисты сыграли ключевую роль в установлении советской власти, в то время как Москва зачастую могла лишь посредничать в местных требованиях. Поскольку Владимир Ленин и большевики клеймили старую империю как «тюрьму народов» и нуждались в поддержке местного населения против царских сил в годы Гражданской войны, они выступали за «национальное самоопределение» для многих групп на окраинах империи и делали заманчивые предложения о местной автономии. Союз Советских Социалистических Республик (СССР), учрежденный в декабре 1922 года, представлял собой квазифедеральную структуру, с собственной моделью федерализма, закрепленной в конституциях 1924, 1936 и

1977 г. Однако, по крайней мере в ранний советский период, центральное руководство рассматривало этот федерализм лишь как временную уступку.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права – М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2013. 608 с.
3. Щапов А.Ф. Неизданные сочинения // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1926. Т. 33. С. 12-14.
4. Чернышов Е. Революционный демократ – историк А.П. Щапов (1830 – 1876 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 8.
5. Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России // Москва: «Народное право», 1906.
6. Jones, S. F. Marxism and Peasant Revolt in the Russian Em¬pire: The Case of the Gurian Republic, The Slavonic and East European Review 67 (3). 1989. 403–434.
7. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // [Электронный ресурс]: URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm (дата обращения: 7.05.2025).
8. Gronski P.P. The Soviet System of Federalism. American Political Science Review. 1929. 23(1). 159-167.
9. Lynn N.J., Novikov A.V. Refederalizing Russia: Debates on the Idea of Federalism in Russia // Publius: The Journal of Federalism, CSF Associates Inc., vol. 27(2), p. 187-203.
10. Кутафин О.Е. Российская автономия – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2014. 768 с.

Мельников Павел Алексеевич
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЗАЩИТЕ ПАССИВНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье представлен анализ правового регулирования и практики правотворческой деятельности Верховного Суда Российской Федерации как способа превентивной защиты пассивных избирательных прав граждан. Итоги осуществленного исследования позволили констатировать наличие полномочий и средств у Верховного Суда Российской Федерации для участия в процессе устранения законодательных дефектов.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, правотворческая деятельность, законодательство, правовые пробелы, дефекты.

«Право, устанавливая нормативную связь между фактами, не просто предлагает, но предписывает форму действий, которая должна быть принята в бесспорном порядке всеми участниками юридического общения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 536).

В научных исследованиях разной хронологии уже отмечалось, что существенный вклад в процесс правовой защиты, в том числе конституционной как ее разновидности, вносят помимо законодательных органов власти также государственные и судебные органы, должностные лица, обладающие средствами и полномочиями к участию в правотворческой деятельности [1, с. 61]. Тем не менее, полагаем, разбор правомочий некоторых конституционных органов, подпадающих под приведенный критерий, еще требует своего анализа. К числу таких субъектов конституционной защиты пассивных избирательных прав мы можем отнести Верховный Суд Российской Федерации.

Судебная система как один из рубежей устойчивости баланса законности и справедливости общественного устройства любого правопорядка способна

искать и находить различные подходы в поддержании заявленного паритета. Уточним, разрешение индивидуальных споров не является единственной формой деятельности судебных органов, в том числе и в российской юрисдикции. Значение правотворческой деятельности Верховного Суда Российской Федерации в этой связи является предметом особого внимания. Безусловно, правотворчество указанного судебного органа имеет место быть, но преимущественно выражается не в традиционном его понимании посредством законодательного процесса. По нашему мнению, вопросы правотворчества Верховного Суда Российской Федерации требуют дополнительного осмысления с учетом соответствующей практики 2024 года. В качестве области исследования обратимся к избирательным отношениям.

Выделим положения конституционного текста и текста федерального законодательства, раскрывающие потенциал работы в обозначенном направлении. Так, Верховный Суд Российской Федерации:

– дает разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции Российской Федерации);

– в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения (п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», далее по тексту – Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ);

– обращается в Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации с запросами о проверке конституционности законов, иных нормативных правовых актов и договоров, а также на основании ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации с запросом о проверке конституционности закона, подлежащего применению в деле, рассматриваемом им в любой инстанции (п. 2 ч. 7. ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ).

Исходя из вышеприведенного, мы допускаем 2 основных правовых средства в распоряжении Верховного Суда Российской Федерации для участия в процессе сглаживания дефектов законодательства: целевые разъяснения и обращение с запросом в орган конституционной юстиции.

В юридической литературе затрагивался вопрос о возможностях судов по участию в устранении дефектности в законах и их информированности о недостатках нормативной базы. Например, Э.И. Девицкий убежден в информированности судов не только о юридикотехнических дефектах отдельных норм, содержащихся в статьях различных нормативных актов, но и о существенных недостатках этих актов в целом [2, с. 108]. П.А. Гук пишет, во-первых, о необхо-

димости исправления законодателем выявленных судебной практикой неясностей нормативных правовых актов, пробелов в них, противоречий между различными нормами и других недостатков; во-вторых, о фактическом существовании нормотворческой функции у судебной власти; в-третьих, что деятельность высших судебных органов по созданию общих норм содействует законодателю как в корректировке нормативных актов, так и в восполнении, преодолении пробелов в нормативно-правовом регулировании [3, с. 21, 23]. А.Р. Еремин и К.Г. Кузенков утверждают, что, во-первых, судебная власть одна из первых замечает недостаток в системе права; во-вторых, практика Верховного Суда Российской Федерации выявляет и отображает правовые дефекты, пробелы в законодательстве и выделяет общественные отношения, которые недостаточно урегулированы правом; в-третьих, многие нормативные правовые акты уточняются Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, реализуется толкование и осуществляется конкретизация правовых норм [4, с. 23-24].

В качестве примера реализации правотворческого потенциала Верховного Суда Российской Федерации, полагаем, уместно привести сформированные его Пленумом в постановлении от 25 июня 2024 г. № 17 разъяснения по издавна существовавшей в правоприменительной практике дискуссии. Так, некоторые встречавшиеся толкования положений п. 9.1 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ и иных законов о выборах, в том числе содержащегося в них термина «физическое лицо», приводило к мнению о возможности в рамках избирательных правоотношений использования изображений умерших лиц в агитационных материалах[1]. Исходя же из предписаний абз. 8 п. 20 постановления Пленума, административная ответственность по ч. 1 ст. 5.12 КоАП РФ наступает за нарушение избирательного законодательства и в случае использования изображений умерших лиц (их фотографий, видеозаписей или произведений изобразительного искусства, изображений, созданных с использованием компьютерных технологий)[2]. Таким образом, была разрешена правовая неопределенность в указанном вопросе.

Стоит отметить и работу Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 19 Федерального конституционного закона от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ его предназначение состоит в подготовке научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам су-

---

[1] ЦИК разрешил использовать образ Сталина в предвыборной агитации // Интернет-портал «Российской газеты»: [сайт]. 2016. URL: https://rg.ru/2016/08/18/cik-razreshil-ispolzovat-obraz-stalina-v-predvybornoj-agitacii.html?ysclid=m2bvgivor6837245925 (дата обращения: 16.10.2024).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 г. № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // Российская газета. 2024, 10 июля.

дебной практики. Безусловно, в числе таких вопросов и те, что корректируют электоральные правоотношения.

Проанализировав федеральное законодательство и разъяснения по отдельным вопросам судебной практики, отражающие пример реализации правотворческого потенциала Верховного Суда Российской Федерации, допустимо заключить следующее. Верховный Суд Российской Федерации располагает полномочиями и средствами для участия в процессе исправления дефектов законодательства.

Список цитируемой литературы

1. Мельников П.А. Дефинитивная основа конституционной защиты пассивных избирательных прав в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 53-67.
2. Девицкий Э.И. О способах выявления и устранения судами дефектов нормативных правовых актов // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 2 (84). С. 106-114.
3. Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 14-27.
4. Еремин А.Р., Кузенков К.Г. Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 22-27.

Намитоков Юрий Азметович
аспирант кафедры конституционного и международного
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:
Стус Нина Владимировна
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

ДИАГНОСТИКО-ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАННЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье проводится институционально-функциональный анализ потенциала судебной власти в области выявления и раннего предупреждения противоправных посягательств на конституционный строй. Исследуется

конституционно-правовая природа антиконституционных посягательств и механизмы их своевременной идентификации судебными органами. На основе междисциплинарного подхода раскрывается функциональная диверсификация судебной диагностики через конституционное толкование, нормоконтрольное производство, казуальную и суммативную диагностику. Выявлена диалектика обеспечения единства судебной практики и плюрализма конституционной интерпретации в системе предупреждения экстремизма и терроризма. Сформулирована интегративная модель превентивной деятельности судов, включающая конституционно-диагностическую, доктринально-формирующую, интерпретационно-унифицирующую, превентивно-запретительную и казуально-превентивную функции. Обоснована необходимость развития системы постоянного конституционного мониторинга как основы эффективной судебной диагностики конституционных дисбалансов, представляющих угрозу стабильности конституционного строя.

Ключевые слова: конституционный строй, конституционная безопасность, судебная власть, экстремизм, терроризм.

«… Через суды правовая система решает задачи, с которыми она не может справиться ординарными, «мирными» средствами на базе общественного консенсуса. Что бы ни говорили, но суд – арена борьбы между человеком и человеком, иногда довольно жесткой и непримиримой, суд приносит людям пользу, но не делает их друзьями, не порождает человеческую солидарность. Общество, возлагающее слишком большие надежды на укрепление судебных учреждений в целях достижения большего порядка и повышения правовой культуры, идет по ложному пути, потому что суд по социальному назначению призван защищать существующий строй общественных отношений, но не созидать и определять его по существу» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 644-645).

Введение. Аксиологическое значение конституционного строя в современной теории и практики государственного строительства предопределяет перманентную актуальность научно-теоретической разработки механизмов его защиты от противоправных посягательств. В условиях нарастающих глобальных вызовов, трансформации форм радикализма, экстремизма, терроризма и иных деструктивных проявлений, интернационализации противоправной деятельности антиконституционного характера традиционные публично-санкционные механизмы противодействия угрозам конституционной безопасности демонстрируют свою недостаточность, что актуализирует поиск превентивно-диагностических инструментов раннего выявления и упреждения таких

угроз. Определенный интерес в заявленном отношении вызывает изучение потенциала судебной власти как института, обладающего уникальными возможностями для конституционно-правовой диагностики, своевременного обнаружения дисбалансов конституционного развития и формирования правовых механизмов превенции посягательств на конституционный строй.

Комплексность рассматриваемой проблематики обусловлена многоаспектностью взаимодействия конституционно-правовых, государственно-политических, социально-экономических и идеологических факторов, детерминирующих современную архитектуру конституционного строя и механизмы его защиты. Научно-теоретическая разработка институционально-функциональных аспектов судебной власти в аспекте ее диагностико-превентивного потенциала представляет собой актуальное направление конституционно-правовой науки, имеющее существенное значение для конституционализации общественных отношений и юридизации механизмов превенции конституционно-деструктивных явлений.

Цель и методы исследования. Целью настоящего исследования является конституционно-правовой анализ потенциала судебной власти в механизме раннего выявления и предупреждения противоправных посягательств на конституционный строй через призму ее институциональных и функциональных характеристик.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий достижения конституционно-правовой, философско-правовой и политологической наук. В работе применялись общенаучные методы (системно-структурный, функциональный анализ, герменевтический подход) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой). Институциональный анализ использовался для исследования организационно-правовой структуры механизмов судебной диагностики и превенции, в то время как функциональный анализ был направлен на изучение особенностей реализации диагностико-превентивной функции судебной власти в различных процессуальных формах.

Результаты исследования. Конституционный строй как объект противоправных посягательств необходимо рассматривать в контексте ценностно-нормативного статуса его составляющих элементов. В юридической науке под основами конституционного строя понимается совокупность конституционных принципов и норм, определяющих сущностные характеристики государственного и общественного строя, правовое положение человека и гражданина, устанавливающих фундаментальные начала функционирования публичной власти и гражданского общества [1, с. 59]. При этом важно подчеркнуть, что основы конституционного строя представляют собой не просто нормативную конструкцию,

но систему конституционных ценностей, обеспечивающих интеграцию и когерентность общественных, государственных и личностных интересов [2].

Противоправные посягательства на конституционный строй следует определять как особую форму деструктивной деятельности, направленную на нарушение конституционно-правовых основ организации и функционирования общества и государства, изменение конституционных принципов и норм неконституционными способами. Они характеризуются триединством компонентов: идеологического (антиконституционная идеология), организационного (создание структур, противоправно функционирующих в целях подрыва конституционных ценностей) и деятельностного (конкретные действия по реализации антиконституционных целей).

Особенностью современных посягательств на конституционный строй является их многоуровневая структура, начинающаяся с формирования и распространения идей вражды и ненависти, переходящая к экстремистской деятельности и кульминирующая в терроризме как наиболее опасной форме антиконституционного поведения.

Обращаясь к природе диагностико-превентивного потенциала судебной власти в заявленной сфере, необходимо концептуализировать его в контексте конституционной безопасности государства. Конституционная безопасность, будучи интегративным видом юридической безопасности, связана с охраной и защитой основного закона государства, обеспечением защищенности конституционного строя и стабильности функционирования конституционных институтов [3, с. 74-75].

В доктринальном аспекте представляется обоснованным рассматривать диагностико-превентивный потенциал судебной власти через призму триады взаимосвязанных элементов: конституционно-правовой диагностики, конституционно-правового мониторинга и конституционно-правовой превенции.

Конституционно-правовая диагностика представляет собой деятельность судебных органов по выявлению и квалификации реальных и потенциальных угроз конституционному строю. В этом контексте судебные органы выступают субъектами конституционной диагностики, осуществляя идентификацию факторов, способных дестабилизировать конституционный правопорядок.

Конституционно-правовой мониторинг как компонент диагностико-превентивного потенциала судебной власти заключается в систематическом отслеживании состояния конституционной законности, выявлении тенденций развития конституционно-правовых отношений и прогнозировании их динамики. Как обоснованно констатируется в современных доктринальных исследованиях, отсутствие эффективного механизма своевременного выявления нарушений конституционного баланса детерминирует возникновение социально-системных

дисфункций, которые при достижении критического порога могут трансформироваться в деструктивные социально-политические турбулентности, угрожающие конституционной стабильности [4, с. 835].

Конституционно-правовая превенция в деятельности судебных органов направлена на предупреждение и блокирование трансформации потенциальных угроз в реальные посягательства на конституционный строй.

Таким образом, сущностные характеристики диагностико-превентивного потенциала судебной власти в аспекте противодействия антиконституционным посягательствам эксплицируется через способность судебных органов осуществлять многовекторную идентификацию аксиологических деформаций конституционного пространства, выявлять латентные дисфункции в механизме конституционно-правового регулирования, проводить мониторинг тенденций, имплицирующих риски дестабилизации конституционного правопорядка, а также формировать правовые инструменты, направленные на элиминацию деструктивных антиконституционных процессов на инициальных этапах их институционализации.

Институционально-функциональная модель судебной диагностики и предупреждения угроз конституционному строю включает два взаимосвязанных компонента: систему органов судебной власти, наделенных полномочиями, позволяющими выявлять и предупредить посягательства на конституционный строй, и функциональные механизмы реализации этих полномочий.

Центральное место в этой системе занимают органы конституционного контроля, выполняющие функцию «конституционного арбитра» и обеспечивающие верховенство конституционных норм в правовой системе государства. Как отмечается в доктринальных исследованиях, «укрепление роли конституционных и верховных судов отдельных государств в современных условиях позволяет способствовать развитию профилактического потенциала конституционализма и эффективному (сбалансированному) обеспечению безопасности личности, общества и государства от угроз экстремистской направленности, террористического характера и др.» [5, с. 19].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) как орган специализированного конституционного контроля обладает уникальными диагностическими возможностями, позволяющими выявлять потенциальные угрозы конституционному строю на ранних стадиях их формирования. Диагностический инструментарий Конституционного Суда РФ включает: рассмотрение дел о соответствии Конституции нормативных актов, разрешение споров о компетенции между органами государственной власти, проверку конституционности законов по жалобам граждан, толкование конституционных положений.

Значимой формой реализации диагностико-превентивного потенциала Конституционного Суда является формирование правовых позиций, отражающих конституционно-правовую доктрину и служащих ориентиром для правоприменительной практики. В этом контексте правовые позиции конституционно-судебной практики выступают не только результатом судебного толкования, но и инструментом превенции (элиминирования) конституционных деформаций.

Конституционное толкование представляет собой важнейший инструмент судебной диагностики и превенции, позволяющий не только выявлять неконституционные элементы правовой системы, но и формировать доктринально-нормативные блоки защиты конституционных ценностей от потенциальных посягательств. Методика конституционного толкования и определение его пределов играют ключевую роль в обеспечении эффективности данного инструмента.

В практике Конституционного Суда сформировались методологические принципы, определяющие пределы конституционного толкования и обеспечивающие его превентивный эффект:

– принцип добросовестности законодателя, предполагающий презумпцию конституционности законодательных актов до момента доказанности обратного;

– принцип конституционной сдержанности, обязывающий конституционный суд воздерживаться от подмены законодателя;

– принцип приоритета конституционных ценностей, требующий при коллизии различных конституционных прав и свобод отдавать предпочтение наиболее значимым в контексте обеспечения стабильности конституционного строя.

Как отмечается в научной литературе, «конституционная герменевтика должна основываться на определенных правилах, которые являются первичными при осуществлении интерпретации конституционных положений. В целом такие правила носят объективный характер в связи с тем, что их появление вызвано особой ролью Конституции в правовой системе страны, специфической юридической природой Конституции как Основного закона, обладающего высшей юридической силой и другими юридическими свойствами, характером юридических процедур, используемых для нормативного и казуального толкования норм конституции» [6, с. 18; 7, с. 183].

Выявление конституционно-правового смысла законоположений в практике Конституционного Суда позволяет идентифицировать не только явно неконституционные нормы, но и те, которые потенциально могут получить антиконституционное толкование в процессе правоприменения. Данный подход позволяет выстраивать многоуровневую превентивную защиту конституционных ценностей, блокируя формирование правоприменительных прецедентов, угрожающих стабильности конституционного строя.

Принципиально важным является выработанный в конституционно-судебной практике механизм определения конституционных условий применения нормы, устанавливающий легитимные пределы ее действия, за которыми она утрачивает свою конституционность. Этот механизм представляет собой эффективный инструмент упреждающего контроля, позволяющий предотвращать развитие антиконституционных тенденций в правоприменительной практике.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд), будучи высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, также обладает значительным диагностико-превентивным потенциалом. Данный потенциал реализуется, прежде всего, через обеспечение единства судебной практики, которое, как отмечается в исследованиях, «выражается в единообразном применении и толковании судами норм материального и процессуального права» [8, с. 26].

Следует отметить, что в системе раннего предупреждения посягательств на конституционный строй важнейшую роль играет баланс между единством судебной практики и допустимым плюрализмом конституционной интерпретации. Единство судебной практики обеспечивает предсказуемость правоприменения и стабильность конституционного порядка, в то время как конституционно-интерпретационный плюрализм создает пространство для развития конституционной доктрины и адаптации конституционных принципов к изменяющимся социально-политическим условиям.

В формировании единства судебной практики ключевую роль играют руководящие разъяснения Верховного Суда РФ, который, обобщая судебную практику, обеспечивает единообразное понимание и применение правовых норм и фактически осуществляет официальное толкование нормативных актов. Благодаря этому реализуются конституционные принципы верховенства закона и равенства перед законом и судом.

Механизм обеспечения единства судебной практики в контексте превенции антиконституционных посягательств включает:

– постановления Пленума Верховного Суда, формирующие правовые позиции по вопросам применения законодательства о противодействии экстремизму и терроризму;

– обзоры Президиума Верховного Суда по делам экстремистской и террористической направленности;

– кассационные и надзорные определения судебных коллегий Верховного Суда, корректирующие правоприменительную практику нижестоящих судов.

В то же время, чрезмерная унификация судебной практики может привести к ригидности правовой системы и ее неспособности адаптироваться к новым формам угроз конституционному строю. Поэтому важно обеспечить баланс

между единообразием правоприменения и возможностью творческого развития ординарного судебного противодействия антиконституционным посягательствам. Диалектическое взаимодействие этих противоположных тенденций создает динамическую устойчивость системы судебной защиты конституционного строя.

Важным институциональным элементом в системе судебной диагностики и превенции посягательств на конституционный строй являются суды общей юрисдикции, осуществляющие правосудие по уголовным делам об экстремизме и терроризме, а также рассматривающие административные дела о запрете деятельности организаций экстремистского и террористического характера.

Экстремизм и терроризм как наиболее опасные формы посягательств на конституционный строй требуют особых механизмов правового противодействия. Судебные органы в этой системе выполняют ключевую роль не только в плане репрессивного правоприменения, но и в сфере превентивной деятельности, направленной на раннее выявление и блокирование экстремистских и террористических угроз.

Процессуальным законодательством Российской Федерации предусмотрен двухкомпонентный механизм признания организаций экстремистскими и террористическими, включающий:

1) признание организации террористической, а политической партии, общественного или религиозного объединения либо иной организации экстремистской на основании заявления прокурора в порядке административного судопроизводства (Главы 27, 27.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ);

2) автоматическое признание террористической организацией террористического сообщества после вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу об организации такого сообщества или участии в нем (часть 2 статьи 24 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

Данный механизм позволяет обеспечить как оперативное реагирование на выявленные угрозы и экстремистскую, так и последующую уголовно-правовую квалификацию продолжения деятельности запрещенных организаций, что создает эффективный барьер на пути развития организованных форм террористической и экстремисткой деятельности.

В превентивной судебной деятельности важное место занимает также институт предостережений о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (статья 7 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), выносимых прокурорами с возможностью последующего судебного контроля их обоснованности. Данный ин-

ститут обеспечивает раннее предупреждение экстремистской деятельности на стадии формирования умысла, создавая тем самым механизм упреждающего противодействия антиконституционным посягательствам.

Таким образом, функциональная диверсификация судебной диагностики проявляется в многообразии процессуальных форм и механизмов выявления и превенции конституционных угроз. К ним относятся:

– конституционно-интерпретационная деятельность судебного органа конституционного контроля, формирующая доктринально-правовое понимание конституционных ценностей и принципов;

– судебное нормоконтрольное производство, обеспечивающее верификацию нормативных правовых актов на предмет соответствия конституционным основам;

– казуальная диагностика при рассмотрении конкретных судебных дел, позволяющая выявлять локальные конституционные деформации;

– суммативная диагностика на основе обобщения судебной практики, выявляющая системные дисфункции в правоприменительной сфере;

– превентивно-запретительная деятельность судов в отношении организаций экстремистской и террористической направленности.

Телеологическая константа конституционной диагностики и превенции состоит в раннем выявлении угроз конституционному строю до стадии их кристаллизации в форме конкретных противоправных посягательств. При этом важнейшую роль играет способность судебной власти не только идентифицировать конституционные дисбалансы, но и формулировать конституционно-правовые интерпретации, предлагающие пути их устранения и создающие правовой иммунитет против подобных дисбалансов в будущем.

В современных условиях особую значимость приобретает механизм постоянного конституционного мониторинга, который может осуществляться высшими судебными органами. Отсутствие действенного механизма своевременного выявления и восстановления нарушенного конституционного баланса становится основной причиной накопления отрицательной общественной энергии, что в конечном итоге может привести к социально-политическим кризисам и угрозам конституционному строю. Поэтому задача создания эффективной системы судебной диагностики конституционных дисбалансов является приоритетной с точки зрения обеспечения конституционной безопасности.

Особое внимание следует уделить проблеме баланса между обеспечением безопасности конституционного строя и защитой конституционных прав и свобод. Как справедливо отмечается в доктринальных источниках, «в нарушение оптимального баланса или абсолютизация отдельных конституционно-правовых ценностей – это основная причина воспроизводства различных кон-

фликтов» [9, с. 43]. Поэтому судебная власть должна не только выявлять угрозы конституционному строю, но и обеспечивать соразмерность мер, направленных на противодействие таким угрозам, конституционным принципам защиты прав и свобод.

Выводы. Потенциал судебной власти в механизме диагностики, выявления и предупреждения противоправных посягательств на конституционный строй представляет собой институционально-функциональную способность судебных органов своевременно идентифицировать угрозы конституционному строю и принимать эффективные меры по их нейтрализации.

Проведенное исследование многоуровневых механизмов судебного противодействия антиконституционным посягательствам позволяет сконструировать структурно-функциональную модель диагностической и превентивной деятельности судов основанной на принципах системности, взаимодополняемости и компетенционной синергии. Данная модель включает следующие элементы:

– конституционно-диагностический компонент, реализуемый преимущественно Конституционным Судом Российской Федерации и заключающаяся в выявлении конституционных дисбалансов и деформаций конституционных ценностей;

– доктринально-формирующий компонент, состоящий в формировании конституционной доктрины противодействия экстремизму и терроризму посредством судебного толкования;

– интерпретационно-унифицирующий компонент, направленный на обеспечение единства судебной практики в сфере применения законодательства о противодействии посягательствам на конституционный строй;

– превентивно-запретительный компонент, реализуемый в форме запрета деятельности экстремистских и террористических организаций;

– казуально-превентивный компонент, осуществляемый при рассмотрении конкретных уголовных, административных и гражданских дел, связанных с противодействием экстремизму и терроризму.

Эффективность данной модели обеспечивается функциональной интеграцией различных элементов судебной системы и их когерентным взаимодействием с иными институтами государства и гражданского общества, участвующими в превенции антиконституционных посягательств.

Реализация потенциала судебной власти в рассматриваемой сфере основывается на принципах верховенства права, независимости судебной власти, соразмерности применяемых мер, а также соблюдения баланса частных и публичных интересов. Соответствующая судебная деятельность должна осуществляться в рамках сбалансированного подхода, обеспечивающего как эффективную защиту конституционного строя, так и соблюдение конституционных прав

и свобод. Обособленная абсолютизация конституционной безопасности в ущерб иным конституционным ценностям (например, правам и свободам человека) может сама по себе стать фактором дестабилизации конституционного строя.

Список цитируемой литературы

1. Мархгейм М. В., Андреев С. Д. Политический плюрализм в ряду основ конституционного строя России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 12 (115). С. 59-62.
2. Мархгейм М. В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
3. Намитоков Ю. А. Органы судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 73-79.
4. Шутак И. Д. Мониторинг правоприменения как действенное средство повышения качества правотворческой стратегии, тактики, техники // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 835-838.
5. Миц Д. С. Конституционно-правовые ценности и механизмы в сфере противодействия противоправным посягательствам на конституционный строй (сравнительно-правовое исследование): дисс. … канд. юрид. наук. М., 2016. 224 с.
6. Кравец И. А. О правовой природе конституционной герменевтики // Право и политика. 2003. № 1. С. 15-29.
7. Малютин Н. С. Роль судебного толкования в обеспечении стабильности конституционного строя в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, № 2. С. 172-187.
8. Коршунова П. В. Единство судебной практики и правовые средства ее обеспечения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 25-35.
9. Третьяк И.А. Общая теория конституционной. – М.: Проспект, 2023. 264 с.

Трапезников Александр Иванович
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

ВОПРОСЫ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье заявлен тезис, что проблематика дробления бизнеса и правовые подходы являются предметом исследования в зарубежных странах. Автор производит краткий обзор изучения проблематики дробления бизнеса в зарубежных странах, представленная в зарубежной юридической литературе.

Ключевые слова: налоговая выгода, налоговая экономия, дробление бизнеса, бизнес-структура.

«Каждый юрист, конечно, хорошо знает, что случайность, деструкция, нестабильность, дезорганизация, отклонения и нарушения законов, ошибки и неудачи вовсе не исключены из правовой сферы, их всегда больше, чем хотелось бы…» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 55)

В основу квалификации дробления бизнеса положены установленные в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее – Постановление № 53) базовые подходы, которые при исследовании вопроса получения налоговой выгоды посредством дробления бизнеса направляют правоприменителей к оценке экономической сущности хозяйственной деятельности налогоплательщиков, которым налоговый орган вменяет дробление бизнеса.

Формирование подходов к оценке обоснованности налоговой выгоды сложилось в правоприменительной судебной практике в результате восприятия зарубежной судебной практики и доктринальных основ.

Как указывает Е.В. Килинкарова, в основе правовых подходов Постановления № 53 лежит опыт правоприменения стран англосаксонской правовой семьи и в наибольшей степени – Соединенных Штатов Америки (далее – США) и Великобритании [1].

В науке и практике данных стран рассматриваются как общие вопросы получения налоговой выгоды, так и частности, связанные с исследованием и

квалификацией в качестве противоправных тех налоговых практик, которые связаны с формированием искусственных бизнес-структур, целью которых является получение налоговой экономии.

Детальное рассмотрение проблематики вышеуказанных схем разделения бизнеса в США производит Д. Грайвелл, отмечая значительное увеличение перемещений корпоративной прибыли за пределы США посредством искусственного разделения бизнеса с его инкорпорацией за границей [2].

На необходимость разрешения данной проблемы для США и других стран, столкнувшихся с неуплатой налогов плательщиками, разделившими бизнес через его инкорпорацию в разных юрисдикциях, указывает Дж. Дин [3].

Из работ П. Сикки, Х. Уиллмотта следует, что проблема разделения доходов в бизнесе посредством перевода центров получения прибыли из юрисдикций с высокими налогами в низконалоговые, также обсуждается в качестве актуальной в Великобритании [4].

Изложенная проблематика и ее обсуждение в Великобритании привела к понимаю, что основные возможности для уклонения от уплаты налогов возникают на границах государственных юрисдикций между разными налоговыми системами.

Как указывают Х. Миллер, Т. Поуп, это повлияло на формирование нормативных положений о недопустимости ситуаций, когда поток доходов облагается налогом по-разному в разных юрисдикциях, вследствие чего, в Великобритании введен налог на переведенный доход, направленный на устранение различий налоговых ставок [5].

Также следует заметить, что в Великобритании проблема уклонения от налогообложения посредством распределения доходов между разными налогоплательщиками в целях получения налоговой экономии рассматривается не только применительно к корпоративным субъектам, но и к налогоплательщикам – физическим лицам, которые при прогрессивной системе личного подоходного налога имеют стимул переносить доход от членов семьи с более высокой индивидуальной налоговой ставкой на членов семьи (иных взаимозависимых лиц) с низкой налоговой ставкой [6].

Подходы, получившие развитие в правоприменительной практике США и Великобритании к фискальному реагированию на формирование бизнес-структур, позволяющих производить распределение доходов и посредством формально не запрещенных законодательных механизмов получать налоговую экономию, применяются и в других странах.

Как отмечается в диссертационном исследовании Л. Терон, в ЮАР выстраивание корпоративных бизнес-структур должно соотноситься с доктринами экономической сущности и превалирования существа над формой, коммерче-

ская деятельность должна выстраиваться таким образом, чтобы налогоплательщики получали только те налоговые преимущества, которые предусмотрены законом [7].

Аналогичные подходы, как указывает Д. Преббл, имеют место быть в Новой Зеландии, где налоговые службы также занимаются пресечением схем разделения бизнеса и доходов [8].

Опыт Германии в противодействии дроблению бизнеса описывает Р.Н. Шишкин, указывая на то, что немецкое правоприменение по данной категории дел также широко опирается на ставшие общемировой практикой доктрины экономической сущности, существа над формой и деловой цели [9].

Особое внимание вопросам дробления бизнеса уделяется в Канаде, поскольку данная проблема являлась достаточно острой для налоговой системы данной страны.

Обращаясь к данной проблеме в правоприменительной практике Канады, Д.Я. Подшивалова отмечает, что появление вышеуказанной льготы для субъектов малого бизнеса обусловило необходимость разработки особых финансово-правовых средств, направленных на пресечение действий налогоплательщиков, которые искусственно создают условия для применения льготы, разделяя свой бизнес на несколько компаний для налоговых целей [10].

При этом, как уже становится понятно, российская правоприменительная практика в сфере налоговой выгоды, впервые системно изложенная в Постановлении № 53 и развитая в последующей судебной практике, также уходит корнями в вышеуказанные зарубежные подходы.

Вслед за российской практикой пресечения схем дробления сформировались идентичные подходы в постсоветских странах [11].

Таким образом, формирование судебных позиций о противодействии дроблению бизнеса в Российской Федерации является своего рода рецепцией зарубежных подходов к решению аналогичных проблем, где данная проблема фискальных потерь государства возникла существенно раньше.

Список цитируемой литературы

1. Килинкарова Е.В. Допустимая налоговая оптимизация в судебных доктринах США и Великобритании // Закон. 2012. № 1. С. 166-172.

2. J. G. Gravelle, 2015. Congressional Research Service. 15 January 2015. Tax Havens: International Tax Avoidance and Evasion. Available from: https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R40623.pdf.

3. J. Dine. The three shades of tax avoidance of corporate groups: company law, ethics and the multiplicity of jurisdictions involved. European Business Law Review, 2019. 30(1). P.149-181. DOI:10.54648/EULR2019006.

4. P. Sikka, H. Willmott. The Dark Side of Transfer Pricing: Its Role in Tax Avoidance and Wealth Retentiveness. Critical perspectives on accounting, 2010. P. 342-356. DOI:10.1016/j.cpa.2010.02.004.
5. H. Miller, T. Pope. Corporate tax avoidance: tackling Base Erosion and Profit Shifting. The IFS Green Budget. February 2016. P. 169-200. Available from: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/gb2016ch8.pdf.
6. G. Loutzenhiser. Income Splitting, Settlements and Avoidance: Taxing the Family on Business Profits. Christ Church, DPhil Thesis, Trinity Term 2009. P. 1-366. DOI:10.53300/001c.6578.
7. L. Theron. The use of Corporate Structures and Tax Avoidance. Dissertation submitted in partial fulfilment of the requirements for the Masters Degree in Commercial Law (LLM Law CML01). 2015. Available from: https://open.uct.ac.za/server/api/core/bitstreams/544feb3a-622a-4387-9767-bc0c3501f7c1/content
8. J. Prebble. The Morality of Tax Avoidance (2010). Creighton Law Review, Vol. 43, No. 3, pp. 693-745, 2010, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 9/2012, Available from: https://ssrn.com/abstract=1650363
9. Шишкин Р.Н. Налоговая выгода при дроблении бизнеса: позиция налоговых органов и судебных инстанций. М.: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 3. 176 с.
10. Подшивалова Д.Я. Финансово-правовые средства противодействия недобросовестной практике дробления бизнеса в Канаде // Налоги и налогообложение. 2021. № 2. С. 85–92.
11. Амирсланова Э.А. Зарубежный опыт дробления бизнеса // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2022. № 2. С 42-47.

Цеплина Таисия Дмитриевна
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Армавир, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается концепция принципа самостоятельности публичных органов власти в рамках конституционного устройства государства. Анализируются теоретические основы принципа самостоятельности и его закрепление в конституционных нормах.

Ключевые слова: конституция, самостоятельность публичных органов, принцип разделения властей, государственная власть, местное самоуправление

«Принципы нельзя выдумывать, произвольно изменять, но их можно игнорировать, подменять, дискредитировать, однако, пожалуй, самое распространенное злоупотребление принципами, связанное с их иерархической, ценностной структурой, – это недооценка одних принципов и переоценка других. В таких случаях система принципов деформируется или выходит из строя. Для каждой специфической сферы деятельности необходим отбор ценностей и построение на их базе иерархии принципов, обеспечивающих успех соответствующего дела» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 662-663).

Современное государство характеризуется сложной системой публичных институтов, каждый из которых выполняет определённые функции в рамках разделения властей. Одним из ключевых принципов их организации является самостоятельность – способность органов власти действовать независимо и самостоятельно в пределах своих полномочий. Этот принцип закреплён в конституционных нормах большинства государств и служит гарантией эффективности и легитимности государственной деятельности.

Рассматривая конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства, М.В. Мархгейм отнесла объединенные одной статей разделение единой государственной власти на функциональные ветви и самостоятельность органов государственной к разряду конституционных принципов, отметив, что «Помимо прямо названных принципов, в Конституции России содержаться положения, которые по «основополаганию» (отнесены к основам конституционного строя) и признанности являются конституционными принципами» [1, с. 50].

Понятие самостоятельности публичных органов является фундаментальным в системе конституционного права и теории государственного управления. В научной литературе под самостоятельностью понимается способность публичных институтов осуществлять свои полномочия независимо от внешнего давления и вмешательства, что обеспечивает их эффективность и легитимность [2, с. 125-127].

Теоретические основы этого понятия заложены в концепциях разделения властей, принципа независимости и автономии государственных институтов. Согласно классической теории разделения властей, каждый орган власти должен обладать определенной степенью автономии для предотвращения концентрации власти и обеспечения баланса между ветвями власти [3, с. 50-52]. В рамках этой идеи самостоятельность выступает как гарантия независимости судебной, законодательной и исполнительной ветвей.

В современной юридической науке под самостоятельностью понимается не только внутреннее устройство органов, но и их способность самостоятельно принимать решения в пределах своих полномочий без вмешательства других государственных структур или частных лиц [4, с. 95-97]. Это включает в себя такие аспекты, как финансовая автономия, кадровая независимость и возможность самостоятельно формировать свою деятельность.

Конституционные основы самостоятельности закреплены в нормах о разделении властей, автономии местного самоуправления, независимости судов и иных публичных институтов. Эти принципы служат теоретической базой для формирования правовых гарантий их независимости и эффективности [5, с. 210-213].

Таким образом, теоретические основы понятия самостоятельности публичных органов связаны с идеями разделения и баланса власти, а также с концепциями юридической автономии, что обеспечивает стабильность функционирования государства и защиту прав граждан.

Конституционные основы закрепления принципа самостоятельности публичных органов являются фундаментальной составляющей правового устройства государства. Этот принцип отнесен к разряду основ конституционного

строя России, что в силу ст. 16 Конституции России обеспечивает его стабильность и легитимность. В частности, разделение властей, закреплённое в конституционной ст. 10, поддерживается тезисом о самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. При этом самостоятельность реализуется в рамках установленных для них полномочий, что способствует эффективному выполнению указанными публичными органами своих функций.

Уточним, что наряду с конституционно адресованной органам судебной власти самостоятельностью закреплена и независимость судей. Так, согласно конституционной ст. 120 «1. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». В качестве гарантии независимости выступает и установленное конституционной нормой ст. 124 бюджетное финансирование судов, что «должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом».

Самостоятельность конституционно определена также для субъектов Российской Федерации в части, касающейся организационно-институциональной сферы. Так, согласно ст. 77 Конституции России «1. Система органов государственной власти … устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти…».

Помимо государственного уровня публичной власти самостоятельность адресована также местному самоуправлению. Согласно конституционным положениям, местное самоуправление «в пределах своих полномочий самостоятельно» (ст. 12), «обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения» (ч. 1 ст. 130). При этом «Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации (ч. 1 ст. 131), а органы местного самоуправления «самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения…» (ч. 1 ст. 132).

Анализ конституционного текста показал и однократное приложение «самостоятельности» к социальным субъектам, а именно гражданам, достигшим 18 лет. Так, именно с этого возраста согласно ст. 60 «Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности…».

Соответственно, из семи конституционных упоминаний слова «самостоятельный» два связаны с государственным сегментом публичной власти и четыре – с муниципальным.

Подчеркнем, что конституционные нормы создают правовую основу для реализации принципа самостоятельности публичных институтов, обеспечивая баланс между ветвями власти. Эти положения служат гарантией эффективного функционирования публичного механизма.

Список цитируемой литературы

1. Мархгейм М.В. Конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства // В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 49-51.
2. Иванов А.П. Конституционное право России. – М.: Юрайт, 2018.
3. Смирнова Е.С. Разделение властей и его роль в обеспечении независимости. – СПб.: Питер, 2019.
4.Петров В.В., Кузнецова И.Н. Публичные институты и их конституционные основы. – М.: Проспект, 2020.
5. Лебедев В.В. Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2017.

Шеломенцев Алексей
аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ И ФАКТИЧЕСКИ СУЩЕСТВУЮЩИХ «КРИПТОАКТИВОВ» И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу фактически существующих и наиболее популярным «криптоактивов», функционирующих и используемых огромным количеством участников «крипто» рынка. Автор в данной статьи не затрагивает действующее правовое регулирование, а пытается рассмотреть вопрос с точки зрения уже сложившихся механизмов работы «криптоакивов».

Ключевые слова: цифровая валюты, криптоактивы, криптовалюта, стейблкойн, токен, альткойн.

Подавляющее большинство юридических норм изначально или эвентуально (косвенно) не ориентированы на возможность принуждения, они несут в себе организационно-упорядочивающий смысл» (Г.В. Мальцев) [1, с. 131-132].

Российский законодатель продолжительное время оставлял не урегулированным вопрос связанный с «криптоактивами». Лишь в 2020 году Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» (далее – Закон о ЦФА), которым были введены в правовую реальность России такие термины как «цифровой финансовый актив» и «цифровая валюта». Однако, несмотря на закрепление такого понятия как цифровая валюта, вопрос о налогообложение доходов от операций, связанных с ней, был разрешен лишь спустя четыре года.

С 01 января 2025 года в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ) вступили в силу положения о налогообложении доходов от операций, связанных с цифровой валютой. Так, согласно п.2 ст. 38 НК РФ, цифровая валюта для целей НК РФ признается имуществом, и соответственно в соответствии с п.1 ст. 38 НК РФ, признается объектом налогообложения.

В свою очередь, непосредственно перед изучением дальнейших правил налогообложение доходов от операций с цифровой валютой, автор диссертационного исследования считает необходимым в первую очередь, разобраться в понятийном аппарате, используемом в отношение «криптоактивов», для этого необходимо в первую очередь установить и описать принципы работы наиболее популярных и фактически существующих «криптоактивов» и классифицировать их.

I. Установление и описание принципов работы наиболее популярных и фактически существующих «криптоактивов».

а) Bitcoin, первая «криптовалюта»

Самой известной децентрализованной платежной системой является bitcoin, поддерживаемая за счет «криптовалюты» bitcoin. Указанная «криптовалюта» является так называемым «газом», «топливом», обеспечивающим вычисления, происходящие в системе Bitcoin.

Bitcoin функционирует на основании системы blockchain. Сатоши Накамото, считающийся создателем bitcoina, описал принципы работы системы следующим образом [2, с. 4]:

- новые транзакции рассылаются всем узлам;
- каждый узел объединяет пришедшие транзакции в блок;
- каждый узел пытается подобрать хэш блока;
- удовлетворяющий текущей сложности.
- как только такой хэш найден, этот блок отправляется в сеть.

- узлы принимают блок, только если все транзакции в нем корректны и не используют уже потраченные средства;

- свое согласие с новыми данными узлы выражают, начиная работу над следующим блоком и используя хэш предыдущего в качестве новых исходных данных.

Муратов А.В., директор центра евразийского сотрудничества и развития, указывал, что «блокчейн представляет из себя цепочку компьютеров, которые должны одобрить транзакцию, прежде чем она может быть подтверждена и записана. Как защищенная база данных, совместно используемая вмеси сторонами в распределенной сети, блокчейн записывает и хранит каждую операцию, создавая безотзывную и проверяемую историю транзакций» [3, с. 131].

Б) Альткойны

Б1) ETH (эфир), являющийся альткойном («криптоактив» появившиеся после Bitcoina, использующие принцип работы blockchain).

Указанный «криптоактив» является вторым по популярности после bitcoina, на 29.04.2025 года, рыночная капитализация ETH составляет 219,80 миллиардов долларов США [4]. Отличие Ethereum от Bitcoina как систем, заключается в том, что blockhain Bitcoin представляет собой исключительно децентрализованную платежную систему, в том время как blockhain Ethereum, обеспечивает работу в принципе децентрализованных приложений, а также использование смарт-контрактов [5, с. 37].

В) Стейблкойны (подвид альткойнов)

в1) USDT, стейблкойн обеспеченный фиатной валютой.

USDT представляет собой «криптоактив», обеспеченный фиатной валютой, в данном случае долларом США. Соотношение курса «криптоактива» (USDT) с фиатной валютой примерно 1:1. Так, на 29.04.2025 число, 1 USDT = 1 доллару США [6]. Сам выпуск USDT является централизованным, эмитентом указанного «криптоактива» является Tether Ltd, однако USDT технические децентрализован в рамках blockchain, например таких как Bitcoin и ETH.

в2) DAI, «криптоактив» обеспеченный «альткойном» (например, ETH).

Отличие указанного «криптоактива» от USDT заключается в том, что первый обеспечен «алькойном», а USTD долларом США, а также выпуск, DAI происходи децентрализованным сообществом MakerDAO.

г) Токены

г1) ETH-20 в сети Ethereum, TRC-20 токен в сети Tron, BEP-20 токен в сети Binance Smart Chain, выпускаемые децентрализованным образом.

Токен – это «криптоактив», созданный и функционирующий на базе существующего blockchain, например, Ethereum, Binance Smart Chain, Solana и др. В отличие от «монет» (как Bitcoin или Ether), которые являются собственными

валютами blockchain, токены – это надстройки, использующие инфраструктуру этих blockchain.

Другими словами, стейблкойн это форма, а токен это назначение.

Например, возвращаясь к USDT, по форме он является токеном (то есть «криптоактив» с привязкой к фиатной валюте – доллары США) но при этом по назначению он предназначен для обмена и расчета.

Таким образом, в каком-то роде все стейблкойны являются токенами, но все токены являются стейлбкойнами.

г2) NFT, токен выпускаемый централизованным способом и при этом являющийся уникальным, невзаимозаменяемым.

Указанный вид токена, может выпускать как одним конкретным человеком, так и компанией.

г3) MKR (MakerDAO), COMP (Compound), AAVE (Aave) представлены как вид управляющих токенов, используются в децентрализованных автономных организациях и дают владельцу право голосовать за решение в проекте (изменение протокола, распределение фондов и т.д.)

г4) токенизированные акции Tesla, золото PAXG.

Указанный вид токенов, представляет долю в реальных активах: акциях, недвижимости, золоте, выпускаемые централизованным способом.

II. Классификация «криптоактивов»

Одна из качественных авторских классификаций «криптоактивов» принадлежит доктору экономических наук Д.А. Кочергину. Он подразделяет «криптоактивы» следующим образом [7]:

Соглашаясь с предложенной Д.А. Кочергиным классификацией, автор настоящей статьи предлагает следующие изменения в одну из ее частей, а именно:

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. 800 с.
2. Satoshi Nakamoto. «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System» https://nakamotoinstitute.org/library/bitcoin/
3. Муратов А.В. «О тенденциях и рисках криптовалютного рынка: роль и значение технологии блогчейн» // Технология блогчейн и криптовалютный рынок: глобальные риски, тенденции и перспективы развития. М., 2022.
4. Ethereum (ETH): цена, капитализация, новости [Электронный ресурс] – Investing.com (29.04.2025).
5. Шапиро И.Е. Ethereum с открытым исходным кодом: возможности применения в экономике // Финансовый исследования. 2017. № 4 (57).
6. Цена валют Tether USDt / Доллар США (USDT/USD) на Kraken [Электронный ресурс]. – Investing.com (29.04.2025).
7. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 75–130.

Юраков Евгений Алексеевич
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ АБРИС ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В настоящей работе исследовательское внимание уделено анализу значения, оказываемого конституционными нормами и принципами, на институт юридической ответственности. Автор, используя выводы судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации и позиции ученых, приходит к выводу о тесной взаимосвязи ряда принципов, закрепленных в Конституции Российской Федерации, и института юридической ответственности. В работе исследован пример трансформации отдельных положений законодательства, касающихся юридической ответственности, за счет влияния конституционных принципов.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционные принципы, конституционный правопорядок.

«Юридическая институционализация дает возможность систематизировать и группировать общественные отношения по разным критериям, предварительно упорядочить их в отношении норм, ценностей, интересов, целей и задач общества и государства. Выбор адекватных критериев, умение сочетать их в оптимальном варианте становиться здесь делом исключительной важности и ответственности. Обычно удачными признаются те институты, которые удовлетворительно служат некоторым идеалам, ценностям и вместе с тем практическим потребностям и интересам» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 398).

Юридическая ответственность нередко становится предметом научных исследований, что обусловлено ее важным значением для правовой системы любого современного государства. Чаще всего в работах ученых делается ак-

цент на отраслевую юридическую ответственность, однако при исследовании тех или иных вопросов отдельное внимание следует уделять ключевым основам любой разновидности ответственности, которые, как правило, содержатся в конституции государства. Анализ роли конституционных норм и принципов, закрепленных в Конституции Российской Федерации, в функционировании института юридической ответственности имеет важное значение для определения возможных векторов его развития.

В действующей Конституции Российской Федерации можно встретить ряд положений, прямо влияющих на основные постулаты юридической ответственности. Речь идет о нормах, изложенных в ст. 19 и ст. 54 Конституции Российской Федерации. В данных статьях закреплены фундаментальные принципы для рассматриваемого института – юридическое равенство и правовая определенность, а также запрет возложения ответственности за деяния, которые в момент их совершения не признавались законодателем правонарушением.

В этой связи достаточно интересной является позиция, сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации по вопросу роли конституционного правопорядка в институте юридической ответственности: «Установление таких мер, направленных на защиту собственности от преступных посягательств, Конституция Российской Федерации возлагает на законодателя, предоставляя ему достаточно широкую свободу усмотрения, но одновременно обязывая руководствоваться имеющими универсальное и по своей сути относящимися к основам конституционного правопорядка общими принципами юридической ответственности, включая принципы юридического равенства и правовой определенности, а также принцип nullumcrimen, nullapoenasinelege (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), которые получили конкретизацию в ее статьях 19 (часть 1) и 54 (часть 2)» [1].

Как можно заметить, Конституционный Суд Российской Федерации достаточно однозначно установил, что рассматриваемые общие принципы юридической ответственности относятся к основам конституционного правопорядка. В дальнейшем законодатель, с учетом соблюдения упомянутых принципов, вправе самостоятельно определять правовое регулирование отраслевой юридической ответственности. Учитывая изложенное, можно с уверенностью говорить о том, что в конституционных положениях закреплены фундаментальные основы института юридической ответственности, функционирующего в правовой системе Российской Федерации.

Еще одним важным принципом юридической ответственности, носящим конституционный характер, является неотвратимость наказания. Как справедливо указывает А.А. Карицкая, принцип неотвратимости наказания вытекает из Конституции Российской Федерации, что было отмечено Конституционным

Судом Российской Федерации, и заложен в основу системы юридической ответственности [2]. Значение данного принципа сложно переоценить, ведь именно благодаря ему создается атмосфера законности в функционировании правовой системы государства.

В продолжение изучения взаимосвязи конституционных норм и принципов с институтом юридической ответственности невозможно не обратиться к Г. А. Гаджиева. Рассуждая о конституционных основах юридической ответственности, он указал, со ссылками на судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации, на конкретные случаи воздействия конституционно-правовых норм и принципов на институт юридической ответственности. Так, Конституционный Суд Российской Федерации установил отступление федеральным законодателем от конституционных принципов соразмерности и индивидуализации юридической ответственности – Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривала возможность установления наказания ниже нижнего предела при определенных обстоятельствах, а Общая часть КоАП – нет. Сам судебный акт (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 № 1-П) касался конституционности ч. 5 ст. 19.8 КоАП и установил порядок действия нормы до внесения изменений законодателем в соответствии с предписаниями суда [3].

Примечательно, что законодатель пошел дальше, и уже Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 515-ФЗ «О внесении изменений в статью 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» дополнил ст. 4.1 КоАП РФ (а не отдельную норму Особенной части) положениями о возможности назначения для граждан, должностных лиц и юридических лиц наказания ниже минимального размера административного штрафа в исключительных случаях с учетом множества факторов (п. 2.2, 2.3, 3.2, 3.3 ст. 4.1 КоАП РФ).

В приведенном примере наглядно прослеживается влияние конституционно-правовых принципов на развитие и функционирование института юридической ответственности. Проведенный анализ, с учетом приведенных позиций ученых, практики Конституционного Суда Российской Федерации, позволяет однозначно говорить о том, что конституционные основы имеют большое значение для института юридической ответственности, так как определяют фундаментальные основы (принципы), выступающие ориентиром как для законодателя в процессе нормотворчества, так и для судебной практики в процессе осуществления правосудия.

Список цитируемой литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2023 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 Уголовного

кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Великанова // Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 2747.
2. Карицкая А.А. Институт возбуждения дела об административном правонарушении в свете реформы контроля (надзора) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 4. С. 131 – 155.
3. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1 (205). С. 7-15.

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ПЕРО

Алексеева Жанна Дмитриевна
студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ЖИЛИЩНЫЕ ГАРАНТИИ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В РОССИИ

Аннотация. На основе анализа федерального законодательства в статье были исследованы предоставляемые государством жилищные гарантии государственному гражданскому служащему, понимаемые автором в качестве составляющей правового статуса этой категории российских граждан. Проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие вопросы предоставления служебного жилья, жилищных субсидий и иных форм поддержки государственных гражданских служащих. Также в статье акцентировано внимание на проблемы реализации действующих в этом отношении норм публичного права.

Ключевые слова: конституционное право на жилище, государственная гражданская служба, государственная поддержка, служебное жильё, жилищная субсидия, служебное помещение, жилищное право.

«Юридические гарантии создаются не под норму либо закон, а под институт, за которым стоит некое множество норм и нормативных актов. Ор-

ганы учреждаются, организации создаются не ради отдельных норм и законов, а для реализации института или нескольких институтов, преследующих единые либо близкие цели». (Г.В. Мальцев. Социальные основания права. М., 2011. С. 436).

Государственная гражданская служба для современной молодежи представляется в сопряжении с высокой ответственностью и несоответствующим ее ожиданиям денежным содержанием. В том числе и в этой связи многие избирают иные сферы приложения своих знаний, умений и навыков, приобретенных в процессе получения высшего образования. По словам Г.В. Мальцева, «каждый разумный человек действует вполне сознательно, расчетливо и целесообразно уже тогда, когда руководствуется своими потребностями, желаниями, стремлениями, намерениями, интересами, другими факторами, которые выражают его отношение к внешнему миру» [1, с. 265].

Задача данной статьи обратить внимание на поддержку статуса государственного гражданского служащего через гарантии реализации его жилищных прав.

Как известно, именно жилье, являющееся базовой составляющей конституционного права на жилище, артикулированной в ст. 40 Конституции России (принята 12 декабря 1993 г. путем всенародного голосования), ассоциируется с наибольшей ценностью в социально-экономической системе и конкретным проявлением социальности Российского государства (ст. 7).

В Российской Федерации на данном экономическом этапе развития сложилась ситуация, при которой значительная часть населения, включая государственных гражданских служащих, сталкивается с трудностями при решении жилищного вопроса из-за высокой стоимости такого рода недвижимости и ограниченного уровня доходов. Как отмечал Г.В. Мальцев, «Что касается потребности, то она выступает, во-первых, как осознание, ощущение, переживание субъектом недостатка в каком-либо жизненном условии и, во-вторых, как стремление присоединить недостающее жизненное условие к статусу данного субъекта с тем, чтобы, как правило, реализовать его определенный социальный интерес» [1, с. 280].

Отметим, что государственная гражданская служба в Российской Федерации подразумевает под собой не только обязательства по выполнению профессионального долга, но и систему соответствующих гарантий, понимаемых «как часть правового статуса личности и условия, способствующие его реализации» [2, с. 11]. Полагаем, что обеспечение государственных служащих жильем является, с одной стороны, действенным вкладом в стабильность и эффективность

государственного аппарата, с другой – стимулом поступления на государственную гражданскую службу.

Жилищные права государственных гражданских служащих регулируются широким перечнем нормативных правовых актов, включая Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ, указы Президента и постановления Правительства Российской Федерации, определяющие дополнительные меры поддержки жилищных прав.

Принимая во внимание ст. 53 Федерального закона № 79-ФЗ, государственным служащим предоставляются жилищные субсидии, служебное жилье или компенсация расходов на аренду жилого помещения.

Одним из видов жилищных гарантий для государственных гражданских служащих является «предоставление служебных жилых помещений», закрепленная Жилищным кодексом Российской Федерации. Его ст. 104 закрепляет, что служебные помещения предоставляются в виде жилого дома или квартиры, а категории граждан, имеющие доступ к предоставлению такой льготы, устанавливаются органами публичной власти (федерального, субъектов Федерации и муниципального уровней). Действует такой договор до окончания пребывания на должности государственной гражданской службы.

Обращаясь к следующему виду жилищных гарантий, важно упомянуть такой элемент статуса государственного гражданского служащего, как право на выплату единовременной субсидии на приобретение или строительство жилья. Условия предоставления таковой регулируются Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 января 2009 г. № 63 «О предоставлении федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» (вместе с «Правилами предоставления федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения»). При этом государственный гражданский служащий имеет право на единовременную субсидию на покупку жилья один раз за весь период работы в органах публичной власти. Критериями для получения субсидии являются: отсутствие в собственности жилого помещения или его несоответствие жилищным нормам, не менее 5-ти лет стажа на государственной гражданской службе и нуждаемость в улучшении жилищных условий и т.п. Полный перечь условий уставлен в пп.1-3 Правил утвержденных Постановлением Правительства от 3 июля 2019 года № 853.

Полагаем важным обратить внимание и на специальные акты. Так, Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2018 года № 219 «О предоставлении социальных выплат отдельным категориям граждан Российской Федерации, подлежащих переселению с территории комплекса "Байконур", для приобрете-

ния жилых помещений на территории Российской Федерации» установлено, что отдельные категории государственных гражданских служащих имеют право получить специальную социальную выплату на покупку жилья, при главном условии – не менее 10 лет стажа работы в федеральных государственных органах, расположенных на территории комплекса «Байконур»[1].

В числе жилищных гарантий для государственных гражданских служащих – «денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений или предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда». Это определено Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При этом размер компенсации назначается региональными нормативными правовыми актами. Предельные суммы компенсаций ежегодно утверждает Министерство труда и социальной защиты. Так, Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2024 № 379н «Об утверждении предельной стоимости найма (поднайма) 1 кв. метра общей площади жилого помещения на 2025 год, применяемой для расчета размера возмещения расходов на наем (поднаем) жилого помещения федеральным государственным гражданским служащим, назначенным в порядке ротации на должность федеральной государственной гражданской службы в федеральный государственный орган, расположенный в другой местности в пределах Российской Федерации» установлена стоимость найма (поднайма) 1 кв. метра общей площади жилого помещения (руб. в месяц) для Белгородской области 348,37 руб., для Брянской – 306,09 руб., для Воронежской – 354,97 руб., для Курской – 310,38 руб.

Несмотря на законодательное закрепление жилищных прав государственных гражданских служащих, возникают сложности в их реализации. Так, из-за неопределенности бюджетной поддержки реализации жилищных прав государственных гражданских служащих срок ожидания может составлять годы (годовые очереди как на жильё). Аналогичная ситуация и с субсидиями. В связи с разной экономической развитостью субъектов Российской Федерации предоставление объема жилищных льгот может существенно отличаться, а отсутствие механизмов контроля распределения служебного жилья порождает как коррупционные преступления. Так, «Суд признал законным вменение дисциплинарного взыскания госслужащему за некорректное заполнение справки. Госслужащего привлекли к дисциплинарной ответственности, так как он не указал в подразделе 6.1 справки о доходах долю квартиры, в которой проживал. Ее нужно было отразить как имущество, находящееся в пользовании. Государственный граж-

[1] https://www.kdelo.ru/art/385647-lgoty-gosslujashchim-v-rossii-19-m11 (электронный источник, дата обращения 13.05.2025)

данский служащий посчитал, что информацию достаточно показать в подразделе 3.1. «Недвижимое имущество». Суд не стал отменять наказание. Служащий, среди прочего, ссылался на Методические рекомендации Министерства труда и социальной защиты РФ по порядку представления сведений о доходах, в соответствии с которыми имущество, находящееся в долевой собственности у супругов, в подраздел 6.1 в пользование не вносят. Доли отражаются как собственность в справках служащего и супруги. Суд отметил, что квартира принадлежала также матери и сестре служащего, сведения на которых он не представляет. Таким образом, государственный гражданский служащий должен был указать долю в подразделе 6.1, поскольку фактически она находилась у него в пользовании»[1].

Есть и проблема конфликта интересов на должностях государственной гражданской службы. По поводу этого Н.А. Антонова отмечала, что «Собственно сами гарантии служащего при разрешении конфликта интересов условно могут быть разделены на группы. Во-первых, это – конституционные гарантии… Во-вторых, гарантии законодательства, адекватно регулирующего механизм разрешения конфликта интересов… В-третьих, должны иметь место определенные социальные гарантии…» [3, с.119].

Жилищные гарантии для государственных гражданских служащих признаются важным элементом их социального статуса. Эффективность применения данных гарантий зависит от совершенства законодательного регулирования рассматриваемой сферы, увеличения финансирования и внедрения надзорных органов по контролю за распределением жилья. Поддерживаем мнение И.В. Архипенко, что «необходимо совершенствование механизмов обеспечения жильем государственных служащих, получения жилищной субсидии. Кроме того, государственные служащие после получения данной субсидии зачастую испытывают чувство долга и благодарности к государству и стремятся принести государству еще большую пользу посредством эффективной трудовой деятельности» [4, с. 63].

Таким образом, конституционное право на жилище, адресованное «каждому», получило конкретизацию применительно к государственным гражданским служащим на законодательном и подзаконном уровнях. При этом сохраняется актуальность совершенствования реализации установленных в статусных и гарантийных целях механизмов обеспечения жильем рассматриваемой категории граждан Российской Федерации.

[1] https://mf.orb.ru/presscenter/news/245731/ (электронный источник, дата обращения 13.05.2025)

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Мархгейм М.В., Троян В.А. Гарантии субъективного избирательного права: конституционно-правовая парадигма : монография. – Москва, 2022.
3. Антонова Н.А. Гарантии государственных гражданских служащих при разрешении конфликта интересов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 115-121.
4. Архипенкова И.В. Обеспечение жильем государственных гражданских служащих Российской Федерации как стимулирующая государственная социальная гарантия // Дискуссия. 2017. №4 (78). С. 60-64.

Алексеева Жанна Дмитриевна
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
Бершадская Алина Алексеевна
студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель
Алейникова Валерия Андреевна
ассистент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

АДВОКАТ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается понятие конституционности адвокатуры, законодательное регулирование ее деятельности и функционала. Авторы статьи поднимают вопрос об определении деятельности адвокатуры исключительно через федеральное законодательство, определяют точечные моменты ее закрепления в Конституции Российской Федерации под терминами «адвокат» и «адвокатура». Также в статье упомянута существенная современная проблематика в деятельности органов прокуратуры через их взаимодействие с другими государственными структурами.

Ключевые слова: правовая система, защита прав, юридическая помощь, права человека, судебная защита, адвокатская деятельность, конституция, правосудие, правовые гарантии, правовые нормы

«Как и раньше, государство будет создавать экономические, политические и правовые институты для гражданского общества и вместе с ним. Надо согласиться с выводом, что государство, а не кто-либо другой, ответственно за институциональные трансформации, их социальные последствия, оно должно вырабатывать стратегию институционального развития страны» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 506).

Адвокатура рассматривается как институт гражданского общества, осуществляющий обеспечение и защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Прежде всего, отметим, что адвокат является квалифицированным специалистом, который наделен правом представления интересов клиентов в судебных и других органах, он оказывает им требующиеся юридические консультации. Сама адвокатура выполняет важную функцию в правовой системе, поскольку предоставляет квалифицированную юридическую помощь, выступая посредником между гражданами и государственными органами. Кроме того, деятельность адвокатов регулируется законодательством, что гарантирует их независимость и соблюдение профессиональной этики. Важно отметить, что основными направлениями работы адвокатуры являются представительство в судах, консультации по правовым вопросам, составление юридических документов, а также защита по уголовным делам. В дополнение к этому отметим, что хотя в России адвокатура и обладает значительным историческим и юридическим значением, её закрепление в Конституции Российской Федерации сведено к двум позициям в рамках Главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» (ст. 48 «2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения) и Главы 3 «Федеративное устройство» (ст. 72 «1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: … л) …адвокатура, …»). Подобная фрагментарность вызывает определенные дискуссии ученых и практиков.

На сегодняшний день в современном российском законодательстве адвокатура регулируется на уровне федерального закона. Таким основным нормативным актом, определяющим правовой статус адвокатуры и деятельность адвокатов, является Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Данный закон закрепил основные принципы организации адвокатской деятельности, права и обязанности адвокатов, а также структуру органов адвокатского самоуправления.

Однако в то же время отсутствие конституционного статуса у адвокатуры остается существенным пробелом в правовой системе страны, которое требует

свое законодательное отражение. Полагаем, что конституционный вариант упоминания адвокатуры ограничивает её роль как института, обеспечивающего реализацию конституционных прав граждан. В ходе конституционной реформы 2020 года предлагалось вернуть российской адвокатуре конституционный статус, и данные предложения исходили от самих органов адвокатского самоуправления, которые подчеркивали важность и необходимость признания адвокатской деятельности неотъемлемой частью осуществления правосудия. В результате данные инициативы не были поддержаны, и адвокатура по-прежнему остается институтом, чья деятельность определяется исключительно на уровне федерального законодательства.

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие конституционного статуса, деятельность адвокатов играет ключевую роль в реализации важнейших конституционных прав граждан. Прежде всего, к этому относится контекстно связываемое с адвокатом право каждого на судебную защиту (ст. 46), на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 46) и право каждого «задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления» пользоваться «помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» (ч. 2 ст. 48). Последняя норма подчеркивает важность своевременного участия адвоката в защите прав гражданина, особенно в уголовном процессе.

Как отмечает в своем докладе президент Адвокатской Палаты Костромской области Н. Жаринов, «В таких условиях Конституционный Суд Российской Федерации, обозначая конституционные требования к содержанию соответствующего федерального закона, стал использовать понятие «конституционное предназначение» адвоката и адвокатуры, которое состоит в том, чтобы быть элементом механизма реализации конституционных прав на судебную защиту и на юридическую помощь (Постановление от 10.11.2022 № 49-П)». В этом случае, можно подчеркнуть сделанный им вывод следующим образом – «Итак, адвокатура – это элемент механизма, посредством которого конституционное право на судебную защиту выходит из «спящего режима», а энергия государства преобразуется в полезную работу его органов» [1].

Как показывает практика, адвокатская деятельность является неотъемлемой частью системы правосудия, поскольку адвокаты обеспечивают защиту интересов своих доверителей, как на стадии досудебного разбирательства, так и в суде. Тем самым они содействуют реализации принципа состязательности сторон, который и является основополагающим для судебной системы демократического государства.

Один из важнейших элементов адвокатской деятельности – это участие в осуществлении гражданского контроля за законностью действий органов госу-

дарственной власти и местного самоуправления. Здесь мы опираемся на Конституцию России, ведь она закрепляет принцип верховенства права, который требует, чтобы все органы публичной власти действовали строго в рамках закона. Однако в реальной практике возможны случаи превышения данных полномочий, нарушения прав граждан или само игнорирования установленных норм.

Как мы уже отмечали, адвокаты выступают посредниками между обществом и государством, защищая интересы граждан в спорах с органами власти. Тем самым они обеспечивают правовую поддержку в судебных процессах, связанных с оспариванием решений или действий государственных органов, таких как незаконные штрафы, отказ в предоставлении социальных гарантий или нарушения избирательных прав [2, с. 288-290]. Таким образом, благодаря профессиональной юридической помощи адвокатов граждане могут эффективно защищать свои права и добиваться справедливости. К тому же, следует отметить, что адвокаты участвуют в публичных обсуждениях и правовой экспертизе нормативных актов, предлагаемых органами власти, а формулируемое ими мнение позволяет выявлять потенциальные риски для прав и свобод человека еще на самом этапе подготовки законопроектов, что в свою очередь, способствует повышению качества принимаемых законов.

Необходимо подчеркнуть ту особенность, благодаря которой адвокаты играют важную роль в разработке и совершенствовании законодательства, особенно в вопросах, касающихся конституционных прав и свобод. Поскольку наличие их профессиональных знаний и практического опыта позволяют выявлять пробелы и противоречия в действующих нормах права, а также предлагать пути их устранения.

В дополнение к этому, участие адвокатского сообщества в подготовке законопроектов может осуществляться как через участие в профильных рабочих группах, так и проведение независимых экспертиз или представление рекомендаций органам государственной власти. Такой подход обеспечивает баланс между интересами государства и общества, минимизирует возможность принятия норм, ущемляющих права граждан, и укрепляет правовую основу государства. К примеру, адвокаты активно участвуют в обсуждении изменений Уголовно-процессуального и Гражданского кодексов Российской Федерации, других нормативных правовых актов, затрагивающих права личности. Таким образом, их вклад помогает создать более справедливую и прозрачную правовую систему.

Следует добавить по поводу уже затронутого в самом начале права на получение квалифицированной юридической помощи, которое является закреплённым в Конституции Российской Федерации. В частности, ст. 48 гарантирует каждому гражданину право на защиту своих интересов с помощью адвоката. Это право является важным элементом обеспечения справедливого судебного

разбирательства и защиты от произвола. Следует отметить, что ст. 2 Конституции России подчеркивает ценность человека, его прав и свобод в качестве высшей. Во взаимосвязи с этим ст. 45 в России гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Тем самым данные положения создают основу для реализации права на юридическую помощь.

Важно отметить, что право на юридическую помощь не есть императив. Гражданин имеет свободу выбора: воспользоваться услугами адвоката или защищать свои интересы самостоятельно. Однако следует подчеркнуть, что практика показывает значительное увеличение шансов на успешное разрешение споров и защиту интересов клиента именно благодаря профессиональной помощи адвоката.

На сегодняшний день одной из главных проблем является баланс между защитой конфиденциальности клиента и выполнением требований государственных органов, если же, например, в ходе расследований правоохранительные органы пытаются получить доступ к информации, связанной с делом клиента. В результате данный случай ставит адвоката перед дилеммой: с одной стороны, они обязаны защищать интересы клиента, с другой – соблюдать требования закона. Подобные ситуации могут привести к конфликту между профессиональной этикой и государственными интересами. К тому же в цифровую эпоху вопросы защиты адвокатской тайны приобретают все новые формы, поскольку использование электронных средств связи, облачных хранилищ и других технологий создает дополнительные риски утечки информации. Исходя из описанных условий адвокатам необходимо уделять особое внимание кибербезопасности и использовать современные средства защиты данных.

В связи с этим, акцентируем важность соблюдения адвокатской тайны, поскольку это имеет не только профессиональное, но и конституционное значение. В частности, она напрямую связана с конституционным правом на защиту и справедливое судебное разбирательство. Поэтому любые попытки ограничить или нарушить этот принцип могут иметь серьезные последствия для прав граждан. Схожую проблематику можно отметить с трудностями адвокатов по взаимодействию с государственными структурами. В некоторых случаях адвокаты сталкиваются с попытками ограничить их доступ к материалам дела или препятствовать их участию в судебных разбирательствах. Безусловно, такие действия подрывают принципы равенства сторон в процессе и, к тому же, могут негативно сказаться на исходе дела.

Изложенное подводит нас к проблеме независимости адвокатуры как института. Такая независимость является ключевым условием для выполнения адвокатами своей миссии по защите прав граждан, однако для ее обеспечения

необходимы не только законодательные гарантии, но и практические механизмы защиты от внешнего давления.

Таким образом, в Российской Федерации адвокатура является важным звеном системы конституционно-правовых отношений. На сегодняшний день несмотря на то, что её деятельность регулируется на уровне федерального закона, отсутствие конституционного статуса, к сожалению, ограничивает её признание как института, обеспечивающего реализацию правосудия. Тем не менее, адвокаты ежедневно способствуют защите конституционных прав граждан на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь.

Список цитируемой литературы

1. Доклад Президента АП Костромской области на Научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации)», состоявшейся 07.12.2023. [Электронный ресурс] Сайт Адвокатской палаты Костромской области. Режим доступа: https://apko.fparf.ru/opinions/konstitutsionnoe-prednaznachenie-advokatury-i-ego-realizatsiya-v-deyatelnosti-advokatskikh-palat-sub/
2. Коробицына Т. С. Адвокатура и конституционные гарантии прав и свобод гражданского общества // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 288-290.

Выходцева А.В.

КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению понятия кадровой безопасности. Автором рассмотрен данный вид безопасности в качестве составляющей экономической безопасности государства. Кроме того, были выявлены угрозы обеспечения кадровой безопасности России и предложены некоторые меры по борьбе с ними.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, государство, трудовой ресурс, состояние защищенности.

«… Бороться за свой интерес – значит отстаивать свое право на развитие. Но прогрессивные возможности бытия в различных обстоятельствах могут проявляться по-разному: когда человеку грозит гибель, его интерес состоит в том, чтобы просто выжить. Отдельный индивид, как и крупный коллектив, действуя в собственном интересе, непременно укрепляет себя, повышает

свою жизнестойкость, достигает новые ступени развития. Круг интереса субъекта включает в себя то, что способствует его совершенствованию, прогрессу, и исключает то, что этому мешает, препятствует» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 271).

Одной из важнейших задач государства было и остается обеспечение его национальной безопасности, поскольку это способствует сохранению его суверенитета, действующего общественного строя, а также системы общественных отношений.

Понятие «национальная безопасность» достаточно обширное и включает в себя значительное количество аспектов.

Утвержденная Указом Президента России 02 июля 2021 г. № 400 Стратегия национальной безопасности России содержит следующее определение данной дефиниции: «Национальная безопасность Российской Федерации – это состояние защищенности России как от внешних, так и от внутренних угроз, при котором гарантируется реализация конституционных прав и свобод граждан, достойный уровень их жизни, гражданский мир и согласие в государстве, сохранение суверенитета России, её независимости и государственной целостности, а также социально-экономическое развитие страны».

Из этого определения следует выделить «достойный уровень жизни граждан» и «социально-экономическое развитие», поскольку данные пункты являются одними из составляющих кадровой безопасности, которую можно представить в качестве подотрасли экономической безопасности.

На сегодняшний день вопрос кадровой политики или кадровой безопасности страны является одним из наиболее актуальных, так как специалисты в различных сферах, работники, служащие являются главным ресурсом любой организации или структуры.

Рассмотрим более подробно понятие «кадровая безопасность». Существует несколько подходов к определению данного понятия: как процесс нейтрализации угроз, как состояние и как элемент экономической безопасности.

Авторы Н.Г. Гаджиев и С.А. Коноваленко считают, что «кадровая безопасность – это прежде всего процесс минимизации рисков и нейтрализации угроз, связанных с персоналом, трудовыми ресурсами и человеческим потенциалом, их возможными деструктивными проявлениями и негативными тенденциями, оказывающими непосредственное влияние на состояние экономической безопасности государства (региона, хозяйствующего субъекта) и на его устойчивое социально-экономическое развитие» [1, с. 7].

И. Борисов и С. Гиниева под кадровой безопасностью понимают защиту общества от угроз и рисков непрофессионализма, деструктивного профессиона-

лизма, сохранение и развитие профессионального потенциала через эффективное функционирование различных уровней кадровой политики – государственной, региональной, муниципальной и кадровой поли тики организации [2, с. 237].

Некоторым авторам кадровая безопасность представляется как «состояние трудового потенциала территории (страны, региона, предприятия), которое способно обеспечить стабильное развитие указанной территории в соответствии со стратегическими целями страны» [3, с. 13] – данным ученым кадровая безопасность представляется как состояние.

В свою очередь, А.П. Ануфриева, А.В. Лялюк, Е.А. Деркачева [4, с. 290], Н.В. Боровских, Е.А. Кипервар [5, с. 122] рассматривают кадровую безопасность в качестве приоритетного направления экономической безопасности или же одной из составляющих экономической безопасности.

Исходя из вышесказанного, можно проследить, что многогранность проблемы обеспечения кадровой безопасности обусловила существование различных подходов к пониманию данного определения.

Однако, обратимся стратегическим документам – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 года (утверждена Указом Президента России 13 мая 2017 г. № 208). В них безопасность понимается как состояние (состояние защищенности).

Напрямую термин «кадровая безопасность» в данных документах не упоминается, однако, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится об устранении диспропорций на рынке труда, о дефиците инженерных и рабочих кадров, сокращении неформальной занятости, легализации трудовых отношений, повышении уровня профессиональной подготовки специалистов, установлении принципа приоритетности трудоустройства российских граждан.

В Стратегии экономической безопасности упоминается недостаточность трудовых ресурсов как угроза экономической безопасности России.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что кадровая безопасность – это состояние защищенности человеческого ресурса от внешних и внутренних угроз, при котором гарантируется обеспечение достойных условий труда, минимизируется уровень неформальной занятости и повышается уровень легализации трудовых отношений, кроме того, повышается уровень профессиональной подготовки специалистов.

Таким образом, все подходы к пониманию понятия кадровой безопасности, по мнению автора, являются верными: кадровая безопасность – это некое

состояние, в рамках которого происходит нейтрализация тех или иных проблем, угрожающих экономической безопасности государства.

На сегодняшний день можно выделить следующие угрозы обеспечения кадровой безопасности:

– низкий уровень трудового ресурса, вызванный демографической ситуацией в стране, вследствие чего может сократиться количество рабочих рук;

– недостаточный уровень заработной платы в регионах, из-за чего люди, во-первых, не хотят получать образование по таким базовым профессиям, как учитель/преподаватель, гос. служащий, медицинский работник и т.д. или же работают не по специальности, а, во-вторых, уезжают в крупные города (например, г. Москва, г. Санкт-Петербург);

– неконтролируемый приток неквалифицированных сотрудников. Сегодня многие отказываются получать среднее специальное или высшее образование, поскольку считают, что «обучиться» можно на курсах. Это, в свою очередь, способствует росту неквалифицированных «специалистов»;

– снижение уровня жизни населения, что может привести к повсеместному некачественному исполнению своих должностных обязанностей.

Касаемо демографической угрозы, на сегодняшний день по данным Росстата естественная убыль населения растет, а количество рождений снижается [6]. Государство активно борется с данной проблемой, проводя демографическую политику, необходимо продолжать её, пока рождаемость не превысит естественную убыль населения, а затем поддерживать и постепенно увеличивать данный показатель.

Обращая внимание на уровень заработной платы, необходимо пересмотреть и повысить его, на наш взгляд, в первую очередь, в государственных учреждениях и структурах, особенно в регионах – это, в свою очередь, в какой-то степени сможет решить и другие угрозы: повышение уровня заработной платы будет способствовать привлечению молодых людей к получению таких профессий как преподаватель, врач, государственный служащий и т.д., это, в свою очередь, повысит количество квалифицированных специалистов, уровень жизни населения, а кроме того, уверенность молодого населения в завтрашнем дне будет способствовать созданию семьи в возрасте до 25 лет (на 2024 год по данным реестра ЗАГС средний возраст невесты составил 35,4 года, а жениха – 37,5 лет) [7].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что кадровая безопасность является необходимой составляющей как экономической безопасности, так и национальной безопасности государства в целом, поскольку именно от людей и их уровня жизни зависит развитие и безопасность страны.

Список цитируемой литературы

1. Гаджиев, Н. Г. Угрозы и вызовы кадровой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности государства / Н. Г. Гаджиев, С. А. Коноваленко // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2021. Т. 36, № 2. С. 7-19. DOI 10.21779/2500-1930-2021-36-2-7-19.
2. Борисов, И. А. Кадровая безопасность России: ключевые проблемы и пути решения / И. А. Борисов, С. Б. Гиниева // Достойный труд – основа стабильного общества : Материалы VI Международной научно-практической конференции: в 2 томах, Екатеринбург, 30–31 октября 2014 года. Том 1. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2014. С. 236-239.
3. Турчинов А. И. Кадровая безопасность России: постановка проблемы // Государственная служба. 2010. № 5(67). С. 12-16.
4. Ануфриева, А. П. Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности в Российской Федерации / А. П. Ануфриева, А. В. Лялюк, Е.А. Деркачева // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1(150). С. 289-293. DOI 10.34925/EIP.2023.150.1.058.
5. Боровских, Н. В. Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности региона / Н. В. Боровских, Е. А. Кипервар // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 122-126. DOI 10.25206/2542-0488-2018-2-122-127.
6. Естественная убыль пошла в рост // Коммерсантъ : [сайт]. 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7533665 (дата обращения: 05.04.2025).
7. Аналитики назвали средний возраст жениха и невесты в России // Вфокусе : [сайт]. 2025. URL: https://vfokuse.mail.ru/article/analitiki-nazvali-srednij-vozrast-zheniha-i-nevesty-v-rossii-64579060/ (дата обращения: 05.04.2025).

Кашицына Елена Григорьевна
магистрант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕХНОПАРКОВ

Аннотация. Статья посвящена тематике понятия технопарков. В статье рассмотрена роль и значение технопарков в государственной индустриально-технологической политике и в обеспечении технологического суверенитета

страны. Автор подводит некоторые итоги своих исследований. В конце статьи представлен авторский опросный лист в рамках социологических исследований.

Ключевые слова: государственная индустриально-технологическая политика, технопарк, технологическое лидерство, технологическое превосходство, научно-техническое развитие.

«Согласно некоторым современным теориям, мы переживаем сейчас переход от «морали добродетелей», ставящей акцент на моральности человека, к «институциональной морали», возвышающейся над индивидами как внешняя норма технологической необходимости. Но вопрос в том, могут ли институты и императивы, внутренне присущие высокотехнологическим системам, избавить человека от необходимости иметь собственные моральные убеждения и поступать в соответствии с ними? В этом можно глубоко сомневаться» (Г.В. Мальцев) [1, с. 11]

Технопарки (англ. – «*technology park*»; итал. – «*parco tecnologico*») – один из сложных [2] и «капризных» инструментов обеспечения технологического суверенитета.

Актуальность данной темы определяется целым рядом позиций, к которым полагаем необходимым отнести нижеследующие:

1. В условиях текущей сложной геополитической ситуации, выраженной нестабильности и «санкционных» условий задача обеспечения и удержания на длительную перспективу технологической независимости и конкурентоспособности России, обеспечения и удержания её технологического суверенитета в ключевых отраслях экономики и индустрии становится выраженно актуальной, что особо подчёркнуто в Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», требующем «создания системы государственной поддержки малых технологических компаний, обеспечивающей их ускоренный рост, технологический прорыв и устойчивое положение на национальном и мировых рынках» (пп. «г» п. 28). Одним из инструментов решения таких глобальных задач является создание и функционирование децентрализованных и распределённых сетей технологических парков (технопарков) с интегрированными в них потенциалами многофункциональности уникальных предложений, гибкостью (итеративной адаптивностью) функционалов.

2. Активная разработка и принятие крупнейшими недружественными государствами – геополитическими соперниками России документов стратегического планирования в сфере перманентного (постоянного) и тотального (или по стратегическим направлениям) обеспечения и удержания технологических

преимуществ, технологического превосходства и технологического лидерства является экзистенциональным (т.е. самому существованию) вызовом для России, требуя разработки и принятия системы своих аналогичных (встречных) документов в этой сфере.

3. Оценка социально-значимых результатов в стратегиях научно-технологического развития России, достигнутых (или напротив – недостигнутых) за последние десятилетия, в том числе посредством социологических исследовательских замеров, и переосмысление существующих подходов к государственному стратегическому управлению в индустриально-технологической сфере (прежде всего в отношении наукоёмких технологий и продукции, отвечающих текущим и перспективным национальным индустриально-технологическим, научным и оборонным интересам страны) – являются условием для применения итеративно-адаптивных подходов в корригировании российских документов стратегического планирования в рассматриваемой сфере.

4. Наличие множества принятых и действующих в России нормативных актов и официальных документов в рассматриваемой сфере – Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждённая Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145), Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», Указ Президента РФ от 17 августа 2023 г. № 622 «О порядке разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации», Указ Президента РФ от 15 марта 2021 г. № 143 (ред. от 16 января 2025 г.) «О мерах по повышению эффективности государственной политики в области научно-технологического развития», Указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий», Федеральный закон от 04 августа 2023 г. № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 13 июля 2024 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 (ред. от 30 мая 2024 г.) «О системе управления государственными программами Российской Федерации», множество документов в основе национальных проектов с 2025 года – требующих научного обобщения и осмысления, комплексной оценки эффективности, позволяя создать фундамент для выработки прогнозирования развития государственной индустриально-технологической политики. Сегодня под технологическим парком может пониматься что угодно, только не то, что должно.

Кроме того, согласно официальным данным Счётной палаты Российской Федерации, существует ряд системных проблем, определяющих недостаточную эффективность и адекватность государственной индустриально-технологической политики. И научная проработка этих вопросов совершенно необходима.

Всё это требует фундаментальной научной проработки.

Проведённое нами научное исследование позволило добиться следующих результатов:

– разработана и представлена авторская теория технологического суверенитета России, планирования и реализации индустриально-технологической политики в России, включающая авторские научно-объяснительные концепты: 1) о месте, роли и значении технопарков в этой политике; 2) о технологическом преимуществе, технологическом превосходстве и технологическом лидерстве – как элементах технологического суверенитета; 3) о детерминантах социального значения индустриально-технологической политики в России;

– на основе проведённого обобщения представленных в нормативных правовых актах и официальных документах, а также в научной литературе определений и объяснений ключевых понятий исследуемой темы, выработан базовый рабочий тезаурус по теме исследования, в числе прочего даны авторские определения следующим ключевым понятиям: «технопарк», «технологическое превосходство», «технологический суверенитет», «индустриально-технологическая политика», «технологическое лидерство»;

– представлена авторская классификация классификаций, отражающих многообразие форм и видов деятельности технопарков, разномодальность их оснащения, их функционалов;

– научно обобщён зарубежный и отечественный опыт правового регулирования создания и деятельности технопарков, с фокусировкой на вопросах о роли и значения технопарков в обеспечении и удержании технологического лидерства;

– получены представляющиеся научно ценными результаты научно-социологических исследований существующих в бизнес-сообществах требований к технопаркам и ожиданий от них, ви́дения этими сообществами меры должного в организации и функционировании технопарков;

– на основе обобщения выявленных недостатков организации и функционирования технопарков и в целом индустриально-технологической политики в России выработаны авторские предложения относительно направлений и мер совершенствования законодательства Российской Федерации в исследуемой сфере.

Ключевые научные результаты нашего исследования:

1. Оценка социально-значимых результатов в стратегии научно-технического развития, в одной из «систем координат» научного направления социологии инноваций сводима к научно-социологическим замерам и систематизации существующих в бизнес-сообществах требований к технопаркам – как аттрактивным центрам индустриально-технологических инноваций – и ожиданий от них, ви́дения этими сообществами меры должного в организации и функционировании технопарков (расширительно понимая «социальное»).

2. Системно связанные комплексы технологических преимуществ, технологического превосходства и технологического лидерства в стратегически значимых индустриально-технологических отраслях и направлениях составляют элементы технологического суверенитета страны и выступают залогом её успешности в мировом технологическом состязательном противостоянии. Технопарки обладают мощным позитивным потенциалом обеспечения технологического суверенитета и продвижения индустриально-технологической политики России.

3. Согласно авторскому определению, технологический парк (технопарк) – это играющий роль аттрактивного (аттрактор – центр схождения, сопряжения) агрегатора (т.е. платформы «бесшовного» синергетического сопряжения) разнопрофильных и разномасштабных инновационных компаний и стартапов, в целях облегчения и содействия их деятельности и развития и их синергетического сопряжения в бизнес проектах опционально обеспечивающего их (в полной комплектации):

– необходимыми и достаточными офисными, выставочно-презентационными и учебными площадями, пространствами ивент-менеджмента;

– энергетическими ресурсами промышленного масштаба;

– компактными мультимодальными испытательными стендами и полигонами достаточной для многих опытно-конструкторских и испытательно-тестировочных работ мощности и производительности;

– сверхвысокими вычислительными мощностями, лицензионными облачными технологическими ресурсами, ресурсами цифровых моделей-двойников и киберметавселенных;

– едиными аутсорсинговыми ресурсами ведения бухгалтерии, налоговой и финансовой отчетности;

– компактными технологическими производственными ресурсами (3D-печати, лазерной обработки, химреактивов и др.) достаточной для многих опытно-конструкторских работ мощности и производительности (производство опытных образцов и прототипов);

– мультимодальными высокотехнологическими лизинговыми инструментами;

– ресурсами информационной поддержки и информационного сопровождения;

– ресурсами управления знаниями и результатами интеллектуальной деятельности (РИДами);

– ресурсами обеспечения кибербезопасности и в целом безопасности;

– нотариальными ресурсами, ресурсами консультативной юридической помощи и юридического сопровождения;

– ресурсами патентных поверенных и содействия в патентном поиске.

Ниже представлен авторский опросный лист социологических исследований по заявленной тематике. С признательностью отметим, что некоторые идеи подсказаны профессором И.В. Понкиным, форматы и инструменты опросного листа частично заимствованы у его ученика В.Е. Сазонова [3].

(На вопросы, отмеченные значком «●», следует выбрать ответы «да» или «нет», просто обведя их. На вопрос, отмеченный значком «▲», можно выбрать один из вариантов ответа, обведя букву напротив, или написать свой ответ. На вопрос, отмеченный значком «■», прошу необходимо по возможности предложить развёрнутый ответ. Вы вправе пропускать те или иные вопросы, не отвечая на них, по своему усмотрению).

1.● Считаете ли Вы, в принципе, технологические парки (технопарки) полезными и значимыми для обеспечения технологического суверенитета России и её индустриально-технологической политики?

Да / Нет

(При ответе «Нет» Вы можете далее не отвечать на последующие вопрос. При ответе «Да», пожалуйста, продолжайте отвечать на вопросы).

2. Какова, на Ваш взгляд, в современных условиях средневзвешенная полезность для бизнеса и для государства реально функционирующих **в целом по России** технопарков? (Прошу, оцените по 10-балльной шкале – от 1 (минимальный уровень полезности) до 10 (максимальный уровень).

_____

3. Какова, на Ваш взгляд, в современных условиях средневзвешенная полезность для бизнеса и для государства реально функционирующих **в вашем субъекте Российской Федерации** технопарков? (Прошу, оцените по 10-балльной шкале – от 1 (минимальный уровень полезности) до 10 (максимальный уровень).

_____

4. ■ Какие из предоставляемых клиентам функционалов и потенциальных возможностей технопарков Вы считаете наиболее существенными? (Пожалуйста, изложите в порядке убывания значимости такие пункты сверху вниз).

_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

5.▲ На Ваш взгляд, технопарк по своим масштабам должен охватывать число технологических стартапов, не менее:

а) 5;

б) 20;

в) 50;

г) 100.

6. ■ Какие из недостатков и проблем современных российских технопарков Вы считаете наиболее существенными? (Пожалуйста, изложите в порядке убывания значимости такие пункты сверху вниз).

_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

7.● Считаете ли Вы актуальным и необходимым принятие Федерального закона о технопарках в Российской Федерации?

Да / Нет

8.▲ Если на вопрос 7 Вы ответили «да», то какие наиболее важные задачи должен решать этот нормативный акт (помимо более чёткого урегулирования статуса технопарка и решения ряда вопросов льготного налогообложения)?

9.▲ Если на вопрос 7 Вы ответили «да», то что это должен быть за акт?

а) федеральный закон, дифференцированно регулирующий функционирование технопарков в некоторых отдельных сферах индустрии;

б) федеральный закон, унифицированно регулирующий применение функционирование технопарков во всех сферах экономики и промышленности;

в) ■ другое:

_____

_____
_____
_____

10. ■ Регуляторный опыт какого именно зарубежного государства Вы бы рекомендовали сфокусированно учесть при разработке такого российского акта о технопарках (Пожалуйста, укажите и сам референтный акт или акты). И почему?

_____
_____
_____
_____

11. ■ Какие именно действующие российские нормативно-правовые акты и официальные документы наиболее значимы для организации и функционирования технопарков, для их развития? (Пожалуйста, укажите такие акты и документы). И почему?

_____
_____
_____
_____

12.■ Какие недостатки, в том числе правовые пробелы, действующего законодательства Российской Федерации являются наиболее существенными сдержками дальнейшего развития технопарков в России?

_____
_____
_____
_____
_____
_____

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 400 с.
2. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 566 с.
3. Сазонов В.Е. Государственно-частное партнёрство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты / Кафедра административного и финансового права Российского университета дружбы народов / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М., 2012. – 492 с.

Коськова Анастасия Ивановна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОТ УСТАВНЫХ СУДОВ К УСТАВНЫМ СОВЕТАМ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию трансформационных процессов в судебной системе Российской Федерации, обусловленных переходом от модели конституционных (уставных) судов к конституционным (уставным) советам; представлены результаты сравнительного анализа современных моделей конституционного (уставного) контроля в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная реформа, конституционный контроль, конституционные (уставные) суды, конституционные (уставные) советы.

«До реализации или в ходе реализации закона его нормы могут быть подвергнуты всесторонней апробации – легальному и доктринальному толкованию, проверке на конституционность… Цель подобных усилий – перепроверить норму, опирающуюся, казалось бы, на достаточно высокий авторитет законодателя, подтвердить ее доброкачественность, если имеются хотя бы малейшие основания для сомнений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 636)

Современная судебная система Российской Федерации претерпевает серьезные изменения вследствие реформ, оказывающих воздействие на соответствующий сектор правового поля государства. Происходящие преобразования носят неоднозначный характер, что обусловлено уходом от ранее формализованной модели конституционных (уставных) судов и образованием конституционных советов. При этом концепция уставных советов в России до настоящего времени не завершила свое формирование на доктринальном и прикладном уровнях.

В свете поправок Конституции Российской Федерации 2020 г. отменен институт уставного судопроизводства. Согласно Федеральному конституцион-

ному закону от 08 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ, «со дня вступления в силу настоящего Федерального конституционного закона конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации не принимают новые дела к производству. Рассмотрение дел, принятых к производству до дня вступления в силу настоящего Федерального конституционного закона, должно быть завершено и решения по ним должны быть приняты до дня, с которого в соответствии с законами субъектов Российской Федерации конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации упраздняются, но не позднее 1 января 2023 г. Со дня вступления в силу настоящего Федерального конституционного закона новые судьи конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации не назначаются»[1].

Новопавловская Е.Е. справедливо указывает, что: «…сегодня мы становимся свидетелями становления органов квазисудного конституционного (уставного) нормоконтроля на уровне российских регионов, которые в отличие от ранее действовавших конституционных (уставных) судов, не занимают автономного положения в системе региональных органов власти, функционируя при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации» [3, с. 12]. При этом, «Представители властных структур государства нередко подчеркивают определенную зависимость конституционных (уставных) советов от законодательных (представительных) органов и их вспомогательную роль. Примером тому может выступать Республика Адыгея, на официальном сайте Государственного Совета-Хасэ которой отмечается, что Конституционный совет Республики – это вспомогательный орган при Государственном Совете – Хасэ РА, решения которого (в форме заключений) носят констатирующий и рекомендательный характер» [2, с. 302].

Действительно, в Республике Адыгея с 2022 г. официально действует Конституционный совет. Согласно Закону Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном Совете Республики Адыгея» при Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея Конституционный создается совет Республики Адыгея (далее – Конституционный совет) в целях выработки заключений по внесенным в Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея проектам конституционных законов Республики Адыгея (ч. 1 ст. 1)[2]. Кроме того, указанный закон устанавливает порядок формирования состава данного органа (состав из четырнадцати человек на основе равного (по семь человек) представительства от законодательной и исполнительной власти Республики Адыгея, ст. 2), требования к кандидатам (п. 4 ст. 2), порядок организации работы

[1] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369977/?ysclid=m9gxxtdxct239204662 (дата обращения 11.04.2025 г.).
[2] https://docs.cntd.ru/document/406030949?ysclid=m9u9lbgqyk762907219 (дата обращения 11.04.2025 г.).

Совета (ст. 3) и обеспечения деятельности (ст. 4). Принятие решений Конституционным советом осуществляется посредством открытого голосования, при котором требуется простое большинство голосов членов, присутствующих на заседании. Заключения, выносимые данным органом, обладают рекомендательным характером (п. 5, ст. 3). Процедура рассмотрения проектов конституционных законов Республики Адыгея в Конституционном совете регламентирована установлением десятидневного срока с момента их поступления. По итогам данного рассмотрения Совет формирует соответствующее заключение. В случае, если член Конституционного совета выражает особое мнение относительно рассматриваемого вопроса, он вправе представить его в письменном виде, и данное мнение подлежит обязательному приложению к итоговому заключению (п. 4, ст. 3). Выработанные Конституционным советом заключения подлежат рассмотрению профильными комитетами и комиссиями Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея, а также самим Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея в соответствии с положениями Регламента данного законодательного органа. Основной целью деятельности Совета является правовая экспертиза и выработка заключений по проектам конституционных законов республики, вносимых на рассмотрение в законодательный орган субъекта. Таким образом, деятельность Совета представляет собой форму превентивного контроля за конституционностью регионального законодательства, реализуемого вне рамок судебной системы.

Совет не обладает статусом судебного органа конституционного контроля и, следовательно, не уполномочен выносить юридически обязательные решения о соответствии региональных нормативных актов Конституции Республики Адыгея или федеральному законодательству. Он также не заменяет конституционный суд субъекта, поскольку не наделён функциями правосудия в сфере конституционного контроля, как это было предусмотрено, например, в статусе конституционных (уставных) судов ряда субъектов Российской Федерации. Однако при этом Совет выполняет крайне важную функцию – восполняет институциональный пробел, связанный с отсутствием формализованного судебного механизма превентивного контроля за конституционностью регионального законодательства. Он служит связующим звеном между этапом законодательной инициативы и парламентским рассмотрением, обеспечивая определенный уровень правовой фильтрации, экспертного анализа и правотворческой экспертизы на докомитетской стадии рассмотрения законопроектов. Такая функция имеет важное значение в условиях, когда высока вероятность правовых коллизий между региональными и федеральными нормами, а оперативность принятия решений в субъекте требует быстрого и достоверного предварительного заключения о соответствии проектируемых актов основам конституционного строя.

Кроме того, Совет способствует формированию правовой культуры среди субъектов законодательного процесса, повышая степень правосознания и юридической ответственности органов власти. Конституционный совет Республики Адыгея представляет собой модель экспертно-правового фильтра, который обеспечивает правовую устойчивость регионального законодательства, выступая важным элементом системы предварительного нормоконтроля в субъекте Российской Федерации. Его деятельность способствует созданию правовой среды, в которой законотворчество опирается на экспертные заключения, учитывающие специфику региональной правовой системы и необходимость ее соответствия федеральным конституционным принципам.

В аспекте формирования нового института представим опыт Республики Татарстан, учредившей Конституционный совет.

Закон Республики Татарстан от 13.06.2023 г. «О Конституционном совете Республики Татарстан» определены статус, полномочия, основы организации и цели деятельности, состав и порядок образования Конституционного совета Республики Татарстан, а также статус его членов. Заявленный орган осуществляет факультативный нормоконтроль в отношении законов Республики, нормативных правовых актов Главы Республики, а также актов исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления (ч.ч. 1-2 ст. 5)[1]. Кроме того, Совет обязан проводить обязательный предварительный нормоконтроль в отношении проектов Конституции Республики Татарстан и конституционных поправок (ч. 3 ст. 5). Совет уполномочен осуществлять факультативный предварительный нормоконтроль договоров, заключаемых от имени Республики Татарстан (ч. 5 ст. 5), и давать профессиональные, но неофициальные толкования Конституции Республики Татарстан (ч. 4 ст. 5). В рамках своей деятельности данный орган подготавливает ежегодный отчет о состоянии конституционной законности в Республике (ст. 12), а также занимается научно-методическим обеспечением развития конституционного законодательства (ч. 7 ст. 5), содействует правовому просвещению и повышению правовой культуры населения Республики Татарстан (ч. 8 ст. 5). Однако в тексте Закона о Конституционном совете отсутствует конкретизация деятельности, уполномоченных органов по вопросу судебной практики. В связи с этим представляется затруднительным определить точный объем и содержание указанных полномочий. Его рекомендации могут носить как консультативный, так и обязательный характер, что позволяет органу участвовать в экспертной оценке принимаемых нормативных актов с акцентом на обеспечение соблюдения конституционных норм [1, с. 186-188].

[1] https://docs.cntd.ru/document/406695089?ysclid=m9u9mvsacf164685357 (дата обращения 11.04.2025 г.).

Вместе с формированием нового опыта также следует представить практику, которая имеет место быть в субъектах России, в которых были упразднены конституционные (уставные) суды и не сформированы конституционные советы.

Так, ст. 2 Законом Санкт-Петербурга от 31 марта 2021 г. был упразднен Уставной суд Санкт-Петербурга. Сопряженный функционал согласно п. 5 ст. 30 Устава г. Санкт-Петербург реализует Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в части «1) контроля за соблюдением и исполнением настоящего Устава, законов Санкт-Петербурга и иных правовых актов, принятых Законодательным Собранием Санкт-Петербурга»[1].

Кроме того, судебный контроль за соответствием правовых актов учредительным документов субъектов Федерации осуществляется в рамках административного судопроизводства по правилам, предусмотренным Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. В частности, предметом административного судопроизводства является, в том числе, оспаривание нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 1). В данный момент институт административного иска является основным в оценке оспариваемых правовых актов субъектов России.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает выдвинутый нами ранее тезис о пробельности и теории, и практики формирования новой институции оценки конституционности правовых актов на уровне субъектов Федерации. Полагаем, статистические материалы, обобщенные со временем по различным векторам конституционно-контрольных институтов в субъектах Российской Федерации, позволят определить наиболее успешные практики для их дальнейшего распространения.

Список цитируемой литературы

1. Курятников В.В. Конституционный совет Республики Татарстан: первый взгляд. Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 186-188.
2. Новопавловская Е.Е. Первый опыт регламентации полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. № 2. С. 300-307.
3. Новопавловская Е.Е. Реформирование законодательства и правоприменительной практики в области конституционного (уставного) нормоконтроля в субъектах Российской Федерации» // Правовая мысль. 2023. № 2(7). С. 12-19.

[1] https://docs.cntd.ru/document/603255338?ysclid=m9gz5hv2td652761668 (дата обращения 12.04.2025 г.).

Кочергина Екатерина Дмитриевна
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодарский край, Россия)
Литвиненко София Андреевна
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Гелуненко Валерия Вадимовна,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ

Аннотация. В статье особое внимание уделяется сравнению понятий «референдум» и «плебисцит», исследуются проблемы терминологической и юридической определенности, а также содержательные различия между этими явлениями. Фрагментарно рассматривается российский и зарубежный опыт использования данных понятий, а также проводится анализ соотношения понятий «всенародное голосование» и «общероссийское голосование».

Ключевые слова: конституция, непосредственная демократия, референдум, плебисцит, всенародное голосование, общероссийское голосование, воля народа, юридическая сила, легитимность.

«Отдельный индивид, как и крупный коллектив, действуя в собственном интересе, непременно укрепляет себя, повышает свою жизнестойкость, достигает новые ступени развития» (Г.В. Мальцев) [1, с. 271]

В современных демократических государствах референдум рассматривается в качестве одной из значимых форм непосредственной демократии. Его проведение позволяет гражданам напрямую участвовать в принятии решений по наиболее значимым вопросам государственного и общественного значения, минуя публичные органы власти. Отношение к референдуму как к высшей форме демократии обусловлено его способностью выступать инструментом легитимации политических процессов, выражать подлинную волю народа и обеспечивать дополнительный контроль общества над деятельностью государственной власти.

Значение референдума как института непосредственной демократии заключается не только в его уникальной роли и в реализации принципа народного суверенитета, но и в потенциальной эффективности принятых на его основании решений. Решения, утвержденные большинством голосов на референдуме, как правило, воспринимаются населением как наиболее легитимные, что способствует их более успешной и быстрой реализации на практике. Вместе с тем вопрос об эффективности применения таких решений требует особого рассмотрения, поскольку не всегда решения, принятые большинством, оказываются эффективными, а сама процедура зачастую сопряжена с многочисленными трудностями: от юридических коллизий до низкой информированности участников.

Следует отметить, что в научной и обыденной дискуссии нередко отождествляются понятия «референдум» и «плебисцит». Тем не менее, несмотря на наличие общего признака - непосредственного голосования граждан - эти институты имеют ряд существенных отличий, связанных как с их юридической природой, так и с политическими последствиями их проведения. Для более глубокого понимания их правовой природы необходимо отдельно рассмотреть понятие референдума и плебисцита, определить их основные отличия и специфику применения в различных правовых и политических системах.

Начнем с того, что «плебисцит - это опрос граждан, с целью определения судьбы тех или иных территорий государства, или для решения других вопросов локального характера» [2]. Термин ««плебисцит» происходит от латинского слова plebiscitum (лат. plebs – плебс (простой народ) и лат. scitum – решение, постановление)» [2]. Референдум также происходит от латинского слова «referendum и означает - то, что должно быть сообщено» [3], «отнесено, возвращено» [4]. Словарные «источники определяют референдум как всенародный опрос, голосование для решения особо важного государственного вопроса» [3].

Казалось бы, на первый взгляд разница между указанными определениями очевидна, однако на практике существует ряд проблем разграничения референдума и плебисцита.

Во-первых, существует проблема отсутствия четкой терминологической определенности. Как утверждает Г.В. Синцов, «в мировой и отечественной политической и государственно-правовой теории референдум чаще всего отождествляют с плебисцитом» [5, с. 81]. Различные научные источники и словари зачастую приводят схожее содержание этих понятий, что приводит к их слиянию.

Во-вторых, существует терминологическая неясность и недостаточная закрепленность различий на законодательном уровне. Как отмечает М.В. Старостенко, «определенная терминологическая неясность существует и в законодательстве зарубежных стран» [6, с. 76]. Об этом же говорит и Синцов Г.В., который подчеркивает, что в Конституции Бразилии 1988 г. применя-

ются оба понятия: и референдум, и плебисцит[1]. В некоторых странах применяется только термин «референдум» (как в России, согласно ч. 3 ст. 3 Конституции), в других – только «плебисцит» (например, в законодательстве Индонезии для наиболее значимых голосований применяется плебисцит; например, при определении статуса Западного Ириана в 1969 г.), а термин «референдум» не используется вовсе), а где-то они используются параллельно, но по сути различий в процедуре или последствиях не проводится (например, например, Конституция Чили[2] до недавнего времени официально употребляла термин «плебисцит», а «референдум» не использовался, однако после внесения изменений в Конституцию в 2021 году данные термины стали употребляться параллельно, хотя термин «плебисцит» является все-таки превалирующим

Третья проблема разграничения заключается в том, что критерий разграничения чаще всего сводится к содержанию вопроса, выносимого на голосование. Синцов Г.В. отмечает следующее: «в чем же видят основное различие между референдумом и плебисцитом виднейшие отечественные и зарубежные ученые? Это предмет голосования, вопрос, выносимый на утверждение народом» [5, с. 84]. Однако даже этот критерий не всегда выдерживается на практике. Таким образом, мы не можем не согласиться с Синцовым Г.В., который считает, что «разграничение понятий «референдум» и «плебисцит» носит скорее доктринальный характер» [5].

Также в контексте рассматриваемого вопроса нельзя обойти вниманием отечественный вопрос соотношения таких понятий как «всенародное голосование» и «общероссийское голосование».

Отметим, что в российском законодательстве автономный термин «всенародное голосование» четко не определен. Однако, исходя из трактовки ст. 135 Конституции Российской Федерации и ст. 6 федерального конституционного закона от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», следует, что всенародное голосование может быть проведено в случае, если Конституционное Собрание выносит проект новой Конституции Российской Федерации.

Что касается общероссийского голосования, то это понятие впервые приобрело юридическую силу в связи с голосованием по вопросу одобрения изменений в Конституцию России в 2020 году. Внесенные изменения в Конституцию были приняты по итогам «общероссийского голосования», правовая процедура проведения которого была определена отдельными нормативными правовыми актами: Распоряжение Президента Российской Федерации от 14 февраля

---

[1] Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 года // Сайт. URL: https://www.gov.br/cade/en/content-hubs/legislation/brazilian-constitution

[2] Конституция Чили // Сайт. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Chile_2021

2020 г. № 32-рп «Об обеспечении участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации»; Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2020 № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации»; Постановление ЦИК России от 20 марта 2020 № 244/1804-7 «О Порядке общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации». Таким образом, исходя из реализованной в 2020 году поправочной практики, можно предположить, что общероссийское голосование может проводиться в случае внесения поправок в Конституцию, если для этого потребуется мнение народа и будет соответствующее ходатайство определенного субъекта – Президента России.

Подкреплением нашей версии служит авторитетное мнение М.В. Мархгейм, которая еще в 2021 году писала, что «в конституционном сопряжении всенародное голосование соотносится с процессом пересмотра Конституции России, а общероссийское голосование – с «поправочным» процессом» [7, с. 150].

Таким образом, систематизировав мнения ученых, занимавшихся понятийными вопросами, мы приходим к заключению о преимущественно доктринальной природе различий между рассматриваемыми институтами народовластия – плебисцит и референдум.

Что же касается второй части исследования, отметим главные отличия: референдум, как и всенародное голосование – это строго определенная законом процедура, решения которой имеют высшую юридическую силу и обязательность для всех органов власти, в то время как «общероссийское голосование» – это специальная, вне рамок закона о референдуме, форма выражения воли народа, которая не носит или не всегда является юридически обязательной и проводится на основании специальных актов (как было в 2020 году). Например, Указом Президента Российский Федерации от 01 июня 2020 года № 354 «Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации». Его результаты могут иметь политическую, но не всегда юридическую силу и последствия.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. М. : Норма : ИНФРА-М. 2011. 800 с.
2. Большой юридический словарь. Сайт. URL: https://gufo.me/dict/law/плебисцит

3. Большой толковый словарь русского языка. Сайт. URL: https://gramota.ru/poisk?query=референдум&mode=slovari&dicts[]=42
4. Толковый словарь Ушакова. Сайт. URL: https://gufo.me/dict/ushakov/референдум
5. Синцов Г.В. Проблемы разграничения понятий института референдума и плебисцита в законодательстве зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 81-84.
6. Старостенко М.В. Избирательный кодекс Бразилии как пример унифицированного федерального законодательного акта в области избирательных правоотношений // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 75-80.
7. Мархгейм М. В. Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки / М. В. Мархгейм // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 1. С. 145-154.

Моисеева Александра Эдуардовна
магистр факультета Международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА

Аннотация. Статья посвящена теме правового регулирования в сфере циркового искусства, рассматриваются современные проблемы правового регулирования в рассматриваемой сфере. Обосновывается необходимость формирования самостоятельной отрасли права, регулирующей общественные отношения в сфере циркового искусства.

Ключевые слова: цирк, цирковое искусство, право, правовое регулирование в сфере циркового искусства, государственное управление в сфере циркового искусства, государственная культурная политика, культура

«По природе своей право есть нормативный регулятор, его социальное назначение проявляется в регулировании жизненных процессов, т. е. в сознательной организации порядка, его поддержании, сохранении и защите ради определенных, признанных культурным сообществом целей» Г.В. Мальцев [1, с. 5]

В настоящее время базовым нормативным источником, регулирующим общественные отношения в сфере культуры, в том числе в отношении циркового искусства, остаются Основы законодательства Российской Федерации о культуре[1]. Несмотря на общую направленность документа, он не обеспечивает полноценной и специализированной правовой регламентации, отражающей особенности цирковой деятельности как уникального культурного феномена [2]. В советский период цирковое искусство находилось в фазе активного институционального становления, чему способствовала централизованная государственная поддержка, признание цирка в качестве самостоятельного социокультурного и правового института, а также формирование нормативно-правовой базы, учитывающей его специфику. В современных условиях значение правового регулирования в гуманитарной сфере существенно возрастает. В условиях ускоряющихся социально-культурных трансформаций и глобальных вызовов, возрастание роли культуры как фактора национальной идентичности и устойчивого развития требует соответствующего опережающего правового реагирования. Цирковое искусство в этом контексте представляет собой не только форму художественного выражения, но и особый правовой объект, включённый в систему национальных культурных приоритетов и отражающий кодовые элементы исторической памяти и коллективной идентичности.

Ключевая задача государства в этой сфере заключается не столько в формальном поддержании правового статуса-кво, сколько в создании гибкой, адаптивной и опережающей нормативной системы, способной адекватно отвечать современным вызовам. Однако на практике наблюдается иная тенденция: вместо поступательной модернизации правовых механизмов регулирования циркового искусства, происходит либо сохранение устаревших правовых конструкций, либо их полное отсутствие. Более того, можно говорить не о сохранении наследия советского правового регулирования, а о его фрагментарной деформации и утрате. Возникает парадоксальная ситуация, при которой цирковая сфера продолжает существовать и развиваться в условиях очевидного дефицита правового сопровождения, что порождает значительные риски нормативной неопределённости, пробелов в праве и институциональной дисфункции.

В этой связи актуальность формирования комплексного, системно ориентированного подхода к правовому регулированию циркового искусства, в том числе на основе разработки самостоятельной отрасли или правового института, не вызывает сомнений и требует научного осмысления. В методологическом аспекте опора сделана на работу И.В. Понкина и А.И. Лаптевой [3].

---

[1] Основы законодательства Российской Федерации о культуре / Утв. ВС РФ 09.10.2022 №3612–1 (в действ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

Следует отметить, что на государственном уровне действительно реализуются меры по поддержки циркового искусства, что подтверждается, в частности, недавним решением о комплексной реконструкции и модернизации одного из ключевых объектов культурной инфраструктуры Большого Московского государственного цирка на проспекте Вернадского [4]. В рамках проведённого опроса общественного мнения был выбран наиболее инновационный архитектурный проект, который, впрочем, вызвал значительный общественный резонанс и полемику в профессиональной среде, в том числе среди представителей циркового, архитектурного и культурного сообществ [5].

С одной стороны, реализация данного проекта может способствовать формированию нового визуального облика крупнейшего стационарного цирка Европы, подчеркнуть его статус как центра культурных инноваций и вновь обозначить лидерство России в области циркового искусства. С другой стороны, возникают существенные правовые коллизии, связанные с сохранением культурного наследия.

Архитектура здания цирка представляет собой не только инженерно-строительный объект, но и памятник архитектуры, относящийся к эпохе социалистического модернизма, обладающий историко-культурной ценностью. Его сохранение и адаптация к современным условиям непосредственно соотносятся с целями, обозначенными в Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации[1]. В числе ключевых приоритетов Стратегии указано обеспечение сохранности объектов культурного наследия, поддержка культурного разнообразия, а также формирование целостного культурного пространства страны. В этой связи реконструкция циркового сооружения должна осуществляться с учётом его уникальной историко-культурной ценности и в соответствии с принципами, заложенными в стратегических документах государственной культурной политики. Согласно комментариям одного из архитекторов, принимавших участие в проектировании цирка, где он отмечает, что здание цирка представляет собой из знаковых элементов архитектуры того времени и памятник социалистическому модернизму [5].

Тем не менее, в действующем правовом поле правовой статус цирковых сооружений, включая стационарные цирки, до настоящего времени чётко не определён. Возникает юридическая дилемма: каким образом обеспечивать баланс между необходимостью модернизации объектов цирковой инфраструктуры и обязанностью государства по охране памятников истории и культуры. Следует отметить, что Приказом Министерства строительства и жилищно-

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс».

коммунального хозяйства Российской Федерации утверждены нормативные требования к проектированию и строительству театрально-зрелищных зданий[1].

В соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о культуре исполнительские виды искусства охватывают деятельность, направленную на создание и воспроизведение зрелищных мероприятий[2]. На основании положений проекта Стратегии развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2035 года цирковое искусство рассматривается как самостоятельное направление исполнительских видов искусства, обладающее особыми культурными, техническими и организационными характеристиками[3]. В этой связи цирковые сооружения, обладающие устойчивой зрелищной функцией, логично следует относить к числу театрально-зрелищных объектов.

Тем не менее, в указанном приказе содержится классификация лишь трёх типов театрально-зрелищных зданий: театров, концертных залов и кинотеатров[4]. При этом стационарные здания цирков не включены в перечень, несмотря на их культурное и функциональное родство с обозначенными категориями. Такое ограничительное толкование не учитывает архитектурно-функциональную специфику цирковых зданий, включая купольные конструкции, арену с круговым обзором, специализированные помещения для хранения и эксплуатации реквизита, аппаратуры, а также инженерную инфраструктуру, связанную с обеспечением повышенных требований к безопасности зрителей и исполнителей. Отсутствие в нормативных правовых актах прямого упоминания цирков как разновидности театрально-зрелищных объектов формирует правовой пробел, препятствующий как модернизации цирковой инфраструктуры, так и охране объектов, обладающих признаками культурного наследия. В условиях реализации государственной культурной политики и обозначенных в проекте стратегии задач по обновлению материально-технической базы цирков, развитию кадрового потенциала и совершенствованию нормативного регулирования, представляется необходимым расширение понятийного аппарата и нормативной

---

[1] Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 29 августа 2017 года № 1179/пр «Об утверждение свода правил «Здания театрально-зрелищные. Правила проектирования»// URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/43d/b32cedzsy221dsev4fq0p80pltk4u7l7/SP-Zdaniya-teatralno_zrelishchnye.PDF

[2] Основы законодательства Российской Федерации о культуре / Утв. ВС РФ 09.10.2022 №3612–1 (в действ. ред.) // СПС «Консультант Плюс».

[3] Проект Распоряжения Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии развития циркового искусства в Российской Федерации на период до 2035 года» (подготовлен Минкультуры России 28.06.2023) // СПС «Консультант Плюс».

[4] Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 29 августа 2017 года № 1179/пр «Об утверждение свода правил «Здания театрально-зрелищные. Правила проектирования»// URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/43d/b32cedzsy221dsev4fq0p80pltk4u7l7/SP-Zdaniya-teatralno_zrelishchnye.PDF

базы, включающей цирковые сооружения в перечень объектов, подлежащих особым требованиям проектирования, реконструкции и правовой охраны.

Специфика циркового искусства обуславливает необходимость системной подготовки высококвалифицированных специалистов. До недавнего времени основным учреждением, осуществлявшим подготовку профессиональных цирковых артистов, являлось Государственное училище циркового и эстрадного искусства (ГУЦЭИ), реализующее специализированные образовательные программы, соответствующие высоким профессиональным стандартам в области исполнительского мастерства[1]. Отдельные элементы подготовки специалистов в сфере цирка представлены и в системе высшего образования, в частности, в Российской государственной академии театрального искусства (ГИТИС) осуществляется подготовка по направлению «режиссура цирка», ориентированная на развитие постановочной и художественной составляющей циркового дела[2]. Однако на протяжении длительного периода времени высшие учебные заведения не демонстрировали устойчивой заинтересованности в развитии данной сферы культуры в её полном содержательном объёме. В результате цирковое искусство оказалось фактически исключено из повестки государственной образовательной политики, что обусловило значительный регресс в кадровом обеспечении отрасли. Существующие программы направлены преимущественно на совершенствование творческой компоненты и не охватывают иные стратегически важные направления подготовки, в том числе в области права, управления, экономики культуры и педагогики. Особенно остро ощущается дефицит квалифицированных специалистов, способных осуществлять правовое сопровождение цирковой деятельности, разрабатывать и реализовывать управленческие модели, а также обеспечивать устойчивое функционирование цирковых организаций в современных социально-экономических условиях. Но в текущем году был достигнут важный институциональный сдвиг, который заключался в подписании четырёхстороннего соглашения, направленного на возрождение системы высшего профессионального образования в области циркового искусства. В рамках реализуемой инициативы предусмотрена разработка и последующее внедрение комплексной образовательной программы подготовки управленческих кадров в сфере циркового искусства на базе Московского государственного института культуры [6]. Целью данной программы является преодоление системного кадрового дефицита, сложившегося в результате многолетнего инсти-

[1] Приказ ФГБОУ «Российский институт театрального искусства – ГИТИС» № 01.09/04-ОД от 01.09.2023 «Основная профессиональная образовательная программа высшего образования» // URL: https://gitis.net/upload/iblock/12d/j1e5ufl6rl11fh2jz35usgg87tt4nukv/52.05.02_OPOP_rcircus.pdf

[2] Приказ ФГБОУ «Российский институт театрального искусства – ГИТИС» № 01.09/04-ОД от 01.09.2023 «Основная профессиональная образовательная программа высшего образования» // URL: https://gitis.net/upload/iblock/12d/j1e5ufl6rl11fh2jz35usgg87tt4nukv/52.05.02_OPOP_rcircus.pdf

туционального упущения в развитии высшего образования, ориентированного на потребности циркового сектора. Однако встаёт принципиально важный вопрос: может ли даже инновационная и многоуровневая образовательная программа в краткосрочной перспективе компенсировать утрату профессионального потенциала, обусловленную десятилетиями деградации кадрового обеспечения отрасли, начавшейся после распада Советского Союза?

Несмотря на запуск новой образовательной программы, ориентированной на подготовку управленческих кадров в сфере циркового искусства, сохраняется выраженный дефицит специалистов в смежных и критически значимых направлениях, в том числе в области юриспруденции и экономики. Отсутствие системной подготовки юристов и экономистов, обладающих знаниями, адаптированными к специфике цирковой деятельности, свидетельствует о более глубокой проблеме, а именно фрагментарности правового регулирования данной сферы.

На сегодняшний день цирковое искусство лишь эпизодически отражается в нормах строительного, образовательного, трудового, авторского, налогового и других отраслей права, при этом отсутствует единый правовой подход, учитывающий особенности циркового производства, специфические формы занятости, авторства, контрактных отношений и технической эксплуатации объектов цирковой инфраструктуры. В этих условиях становится обоснованным и научно целесообразным постановка вопроса о необходимости формирования самостоятельной отрасли права, регулирующей общественные отношения в сфере циркового искусства. Концептуализация циркового права как отрасли позволит преодолеть нормативную разобщённость, устранить существующие правовые лакуны, а также обеспечить подготовку специалистов, способных на профессиональном уровне сопровождать цирковую деятельность в её организационно-правовом и экономическом измерениях.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2023. – 800 с.

2. Моисеева А.Э. Цирк: правовое регулирование и государственное управление / Под науч. ред. И.В. Понкина. – М.: Буки Веди, 2025. – 120 с.

3. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 4-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования. – М.: Буки Веди, 2023. – 640 с. // URL: https://moscou-ecole.ru/2023/06/29/methodology_4-2_2023/

4. Сергей Собянин пригласил горожан проголосовать за архитектурную концепцию нового московского цирка // Официальный портал мэра и Правительства Москвы. – 03.03.2025 // URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/12424050/

5. «Построят чудовище в три раза больше». Последний ученик архитектора, создавшего цирк на Вернадского, — о проекте реконструкции // Сетевое издание «Москва онлайн». – 12.02.2025 // URL: https://msk1.ru/text/gorod/2025/02/12/75093242/
6. Запашные, МГИК и Росгосцирк подписали соглашение о подготовке цирковых кадров // ТАСС. – 15.04.2025 // URL: https://tass.ru/kultura/23688779?ysclid=m9jok05pv3617969319

Мокшина Алина Юрьевна,
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
(Сыктывкар, Россия)

Научный руководитель:
Беляева Галина Серафимовна,
заведующий кафедрой административного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2024 ГОД

Аннотация. Данная статья посвящена обзору изменений российского законодательства о государственной службе за 2024 год. В ходе исследования были проанализированы некоторые нововведения, касающиеся должностей госслужбы, кадрового резерва, поступления на службу, конфликта интересов, а также конкурса на замещение государственной должности. Сформулирован вывод о том, чему способствовали данные изменения, а также какие изменения были предложены в 2025 году.

Ключевые слова: Государственные должности, государственная служба, кадровый резерв, поступление на государственную службу, конкурс на замещение государственной должности

«Объект и объективная реальность лежат в начале конструирования образа порядка, на них он ориентирован, к ним возвращается на финальной стадии регулирования, в сфере реализации нормативных требований к поведению людей. Поскольку этот образ проецируется в будущее, предназначен к тому, чтобы наложиться на развивающиеся общественные отношения в регулируемой сфере, он должен быть развёрнут как программа или проект порядка, в

осуществлении которого люди заинтересованы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2011. С. 28).

Законодательство о государственной службе в Российской Федерации, основу которого составляют Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в 2024 году подверглось масштабным изменениям. Подтверждением тому служат, к примеру, обзоры изменений для государственных служащих [1], включая изменения в федеральном законодательстве по противодействию коррупции [2].

Нововведения коснулись должностей госслужбы, кадрового резерва, поступления на службу, конфликта интересов и др. Рассмотрим их подробнее.

Начнем с того, что Указом Президента РФ от 14 ноября 2024 № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» и Указом Президента РФ от 14 ноября 2024 г. № 975 «Об утверждении перечня типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации» актуализированы сводный перечень государственных должностей и перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации.

Изменения заключаются в том, что в новую редакцию перечня включены наименования отдельных должностей в Федеральном Собрании Российской Федерации (например, Сенатор Российской Федерации) и в Верховном Суде Российской Федерации (например, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель коллегии Верховного Суда Российской Федерации), а утратившие актуальность наименования государственных должностей из перечня исключены, например, Министр Российской Федерации – полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе (в соответствии с новым перечнем, статусом полномочного представителя наделен заместитель Председателя Правительства Российской Федерации)[1].

Обновленный перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации содержит 22 актуальных наименования государственных должностей (на 5 больше, чем раньше), которые могут быть установлены законодательством регионов. Также уточнены наименования отдельных должностей в высшем исполнительном органе региона (например, председатель высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, заместитель председатель высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации) и в законодательном органе региона. При этом, как и в первом случае, из перечня исключены утратившие актуальность наименования государственных должно-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2024 № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 47. Ст. 7101.

стей в упраздненных конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации.

Что касается поступления на государственную службу, здесь с 12 марта 2024 года вступил в силу Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 594-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: теперь единая форма анкеты, представляемой гражданином при поступлении на гражданскую службу, перечень включаемых в нее сведений, порядок и сроки их актуализации будут определяться Президентом Российской Федерации[1].

Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 870 «О некоторых вопросах представления сведений при поступлении на государственную службу Российской Федерации и муниципальную службу в Российской Федерации и их актуализации» были утверждены форма анкеты для поступления на государственную службу и муниципальную службу, форма анкеты для поступления на военную службу по контракту в органы федеральной службы безопасности и форма сообщения об изменении сведений, содержащихся в анкете для поступления на государственную службу и муниципальную службу. Кроме того, указ также устанавливает правила обновления информации, предоставляемой при поступлении на службу.

26 ноября 2024 года Государственной Думой был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 442, который отменил запрет на прохождение службы в органах внутренних дел, в федеральной противопожарной службе и в уголовно-исполнительной системе в отношении лиц, уголовное преследование которых было прекращено в связи с деятельным раскаянием по уголовным делам частного обвинения.

В 2024 году также были уточнены и актуализированы порядок заключения и изменения служебных контрактов, регламентированы процедурные аспекты перевода гражданских служащих на другие должности, как внутри одного органа, так и в другие государственные структуры. Так, были конкретизированы основания для перевода (включая перевод с понижением в должности при отсутствии вакансий соответствующего уровня), процедура перевода и основания для расторжения контракта. Унифицирована примерная форма служебного контракта, исключены «существенные условия» как отдельная группа. Кроме того, со-

[1] Федеральный закон от 12.12.2023 № 594-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 51. Ст. 9167.

кращены сроки проведения служебных проверок и предусмотрена возможность включения в кадровый резерв гражданских служащих, уволенных в связи с отсутствием вакансий или отказом от перевода. В целом, эти новшества направлены на повышение эффективности управления кадровым составом и более четкое регулирование служебных отношений.

Указом Президента РФ № 61 от 22 января 2024 г. утверждены два Положения, регулирующие формирование и работу федерального кадрового резерва на государственной гражданской службе. Первое Положение определяет критерии отбора кандидатов и порядок работы с резервом, а второе устанавливает правила представления и проверки сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственных гражданских служащих и кандидатов на включение в резерв[1]. Указ создал правовую основу для эффективного формирования и управления федеральным кадровым резервом на государственной гражданской службе, обеспечив прозрачность и контроль за достоверностью предоставляемой информации.

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации утверждаются формы документов кадровой работы на государственной гражданской службе при формировании федерального кадрового резерва (Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20 марта 2024 г. № 130н).

Что касается урегулирования конфликта интересов на государственной службе, здесь Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2024 № 71 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»[2] вносятся изменения, касающиеся соблюдения госслужащими требований к служебному поведению и требований об урегулировании конфликта интересов. Дополняется перечень оснований для проведения заседания комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

На основании изменений, содержащихся в Указе № 71, соответствующие корректировки коснулись и Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

Данные нововведения не являются исчерпывающими. Изменения также коснулись служебного контракта, пенсионного обеспечения, конкурса на замещение государственной должности, например, Федеральным законом «О внесе-

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2024 № 61 «О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 5. Ст. 663.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2024 № 71 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 5. Ст. 671.

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26 декабря 2024 г. № 494 установлено, что в 2022, 2023, 2025 и 2026 годах по решению представителя нанимателя конкурс на замещение должностей высшей, главной, ведущей и старшей групп можно не проводить.

Стоит также отметить, что в 2025 году усовершенствование законодательства о государственной службе продолжается, так 10 февраля 2025 года в Государственную Думу был внесен законопроект «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». В нем депутаты предлагают увеличить штрафы для чиновников за оскорбления граждан и за игнорирование обращений граждан в полтора раза и в два раза соответственно. По мнению инициаторов данного законопроекта данное нововведение будет способствовать повышению ответственности чиновников за свои действия и мотивировать их к обеспечению должного уровня взаимодействия с гражданами.

Обратим внимание, что законодатель в качестве основных направлений изменений избрал нормы регулирующие государственные должности, кадровый резерв, поступление на государственную службу, также служебный контракт и некоторые другие.

Законодательство о государственной службе в 2024 году претерпело существенные изменения, отвечающие современным требованиям и реалиям. В частности, была проведена унификация правового регулирования служебных отношений, упростив, например, порядок предоставления сведений и документов при приёме на государственную гражданскую службу. Эти изменения повысили актуальность и эффективность законодательства, способствуя его более эффективному применению. Также благодаря обновлению перечней государственных должностей был упрощен порядок работы с ними. Список теперь структурирован по единым правилам, что упрощает его организацию и использование. Ранее в одной строке могли быть указаны несколько должностей, теперь же каждой должности соответствует отдельная строка с уникальным порядковым номером.

Список цитируемой литературы

1. Обзор изменений для государственных служащих // Корпоративный университет Правительства Новосибирской области ГАУ ДПО НСО «Центр оценки и развития управленческих компетенций»: [сайт]. – 2025. – URL: https://coiruk.nso.ru (дата обращения: 21.02.2025).

2. Обзор изменений в Федеральном законодательстве по противодействию коррупции за 1 квартал 2024 года // Официальный портал Администрации города Сургута. URL: https://admsurgut.ru/article/25460/187202/Obzor-izmeneniy-v-Federalnom-zakonodatelstve-po-protivodeystviyu-korrupcii-za-1-kvartal-2024-goda (дата обращения: 21.02.2025).

Рядинская Мария Низамиевна,
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Бородаенко Наталья Васильевна,
старший преподаватель кафедры административного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ИНСТИТУТ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Аннотация. В статье исследуется институт конфликта интересов на государственной гражданской службе, рассматриваемый как один из важнейших инструментов комплексной системы противодействия коррупционным проявлениям, подрывающим доверие общества к органам власти и стабильность государства. Анализируется эволюция понятия «конфликт интересов», его законодательное закрепление в Российской Федерации, а также существующие проблемы, обусловленные широтой и обобщенностью нормативного определения, что требует более четких критериев. Отмечается, что неопределенность критериев затрудняет квалификацию конкретных ситуаций и препятствует эффективному урегулированию возникающих противоречий между личными интересами государственного служащего и его служебными обязанностями.

Особое внимание уделяется критическому анализу различных теоретических подходов к пониманию природы конфликта интересов, его сложной взаимосвязи с коррупцией, злоупотреблением должностными полномочиями и другими смежными правовыми категориями, что показывает многогранность проблемы. Подробно обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правовых и организационных механизмов, направленных на предотвращение участия государственных служащих в процессах принятия управленческих решений, прямо или косвенно затрагивающих их личные экономические, политические или иные интересы, как ключевого фактора в минимизации коррупционных рисков.

Ключевые слова: конфликт интересов, коррупция, государственная служба, предотвращение, урегулирование.

«…Не случайно в обществе господствует вера, что граничащая с предрассудком, в то, будто все социальные болезни, связанные чаще всего с кризи-

сом экономических и политических институтов, успешно лечатся новыми мудрыми законами» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 449)

Коррупция представляет собой серьезную угрозу глобальной безопасности и устойчивому социально-экономическому развитию, подрывая авторитет государственных институтов и препятствуя эффективному функционированию государственного аппарата и общественных механизмов.

Если обратиться к определению коррупции, то в статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под этим термином подразумевается: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»[1].

Эффективным инструментом в борьбе с коррупцией, обеспечивающим прозрачность и открытость государственных учреждений, служит система управления конфликтами интересов.

Исходя из статьи 10 данного Федерального закона, под конфликтом интересов следует понимать ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Важно подчеркнуть, что основная цель законодателя заключается в том, чтобы установить непосредственную связь между некомпетентным исполнением должностными лицами своих служебных обязанностей и их личными интересами, а также потенциальной вероятностью нарушения этих обязанностей. Однако, несмотря на важность данного определения, представляется, что оно носит общий характер, не охватывая всего многообразия ситуаций, в которых может возникнуть конфликт интересов на государственной службе. Это, в свою очередь, затрудняет его однозначную квалификацию и эффективное урегулирование на практике. Данная проблема требует дальнейшего осмысления и поиска

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

более точных критериев для выявления конфликта интересов в различных сферах деятельности государственных служащих. Как отмечает Д.И. Дедов, для конфликта интересов характерно наличие следующих признаков: «противоречие интересов, неправомерное поведение, а также причинная связь между ними» [1, с. 95]. Понимание этого термина основано, прежде всего, на его взаимосвязи с такими понятиями как «коррупция», «взятка» и «злоупотребление должностными полномочиями».

Личную заинтересованность государственного или муниципального служащего, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, можно определить, как возможность получения государственным или муниципальным служащим при исполнении должностных (служебных) обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц. Следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, в том числе С.Е. Чаннова, сводить институт конфликта интересов исключительно к противодействию коррупции было бы неправильно, поскольку необязательно такой конфликт имеет коррупционный результат – государственные гражданские служащие нередко попадают в ситуацию, характеризующуюся конфликтом интересов помимо своей воли и не совершая никаких противоправных действий [2, с. 129].

В то же время конфликт интересов зачастую является фундаментом коррупционных действий, поскольку именно личные выгоды государственных служащих могут способствовать возникновению таких противозаконных действий, как использование служебного положения в своих интересах и получение незаконных вознаграждений.

Согласно мнению А.Д. Ильякова, конфликт интересов среди лиц, занимающих государственные должности, является основой для любого коррупционного правонарушения [3, с. 33]. Для эффективного противодействия коррупции необходимо выявлять и устранять условия, способствующие возникновению конфликта интересов. Следует подчеркнуть, что выполнение служебных задач государственными служащими требует такой организации, которая бы полностью устраняла возможность коррупционных проявлений в их деятельности. В этой связи средства и механизмы, предоставленные государством для обеспечения работы данного государственного органа или учреждения, должны использоваться исключительно в служебных целях, и их применение для решения личных вопросов и удовлетворения частных потребностей служащего недопустимо.

Существует мнение, высказанное М.Б. Горным, что создание полностью независимой государственной службы является наиболее эффективным шагом в борьбе с коррупцией [4, с. 23]. Однако это утверждение можно считать спорным,

так как реализация такой независимости сталкивается с серьезными трудностями из-за глубокой интеграции государственных органов с частными компаниями, а также личными интересами граждан и предпринимателей. Даже наличие нормативных актов, направленных на предотвращение конфликта интересов и требующих прозрачности в отношении доходов и имущества госслужащих, не может гарантировать отсутствие коррупционных правонарушений на практике. В связи с этим возникает необходимость поиска дополнительных механизмов, способных обеспечить реальную прозрачность и подотчётность государственных служащих.

В качестве мер по борьбе с коррупцией и предотвращению конфликтов интересов предлагается включение в законодательные акты перечня обстоятельств, которые могут привести к возникновению потенциальных конфликтов интересов [2, с. 52]

Тем не менее, учитывая разнообразие государственных учреждений, их функций и обязанностей служащих, создание фиксированного списка оснований для конфликта интересов может ограничить объективное рассмотрение каждой отдельной ситуации, которые не соответствуют установленным критериям.

В этом контексте встает вопрос о наиболее действенных способах предотвращения и разрешения конфликтов интересов в государственной службе. Очевидно, что простое перечисление возможных ситуаций не решает проблему. Нужен системный подход, который учитывает особенности различных мероприятий, влияющих на свободу действий служащих и четко регулирующих административные процессы. К тому же, следует усиливать контроль за соблюдением антикоррупционных норм и правил предотвращения конфликтов интересов. Внедрение таких мер поможет повысить эффективность борьбы с коррупцией и укрепить доверие граждан к государственным институтам.

Согласно мнению множества специалистов, одним из наиболее действенных методов предотвращения конфликтов интересов является внедрение особого механизма, способного ограничить участие государственных служащих в принятии решений, затрагивающих их личные интересы. Такой подход поможет снизить риски и обеспечить более открытую систему управления, что, в свою очередь, позитивно отразится на репутации и доверии к государственным институтам.

Проведенное исследование выявило ряд проблем в регулировании конфликта интересов на государственной гражданской службе: нечеткость законодательного определения, отсутствие конкретных критериев для его идентификации и сложность практического применения существующих норм. Эти недостатки создают почву для злоупотреблений и снижают эффективность антикоррупционных мер. Особую сложность представляет дифференциация конфликтов

интересов, которые не всегда носят коррупционный характер, но требуют своевременного урегулирования для сохранения доверия к государственным институтам.

Для решения указанных проблем предлагается комплекс таких мер, как совершенствование нормативной базы с разработкой четких критериев конфликта интересов, внедрение механизмов исключения госслужащих из процессов принятия решений, затрагивающих их личные интересы, а также усиление контроля и прозрачности деятельности государственных органов. Важным направлением является развитие профилактической работы, включая обучение служащих и формирование антикоррупционной культуры. Реализация этих мер позволит минимизировать коррупционные риски и повысить эффективность государственного управления.

Список цитируемой литературы

1. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 288 с.
2. Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / Под ред. В.В. Володина. М.: Ось-89, 2009. 220 с.
3. Ильяков А.Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления // Современное право. 2016. № 4. С. 32-36.
4. Горный М.Б. Предупреждение коррупции: что может общество / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2003. С. 5-23.

Севастьянова Людмила Юрьевна
магистрант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена теме роли стратегического контроля Арктической зоны России на примере транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: Арктическая зона, транспортная инфраструктура, Северный морской путь.

«По природе своей право есть нормативный регулятор, его социальное назначение проявляется в регулировании жизненных процессов… признанных

культурным сообществом целей. В сущности, право есть образ порядка, способного себя сохранять и поддерживать, подтверждать свое существование во времени и пространстве» (Г.В. Мальцев) [1, с. 5].

Любой процесс контроля какой-либо деятельности или области напрямую связан с наблюдением и оценкой прохождения процесса стратегического управления, который в дальнейшем обеспечит нам достижение цели, ради которой мы все это затеяли и той областью права, которой регулируется данная область. Для понимания всех процессов, которые на первый взгляд протекают хаотично, необходимо изучить данную область и понять, что большая часть системы упорядочена, способна себя сохранять и поддерживать. Примером такой организованной системы можно считать транспортную инфраструктуру, созданную человеком с древних времен и имеющую свое развитие в настоящее время. Для такой системы необходимо четкое регулирование и контроль.

Для освоения и контроля такой обширной и стратегически важной территории, как Арктическая зона России, необходима в том числе развитая транспортная инфраструктура. Значение транспортной инфраструктуры для стратегического контроля арктической зоны России носит особо важный характер в силу логичной заинтересованности этой территорией другими странами. Уникальный природный регион, который сочетает в себе экономический и геополитический потенциал не может оставить равнодушными даже те страны, которые территориально не связаны с Арктической зоной, но находят обоснования для причастности в той или иной степени к этой зоне, например, с экономической выгодой или научной заинтересованностью.

Понятие «Арктическая зона России» впервые было установлено решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 года, но не было официально закреплено из-за утраты оригинала документа [2, с. 11]. В состав арктической зоны тогда были включены северные территории восьми субъектов Российской Федерации: Республики Саха (Якутия), Красноярского края, Мурманской области, Архангельской области, Ненецкого автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Чукотского автономного округа, а также вошли земли и острова «…земли и острова, не составляющие к моменту опубликования настоящего Постановления признанной правительством Союза ССР территории каких либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Союза ССР до северного полюса…» [2 5] и внутренние морские воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф.

Арктическая зона России в соответствии Указом Президента Российской Федерации от 05 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» понимается как сухопутные территории, статус которых отражен Указом Президента от 02 мая 2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», а также прилегающие к этим территориям внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации.

Значение Арктической зоны для России во многом объясняется экономическими ресурсами, которые определяются природными ресурсами (нефть, газ, минералы, рыболовство), транспортной инфраструктурой (Северный морской путь, порты, морским и речным транспортом), национальной безопасностью (контроль над территорией и водными путями позволяет укрепить безопасность и стратегической контроль страны), научными исследованиями (уникальность региона и изменение климатической ситуации), культурным наследием (сохранение уникальной традиционной жизни и традиций коренных малочисленных народов).

Интерес к зоне российской Арктики сохраняется и в настоящее время, а в условиях конкуренции за ресурсы, которые в Арктической зоне сосредоточены повсеместно, России необходимо усиливать не только свое присутствие в этом регионе, но и активными темпами включатся в развитие этих территорий, в том числе и в направлении транспортной инфраструктуры.

Транспортная инфраструктура в Арктической зоне представлена совокупность транспортных систем и объектов, которые обеспечивают последовательную организованность перемещения различных грузов и людей, непосредственно связанных со своей деятельностью в этом регионе. К таким транспортным системам и объектам относят автодорожную, железнодорожную, речную, авиационную и береговую (сеть портов, гидрометеорологическое и навигационное обеспечение, связь) инфраструктуру, а также Северный морской путь. В силу ограниченности по времени кратко рассмотрим значение водного транспорта и Северного морского пути для стратегического контроля в арктической зоне России.

Северный морской путь (СМП) – важная составляющая в транспортной инфраструктуре Арктической зоне России и является главным транспортным маршрутом, связывающим порты России. СМП проходит по морям Северного Ледовитого (Баренцево море, Белое море, Карское море, море Лаптевых, Восточно-Сибирское море и Чукотское море) и частично Тихого океана. Морские суда ледокольного типа, которые обеспечивают проход в ледовых условиях («Артика», «Сибирь», «Севморпуть», «Урал», «50 лет Победы», «Ямал» и др.),

научно-исследовательские суда, такие как Академик Трешников, Федоров, Иван Петров, Иван Фролов, НИС Михаил Сомов и множество других, а также морские и речные порты организуют сложную систему транспортной инфраструктуры, необходимой для комплексного развития Арктического региона.

Стоит отметить, что для достижения круглогодичного сообщения по СМП строятся универсальные атомные ледоколы, а это в свою очередь требует модернизацию, в том числе и морских портов [3]. В процессе активного развития СМП, как международного транспортно-логистического коридора для экспорта нефти, сжиженного природного газа и минеральных удобрений, Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики отмечает, что объем перевозок по СМП увеличился с 7 млн тонн в 1987 году до рекорда в 36 млн тонн в конце 2023 года. В связи с активным его использованием и экономически выгодными условиями морских перевозок Правительство РФ утвердило план развития СМП до 2035 года с целью увеличить годовой грузопоток до 150 млн тонн к 2030 году и до 220 млн тонн к 2035 году.

Речной транспорт не менее важен и представлен речными судами, баржами и буксирами, которые используемыми для судоходства и в 80-ти процентах являются единственным способом доставки грузов, например, в Якутии [4]. Несмотря на важность использования данного вида транспорта во внутренних районах нашей страны, существуют факторы, ограничивающие его использование. К таким факторам можно отнести сложные климатические условия, которые сопровождаются сезонностью условий и ограничивают период работы, мелководье рек и слаборазвитые сухопутные коммуникации. Речной флот, также участвует в организации северного завоза, который обеспечивает выполнение своевременной доставки жизненно важного груза на территорию Крайнего Севера и с 1 апреля 2024 года регулируется в России Федеральным законом от 04 августа 2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе». Для более активного использования речных судов на территории Арктики и обеспечения бесперебойности грузовых перевозок, требуется обновление и замена речного флота в силу того, что возраст судов в среднем превышает сорок лет и сопровождается критическим износом судов[1].

В последние несколько десятилетий Федеральное агентство морского и речного транспорта в арктическом бассейне России активно реализует масштабные инвестиционные проекты, направленные на развитие портовой и грузовой инфраструктуры, что значительно увеличивает производственную мощность и способствует экономическому развитию регионов. Основными участниками этих проектов стали ФГУП «Росморпорт» и разные частные компании

[1] Сайт Мосречфлота, https://morflot.gov.ru

(ООО «Новатэк-Западная Арктика», ОАО «МХК «Еврохим»), что свидетельствует об объединении усилий в освоении арктических ресурсов[1].

Современное состояние транспортной инфраструктуры в Арктической зоне Российской Федерации характеризуется низким уровнем технической готовности (отсутствие ресурсов для обеспечения функционирования и обслуживания транспортных систем) и значительным износом подвижного состава (способность транспортных объектов инфраструктуры выполнять свои функции в соответствии с установленными стандартами и требованиями), а также неудовлетворительным состоянием производственной базы (ресурсы, необходимые для обеспечения функционирования и обслуживания транспортных систем [5].

Стратегическая важность водного транспорта в Арктической зоне определяется изолированностью и труднодоступностью региона (отсутствие автомобильных и железнодорожных дорог), важностью обеспечения Северного завоза и доставкой жизненно важных грузов (топливо, продукты, строительные материалы), доступностью к природным ресурсам (нефть, минералы, рыбные ресурсы), обеспечением безопасности в условиях геополитической напряжённости, открытием новых морских путей вследствие изменения климата, инфраструктурным обновлением и развитием водного транспорта, экологически выгодной по сравнению с другими видами транспорта и возможностью взаимодействия и сотрудничества между странами.

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года сказано, что значение Северного морского пути как транспортного коридора мирового значения, используемого для перевозки национальных и международных грузов, будет возрастать в результате климатических изменений.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что транспортная инфраструктура в Арктической зоне России важна для стратегического контроля, а вместе с этим нуждается и в активном развитии для качественного, своевременного и экологически безопасного освоения территории. Принимая во внимание, что в современном мире резко обострилась конкурентная борьба за господство в Арктике (наличие заинтересованных стран по разным направлениям в границах Арктики), а также происходят глобальные изменения климата и экологические риски Россия активно инвестирует в развитие инфраструктуры СМП и морского флота, для использования жизненно важного водного коридора глобальных грузоперевозок и экспорта ископаемых, пересмотрев план развития СМП и объявив о вложении почти 20 трлн руб. в ледоколы, порты, терминалы и спасательные центры до 2035 г.[2]

---

[1] Сайт Мосречфлота, https://morflot.gov.ru

[2] Telegram-канал «Геоэнергетика ИНФО» – @geonrgru

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
2. Лукин Ю.Ф. Статус, состав, население Российской Арктики // Арктика и Север. 2014 № 15. С. 11.
3. Митрюкова К.А. Транспортный каркас Арктической зоны Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Том 13. № 5. С. 1371–1388. doi: 10.18334/epp.13.5.11758
4. Грузинов В. М., Зворыкина Ю. В., Иванов Г. В. и др. Арктические транспортные магистрали на суше, акваториях и в воздушном пространстве // Арктика: экология и экономика. 2019. № 1 (33). С. 6-20. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-6-20
5. Кондратов Н.А. Особенности развития транспортной инфраструктуры в Арктической зоне России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. №4(43). С.68–80. doi 10.17072/2079-7877-2017- 4-68-80

Фоминцев Олег Геннадьевич
магистрант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
(Россия, Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРАВОВЫХ МЕР В СФЕРЕ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ОСВОБОЖДЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ УКРАИНЫ

Аннотация. Статья посвящена проблемам инфицированности сознания населения освобождённых территорий Украины целенаправленной антироссийской пропагандой. Автор осуществляет постановку научно-исследовательской проблемы.

Ключевые слова: война, публичное управление в условиях военного времени, деидеологизация, пропаганда, когнитивные практики в войне.

«Субъекты… на различных стадиях регулятивного процесса создают и применяют нормативный инструментарий для работы с объектом регулирования. Следует выделить по крайней мере три крупные стадии: а) создание проекта идеального образа порядка, переложение его на «язык целей» с постановкой стратегических и тактических задач; б) выработка норм, правил (нормотворчество) на базе представлений о должном, соответствующем данному по-

рядку; в) реализация норм в соответствии с целями, стратегическими и тактическими задачами упорядочения общественных отношений» (Г.В. Мальцев) [1, с. 27].

Статья – постановка научной проблемы – это один их видов дизайна и целевого назначения научной статьи; и постановка научной задачи, сама по себе, уже может быть ценна [2, с. 199, 363].

В настоящей статье осуществляется постановка научной проблемы деидеологизации населения освобождённых территорий Украины.

Как писал Альфред Крумúн (сопредседатель антифашистского фронта Латвии), «нам надо перестать врать себе, что СССР, борясь с фашизмом, освобождал Европу. Европу невозможно было освободить от фашизма, потому что каждая европейская страна никогда от фашизма не страдала, а была соучастником Германии… История – это та школа, которую придётся посещать, даже если этого делать не хочется. Уроки, которые в этой школе озвучивают, требуется аккуратно конспектировать, прилежно зубрить, а ошибки лучше не повторять. Хотя… всего этого можно и не делать, если вас не интересует результат. Для нас, живущих уже в XXI веке, главным уроком Великой Отечественной войны является не тот статус-кво, который сложился в мае 1945-го, а те последствия, к которым он привёл сегодня» [3].

Необратимые исторические изменения – принятие в состав России новых регионов в виде Донецкой, Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в результате восстановления исторической справедливости и вследствие проведения референдумов (28 сентября 2022 МИД России в своих документах артикулировал полную законность проведения референдумов на основе права регионов на самоопределение «в соответствии с Уставом ООН, Международными пактами о правах человека 1966 г., Хельсинским Заключительным актом совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, широко известными как «Хельсинские соглашения» 1975 г., а также заключением Международного суда ООН по Косово от 22 июля 2010 г., подтвердившим тот факт, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какую-либо норму международного права») – повлекли за собой как множество многотрудных задач для России, так и множество очень серьёзных вызовов нашей стране.

Получение гражданства России, по разным источникам, 5,5–6,2 миллионов человек – жителей «новых» (точнее – исторических) субъектов, которые на протяжении более чем 30 лет существования государства Украина, находились под воздействием пропагандистского насильственного насаждения искажённой истории, внушения множественных антироссийских нарративов, а в последние

несколько лет вплоть до крайне русофобских идеологических воззрений, автоматически не сводит на нет эти результаты «трудов» иностранных спецслужб и оплачивавшихся ими украинских «пропагандистских машин».

Вытеснение и нейтрализация внушённых жителям этих регионов русофобских алармистских нарративов, их замещение пророссийскими нарративами становится экзистенциональной (то есть определяющей само существование) задачей России. Единожды мы уже проходили эту стратегическую ошибку – принять в свой состав «западенские регионы» (Галиция, Волынь, Ровно, Закарпатье) без массированной работы с крайне токсичным тогда для нас населением, эта ошибка не должна повториться.

Прежде всего, необходима проработка вопросов организации государственного управления как необходимости нормальной организации жизнедеятельности населения в новых регионах, недопущения хаоса и правового вакуума.

Полагаем, важнейшим фактором в этом вопросе явилось бы расширение правовых гарантий относительно освобождения жителей этих регионов (ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей) от всяких долговых финансовых обязательств – от задолженностей по жилищно-коммунальным платежам, заканчивая кредитными обязательствами перед банками Украины или Запада. Также особенно важным аспектом в изменении мировоззрения являются социальные обязательства, взятые на себя Российским государством перед бывшими гражданами Украины, в частности, выплата пенсий и социальных пособий. Выданные властями регионов и Украиной документы об образовании, трудовом стаже, праве на пенсию, социальную и медпомощь также признаются Россией. Гарантируются права на получение пособий и иных соцвыплат, а также на охрану здоровья в соответствии с законодательством Российской Федерации. Новые российские граждане должны будут и безболезненно реализовать свои имущественные права. До 1 января 2026 года госрегистрация прав на недвижимость будет возможна на основании документов, выданных Украиной и республиками Донбасса[1]. Вместе с тем очень важен дифференцированный подход к примеру для назначения пенсии по инвалидности.

В сети в качестве шутки иллюстрации общеизвестного «селюковского» принципа: «мне должны» – уже стал широко известен пример запроса на пособие по инвалидности и ремонт хаты от «новоиспечённого» гражданина Российской Федерации – бывшего военнослужащего ВСУ, получившего увечье в боях против армии России.

Но это не снимает актуальности и необходимости активного обеспечения одной из базовых функций государства – безопасности. Наличия среди граждан

[1] «Российская газета» публикует пакет законов о принятии ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в состав России // <https://rg.ru/2022/10/05/teper-vmeste.html>. – 05.10.2022.

России, проживающих в новых субъектах (а это, как мы уже сказали, весьма большие цифры), – в немалой части своей пока ещё чуждого для России социума (сделанного таким насильственно при помощи когнитивных практик, остающегося пока таким в силу объективных обстоятельств) – благодатная среда для развития экстремизма и создания вербовочной базы спецслужб недружественных государств, в условиях отсутствия системной деятельности по деидеологизации.

На начальном этапе основой деидеологизации должна стать просветительская деятельность соответствующих государственных органов о неотвратимости наказания за совершение актов терроризма и экстремизма. Учитывая материальную заинтересованность потенциальных объектов вербовки, вместе с тем необходимо предание широкой огласке случаев неисполнения спецслужбами Украины финансовых обязательств перед своими «одноразовыми диверсантами».

В дальнейшем основой деидеологизации как профилактики экстремизма и терроризма должно стать воспитание молодёжи как основы поколения новых Россиян. Воспитания в первую очередь на примерах общей истории, страницы которой так тщательно переписывались в так называемом «Научно-исследовательском институте истории Украины» (один из элементов антироссийской пропагандистской машины).

Следует также выделить задачу укрепления общественного доверия к институтам государственной власти, как фактора, влияющего на привлечение социально активного, трудоспособного населения, ранее проживавшего на территории новых субъектов и выехавших на территорию Украины и других государств во время проведения СВО. В настоящее время в странах Западной Европы принявших большое количество беженцев с Украины (по разным оценкам около 8 миллионов человек), наметилась тенденция к сворачиванию поддержки, ужесточению условий в стране пребывания. При правильной организации вопросов государственного управления на освобождённых территориях бывшей Украины эти течения должны быть использованы с точки зрения привлечения трудоспособного, демографически активного населения выехавшего в страны Европы с началом СВО для привлечения их в их привычные места проживания с предоставлением имущественных гарантий на жилье по Украинским документам. Данный вопрос не отменяет вопросов организации фильтрации, учета и контроля пребывания данного контингента на территории освобожденных регионов как потенциальных переносчиков чуждой идеологии и вероятной вербовочной базы вражеских спецслужб.

Ещё одной важной задачей является исследование опыта массового когнитивного воздействия как инструмента манипулирования народными массами, подготовки и проведения так называемых «цветных революций» с целью свержения законной власти. Результатом исследования должен стать всеобъем-

лющий структурный анализ деструктивных методов воздействия от технологий расширения рамок допустимого («окна Овертона»), до технологий навязывания коллективного мнения и мнения авторитетов.

Одной из очевидных трудностей организации государственного управления на освобожденных территориях мне видится кадровая проблема. В качестве формирования кадрового ресурса предлагаю рассмотреть следующие источники:

a) ветераны СВО, изъявившие желание к продолжению служения Отечеству на должностях государственной службы в освобожденных регионах. Безусловный «золотой фонд», по словам В.В. Путина, настоящая новая управленческая элита России.

b) так называемые политзаключенные на Украине. Люди на деле, доказавшие приверженность Русскому миру, выстрадавшие право называться гражданами России годами заключения. Безусловно основной задачей сегодняшнего дня как иллюстрацией призыва «СВОих не бросаем» является их хотя бы частичный обмен на заключенных, отбывающих наказание в исправительной системе РФ, к примеру за поддержку ВСУ или дискредитацию Армии России. В среднесрочной перспективе в том числе как одна из целей СВО объявленных президентом России В.В. Путиным должно стать полное освобождение политзаключенных на Украине. Соответствующие программы по их реабилитации, психологической адаптации, отбору и обучению для задействования на должностях государственной службы на освобожденных территориях, должны прорабатываться соответствующими государственными органами уже сейчас.

c) бывшие военнослужащие ВСУ, участвующие в СВО на стороне Армии России, например, из отряда Максима Кривоноса. Да, предателей не любят, им не доверяют, но эти бойцы не считают себя предателями, многие из них вполне осознанно встали в строй и воюют против своих бывших сослуживцев на основе глубоких внутренних убеждений.

d) государственные служащие Донецкой и Луганской республик, Запорожской и Херсонской областей с соответствующим опытом государственной службы, послужным списком, отсутствием коррупционных проявлений могут стать основой кадрового резерва для замещения вакантных должностей на освобожденных территориях.

Необходимо и формирование устойчивой идеологической базы в новых субъектах России, как одного из инструментов устойчивого функционирования государственной системы.

Серьёзным вопросом, по нашему мнению, является вопрос отсутствия идеологической базы в основном законе – Конституции России и как следствие – отсутствие идеологических программ в подзаконных ей актах. Это сильно обедняет возможности предотвращения негативных последствий отсутствия

идеологических основ воспитания в виде формирования протестного электората, в том числе так называемой «пятой колонны», различных молодёжных субкультур, в том числе закрытых, саботажу федеральных проектов и программ.

Список цитируемой литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
2. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 5-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы. – М.: Буки Веди, 2025. – 752 с.
3. Крумин А. Нам надо перестать врать себе… // <https://t.me/silavpravderussia/55810>. – 14.01.2025.

Берент Ксения Александровна
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Тонков Евгений Евгеньевич
профессор кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор педагогических наук, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

РУССКАЯ ИДЕЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И.И. ВОСТОРГОВА

Аннотация. В статье раскрывается основное содержание феномена русской идеи в интерпретации церковного и политического деятеля И.И. Восторгова. Установлено, что сущность русской идеи рассматривается мыслителем через призму исключительной роли России и русского народа в историческом процессе. Эта роль заключается в воплощении идеалов православия не только в рамках российской государственности, но и в контексте всемирной истории. Восторгов подчеркивает особую значимость русской идеи для формирования национального самосознания и культурной идентичности России.

Ключевые слова: И.И. Восторгов, русская идея, российское государство, национальные ценности, духовно-нравственные ценности, русская идентичность.

«Религия есть необходимая форма освоения человеком внешнего мира, стоящая в одном ряду с наукой, искусством, литературой, этическим и правовым сознанием общества. Религиозное чувство рождается из духовной потребности веровать, которая сродни потребностям индивида знать, исследовать, художественно самовыражаться, правильно вести себя в обществе и коллективе. Вместе в другими духовными факторами культуры религия формирует общий человеческий взгляд на мир…» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 406).

Вопрос о нравственной высоте, уникальности и самобытности Российского государства сегодня является весьма актуальным, как и слова русского философа И.А. Ильина (1883-1954): «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле – продолжается. И ныне нам более, чем когда-нибудь, подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею» [1, с. 103].

Под такой идеей русские дореволюционные мыслители чаще всего подразумевали «Русскую идею», являющуюся одной из ключевых концепций в отечественной философской традиции и охватывающей достаточно широкий спектр историко-культурных аспектов русской идентичности и самоопределения. Представителями русской идеи являлись такие выдающиеся деятели, как Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др.

Революционные настроения в начале XX века, вызванные противоречиями между назревшей модернизацией и сложившейся патриархальной социально-политической и духовно-нравственной структурой Российской империи, активно поощрялись и поддерживались представителями интеллигенции. Эти процессы привели к возникновению значительных разногласий и в среде духовенства, которые послужили ключевыми предпосылками для формирования государственно-правовых взглядов выдающегося церковного и политического деятеля И.И. Восторгова (1864-1918). Его мировоззрение базировалось на стойкой приверженности концепции русской идеи, которая приобрела особую актуальность в контексте социально-политических трансформаций начала XX века.

Восхождение русской идеи в трудах И.И. Восторгова, выдающегося представителя православного богословия и общественной мысли, неразрывно связано с эпохой правления Императора Александра III, ознаменованной значительным укреплением монархической идеологии и придания особой значимости

национальным и духовным ценностям. Ассоциируя русскую идею с Александром III, Восторгов пишет: «трудно отделить идею от ее носителя» [2, с. 337].

В период правления Императора, считает Восторгов, русская идея и её мирные цели проявили себя с особой насыщенностью. В память об императоре в 1895 году было основано Общество ревнителей русского исторического просвещения, основной задачей которого стало систематическое накопление и популяризация знаний о национальной истории в контексте русских ценностей, которые были продемонстрированы «в славное царствование в Бозе почившего Государя» [3].

Восторгов отмечает, что покойного правителя, известного своей праведностью, провожали в последний путь под другим именем – «Миротворец», и подчеркивает всю глубину мысли этого имени, олицетворяя Александра III с царем, поднявшим «знамя русского самосознания и русских исторических государственных начал» [2, с. 337].

Действительно, замечает мыслитель, на протяжении всей своей многовековой истории Россия никогда не стремилась к завоеваниям. Она не жила за счёт насилия и грабежа, не занималась завоеваниями и воевала только в случае необходимости. Поэтому русскую идею по праву можно назвать «миротворной».

В контексте анализа русской религиозной и философской мысли, Иоанн Восторгов считал центральной задачей русской идеи ликвидацию и подавление всего внешнего и враждебного, что, по его мнению, возможно исключительно посредством единения общества и государства, пронизанного глубочайшим смыслом духовных начал и ясном понимании традиционно-нравственных ориентиров российского государства: «русская идея, являясь широко-человечной, тем более остается русской, и в нравственно-религиозной основе находит свою характеристическую черту и существенный признак» [2, с. 340].

Позиция Восторгова весьма гармонирует с позицией русского философа А.С. Хомякова, который писал: «Всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутое человеческой любовью, имеет свою гордость и свою исключительность. Но русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не вытекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви» [4, с. 5].

Описывая происходящие внутригосударственные события в России начала XX века, И.И. Восторгов с особой тревожностью размышляет о следующем: «Пала вера, ослабело благочестие; опять явились распри и раздоры, ослабление власти и почтения к ней, неуважение к сокровищу Царского Самодержавия, которое всегда было спасительной силой в тяжкие дни жизни России» [5, с. 497]. Мыслитель полагает, что в условиях смены общественно-политической пара-

дигмы, когда предметом массового обсуждения становится сохранение контуров Российской империи, значение русской идеи непременно должно возрасти: «Объединимся сознанием долга чести, правды и любви к своему родному народу» [5, с. 558-559].

Не случайно И.И. Восторгов характеризует царское самодержавие как подлинное сокровище [5, с. 497]. В его воззрениях русская идея, имеющая глубокое нравственно-религиозное основание, находит свое отражение в царском самодержавии, являющемся результатом исторического и культурного развития русского народа и признанного его духовным и политическим достоянием.

Таким образом, можно констатировать, что идеологические и политические процессы, протекавшие в российском обществе на рубеже веков, оказали существенное влияние на формирование мировоззренческого мышления И.И. Восторгова. В свою очередь, его государственно-правовые воззрения, основанные на концепции русской идеи, отражали сложные и многогранные процессы, связанные с модернизацией и трансформацией традиционных устоев российского общества.

Сущность русской идеи в воззрениях И.И. Восторгова выражается в исключительной роли России и русского народа в историческом развитии. Эта роль состоит в том, чтобы быть проводником идеалов православия не только в пределах России, но и в мировом масштабе.

Список цитируемой литературы:

1. Ильин, И. А. О русской идее / И. А. Ильин // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 4(5). С. 103-107.

2. Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова : В 5-ти том. - Репр. изд. - Санкт-Петербург : Изд. «Царское Дело», 1995-1998. / Т. 1: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы (1889-1900 гг.). – 1995. 890 с.

3. Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III : [Утв. 14 окт. 1895 г.]. – Санкт-Петербург : тип. А.С. Суворина, 1895. – 19 с.

4. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. – 3-е изд., доп. : В 8-и томах. – Москва : Унив. тип., 1900. / Т. 1. : С портретом. – 1900. – VIII. 408 с.

Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова : В 5-ти том. – Репр. изд. – Санкт-Петербург : Изд. «Царское Дело», 1995-1998. / Т. 3: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы (1906-1908 гг.). – 1995. – 794 с.

Право и государство в современном мире:
состояние, проблемы, тенденции развития
Материалы международной научно-теоретической конференции
(Белгород, 25 апреля 2025 г.)

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 16.06.2025 г.
бумага офсетная. Усл. печ. листов 19,5
тираж 100 экз. Заказ 816

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25
www.gikprint.ru
girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.